

ВЕРА И РАЗУМ

СМЫСЛ ЖИЗНИ

ХРИСТИАНСТВО
И НАУКА

«ЧТО ЕСТЬ ИСТИНА?»

ХРИСТИАНСТВО
И ДРУГИЕ РЕЛИГИИ

ФИЛОСОФСКО-
ХРИСТИАНСКИЕ
МОТИВЫ В ИСКУССТВЕ

В.А.КАРПУНИН

ХРИСТИАНСТВО И ФИЛОСОФИЯ

Когда мудрость войдет в сердце твое, и знание будет приятно душе твоей, тогда рассудительность будет оберегать тебя, разум будет охранять тебя, дабы спасти тебя от пути злого, от человека, говорящего ложь, от тех, которые оставляют пути прямые, чтобы ходить путями тьмы; от тех, которые радуются, делая зло, восхищаются злым развратом, которых пути кривы, и которые блуждают на путях своих.

Притчи 2:10-15.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга — своего рода «промежуточный отчет» за три года моего сотрудничества с Трансмировым радио в рамках программы «Философы о вечном».

Трансмировое радио — это христианское некоммерческое радио, существующее на добровольные пожертвования. Его цель — всемерно способствовать приходу людей к Иисусу Христу как к своему Господу и Спасителю путем проповеди Евангелия Иисуса Христа и единения христиан в Нем вне зависимости от национальных и узкоконфессиональных ограничений.

Первые передачи нашего радио на русском языке для Советского Союза прозвучали в августе 1958 г. из города Танжер, республики Марокко. Сейчас в России работают две студии Трансмирового радио: в Москве и Санкт-Петербурге. Я сотрудничаю с последней студией. Передачи транслируются ежедневно на волнах молодежного канала «Юность» и «Радио Маяк». На территории СНГ их слушают миллионы людей различных национальностей, конфессий, возрастов и социального положения.

Нам пишут, откликаются на передачи, задают вопросы, просят разъяснений, бывает, что и критикуют... Конечно, прежде всего пишут верующие люди, из писем которых мы с радостью узнаем, что они находят духовную поддержку в наших программах. Эти отзывы воодушевляют на дальнейшую работу.

Но нас слушают и пишут нам не только верующие, но и маловерующие, а также и совсем неверующие люди, точнее говоря, люди, которые считают себя неверующими, — и скептики, и агностики, и даже «воинствующие атеисты». Естественно, что именно в их письмах содержится основная часть критических замечаний в наш адрес. Но и эти письма, как и критика, содержащиеся в них, также очень радуют всех нас, потому что являются хорошим импульсом к дальнейшей работе. Кроме того, мы надеемся, что интерес к нашим программам и скептиков, и агностиков, и прямых (честных и прямодушных) атеистов вполне может оказаться началом их движения ко Христу, ведь все же «зацепляет» их душу в наших передачах...

Последовательность сюжетов данного сборника сложилась естественным образом в ходе моего трехлетнего общения с радиослушателями. Каждый текст — это отдельная радиопередача. Сначала передачи были пятнадцатиминутными, потом стали десятиминутными, поэтому какие-то тексты немного обширнее, чем другие. Многие темы подсказаны письмами радиослушателей. Так что строгая академическая организованность текстов в книге отсутствует. Но присутствует, надеюсь, естественная последовательность откликов на важные жизненные вопросы, которые волнуют очень многих людей, и не только христиан... А о том, что эти вопросы действительно интересуют многих людей, я сужу по письмам, которые присылают радиослушатели. На большинство писем я стараюсь отвечать лично, а на некоторые, представляющиеся наиболее интересными, я отвечал специальными программами.

Иногда последующие передачи непосредственно продолжали тему, затронутую ранее, иногда я возвращался к затронутой ранее теме, — разумеется, «под углом зрения», существенно отличающимся от того, под которым она рассматривалась ранее. Отсюда — «переключки» между различными текстами и иногда частичные и вполне уместные повторы. Но я искренне надеюсь, что этой естественным образом сложившейся последовательности сюжетов-размышлений все же внутренне присуща более или менее последовательная логика — как логика органичности, связности и последовательности моей внутренней духовной жизни за последние три года, так и логика самым естественным образом вплетенного в нее (в мою внутреннюю духовную жизнь) общения с радиослушателями.

Читать эту книгу совсем не обязательно сплошь — от начала и далее... Каждая тема вполне самостоятельна, то есть может быть понята без обращения к предыдущим текстам. Это связано с «радиопередачным» происхождением книги: ведь каждая радиопередача должна быта самостоятельной, то есть понятной радиослушателю который впервые «набрел» на волну нашего радио и попал как раз на очередную мою программу...

Конечно же, тексты радиопередач при подготовке их к публикации подверглись определенному редактированию — частичному переводу языка живой речи в эфире в текст, воспринимаемый глазами. Но я не слишком скрупулезно занимался этим переводом. Некоторые тексты оставлены почти без изменения. Поэтому читатель легко заметит довольно-таки многочисленные «родимые пятна» эфирного происхождения текстов. Причем я вполне сознательно оставил их, не желая до конца терять элемент живого непосредственного разговорного общения теперь уже не с радиослушателем, а с читателем.

Довольно часто в письмах слушателей высказывалось пожелание получить тексты моих передач. Данную книгу я рассматриваю как начало выполнения этого пожелания, ибо ее вполне сможет заказать и получить по почте любой заинтересованный человек.

Скажу чуть-чуть о себе, чтобы читатели получили некоторое представление о личности автора и о том, «как он дошел до жизни такой», что уверовал в Бога и усиленно старается угодить Ему, в частности радиослужением и публикацией текстов, подобных тем, которые содержатся в данной книге.

Родился я чуть более пятидесяти лет назад в Ленинграде. И школу, и университет (философский факультет) закончил в этом же городе. В 1974 г. защитил кандидатскую, а в 1985 г. — докторскую диссертацию. Обе — по философии математики. Преподавал философию в различных ленинградских вузах, продолжаю это дело до сих пор. В настоящее время заведу кафедрой гуманитарных и философских наук в Институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина Российской академии художеств (Санкт-Петербург).

В Бога я верил с детства, но верил расплывчато, абстрактно, как в некое Высшее Начало мира, поскольку никакого религиозного воспитания не получил, как и большинство наших граждан при советской власти. Более сознательным верующим, христианином, считаю себя с 1986 или 1987 г., когда стал серьезно интересоваться историей христианства, богословием, христианской философией. И подведен я был к этому интересу следующим образом: когда я писал докторскую диссертацию, то у меня возник один частный вопрос, связанный с желанием понять, как одна математическая система интерпретируется в той или иной другой системе. Например, можно «перевести» геометрию на язык арифметики — геометрическим понятиям поставить в соответствие арифметические понятия и выразить (переписать) геометрические аксиомы на языке арифметики. Это математикам нужно для решения определенных задач, в частности для того, чтобы обосновать непротиворечивость геометрии Эвклида, то есть невозможность доказательства в рамках этой геометрии двух утверждений, которые противоречат друг другу (взаимоотрицают друг друга). Если переведенные на арифметический язык геометрические аксиомы окажутся истинными арифметическими утверждениями (теоремами), то считается, что непротиворечивость аксиоматики геометрии доказана.

Меня заинтересовало в этой связи вот что: а *как* подыскиваются эти интерпретации? Что является их основой? Был некоторый путь чисто рациональных рассуждений, которым я пришел к выводу, что мы находим нужные интерпретации не иначе как, включая некоторый «аппарат» в нашем сознании, позволяющий оперировать с бесконечностью, то есть в сжатое время перебирать бесконечное число вариантов и выбирать из них более или менее правильные, подходящие для решения задачи. Именно этот «аппарат» позволяет нам более или менее успешно оперировать с

бесконечностью —действовать в области бесконечности. От этого вывода мне было достаточно легко перейти к вопросу о том, а Кто же или какое Начало включило бесконечность в нашу голову, обеспечив тем самым возможность нам, конечным существам, не только размышлять о бесконечном, но и прямым образом «задействовать» бесконечное, и не только в ходе поисков интерпретаций одних математических систем в других, но и во многих других случаях? И здесь я «открыл велосипед» — сформулировал для себя некоторое представление о Боге. Я понял, почему моя ограниченная сущность может дерзнуть говорить о бесконечном, и причем говорить достаточно смело.

Я понял, что могу это лишь *потому*, что аппарат рассуждения о бесконечном, который представляет собой саму эту бесконечность, так сказать, «в свертке», встроен в мое сознание, как и в сознание любого другого человека Высшим Началом, Творцом, Богом... Я понял, что возможность размышлять о бесконечном исходит не от меня самого и не от природы, как это понимают материалисты.

Дальнейшие рассуждения привели к тому, что я открыл для себя то, что в истории философии задолго до моих рассуждений (в XI — XII вв.) получило название онтологическое доказательство бытия Божия: я пришел сначала к понятию Бога, а затем уже вывел существование Бога из этого понятия. Это был путь, так сказать, кружной, не очень благодатный, видимо. Но я думаю, что Господь приводит к Себе людей разными путями. На мою долю выпал именно такой путь. Ну, а дальше я стал сознательно интересоваться и Библией, и христианством - стал сознательным христианином.

Приход к Богу я считаю важнейшим событием своей жизни. А теперь, слава Ему, у нас настало время, когда я могу свободно исповедовать свою веру, в том числе и в светских образовательных учреждениях, где я преподаю, и излагать ее в книгах, в частности в той, которую Вы, дорогой читатель, держите в руках.

Конечно же, книга никогда не увидела бы свет только моими личными усилиями. Поэтому я благодарю всех, без чьего участия она не появилась бы.

Прежде всего я искренне и от всего сердца благодарю Подателя всех благ Господа нашего Иисуса Христа за то, что Он дал и продолжает давать мне возможность жить и посильно служить Ему и людям, в частности, сотрудничая с Трансмировым радио.

Благодарю руководство нашего радио, особенно Иоганна Винса, за возможность непосредственно общаться с людьми через радиоэфир, а также — надеюсь, что я в этом не ошибаюсь, за благосклонное отношение к моим программам.

Я признателен также Виктору Мылову, возглавляющему Санкт-Петербургскую студию, за содействие моей работе и за четкость организации ее.

Особая благодарность Татьяне Сатюк, главному редактору этой студии, усилиями которой я был привлечен к сотрудничеству с ТМР. В высшей степени я признателен ей за живую заинтересованность в моих радиобеседах, а также за ненавязчивую деликатность контроля моей работы, контроля, который предполагается ее ответственными редакторскими обязанностями. Все ее советы всегда были в высшей степени ценны для меня, помогали в работе и никогда не препятствовали ей.

Не могу не поблагодарить и звукорежиссера Михаила Соколова, живое общение с которым в ходе записи моих программ очень помогает в работе.

Я признателен Павлу Дамьяну, руководителю замечательного христианского издательства «Библия для всех», рискнувшему издать книгу доселе совершенно неизвестного ему автора.

Благодарю всех моих слушателей за письма, сочувствие, критику.

И наконец, «last but not least» («последнее по порядку, но не последнее по значению»): я благодарю мою жену Татьяну, без родственного соучастия которой во всех моих делах в течение вот уже более тридцати лет я два ли смог бы продолжать жить и работать, в частности над этой книгой.

Всем им земной поклон за соучастие в этой волнующей в высшей степени радостной для меня работе.

Буду благодарен читателям за возможные отклики, которые, уверен, помогут мне в продолжении этого труда, который я рассматриваю прежде всего как свое христианское служение.

Отклики направлять по следующим адресам:

*ХО «Библия для всех»: 196233, Санкт-Петербург, а/я 237 131000, Москва, М.П а/я 12,
Трансмировое радио. E-mail: twr-moscow@mtu-net.ru 194214, Санкт-Петербург, а/я 39.
E-mail: twr-spb@aport.ru*

ХРИСТИАНСТВО И ФИЛОСОФИЯ

Христиане различных церквей очень часто весьма настороженно относятся к философии. Насколько оправдано такое отношение? На первый взгляд, основами для него есть. Это основание — при желании, конечно — можно обнаружить хотя бы в следующих словах апостола Павла: «Смотрите, братья, чтобы кто не увлек вас философиєю и пустым обольщением, по приданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу» (Кол. 2:8). Попробуем разобраться, от какой философии предостерегает нас апостол... Всякая ли философия предосудительна с христианской точки зрения? Другими словами, всякая ли философия представляет собой пустое обольщение?

Слово «философия» буквально, по первоначальному своему значению, означает «любовь к мудрости». Вряд ли Павел предостерегает христиан от любви к мудрости как таковой, от любви к мудрости, не только не противоречащей Евангелию, но, наоборот, имеющей твердое основание в Благой Вести Иисуса Христа. Он говорит о пустом обольщении по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу. Убежден, что далеко не всякая философская доктрина представляет собой пустое обольщение по стихиям мира... Поэтому возможна и давно уже существует христианская философия — философия не только не противоречащая Евангелию и приведенным ранее словам апостола Павла, но, напротив, основывающаяся на спасительной Евангельской вести.

Попробуем далее чуть подробнее разобраться в том, от какой именно философии предостерегает нас апостол...

Но прежде — несколько слов о философии в самом общем смысле...

Чем занимается философия?

Думаю, невозможно дать исчерпывающий ответ на этот вопрос в общем виде. Философских доктрин — самых разнообразных — настолько много, что их невозможно более или менее полно «объять» краткой характеристикой. Но хотя бы несколько поясняющих замечаний не только возможны, но и необходимы.

Слово «философия» имеет греческое происхождение и означает буквально «любовь к мудрости», или, как в XVIII в. писали на Руси, «любомудрие». Можно сказать, что философия — это интеллектуальное предприятие, задача которого — поиск мудрости...

Различные философские теории — результаты этих поисков.

Сферой размышлений философа являются так называемые конечные вопросы бытия, к числу которых относятся, например, такие:

- Как устроен мир?
- Существует ли душа? Бессмертна ли она?
- Что такое свобода воли?
- В чем смысл жизни?
- В чем смысл истории?

К важнейшим задачам философии относится четкое выражение в языке и систематическое обоснование некоторых общих принципов, которые люди обычно воспринимают в ходе своего индивидуального развития без критики, на веру... Примеры таких принципов: «Всякое событие имеет свою причину», или «Мир вне меня именно таков, каким я воспринимаю его — вижу, слышу, обоняю, осязаю и т.д.», или «Различные вещи построены из однотипных элементов» и т. п.

Философы анализируют эти принципы, совершенствуют их формулировки, изучают и уточняют сферы их применимости и т. д.

Характерной особенностью философии, отличающей ее от конкретных наук — математики, физики и других, является, как правило, отсутствие единства мнений по любому общему философскому вопросу. Так, материалисты спорят с идеалистами, сторонники свободы воли — с противниками, философы, считающие что история имеет внутренний смысл, — с философами, утверждающими, что никакого такого смысла нет и быть не может. Философы различных школ и направлений никак не могут договориться друг с другом. Философские споры длятся уже не меньше двух с половиной тысяч лет. Так, может быть, стоит их прекратить, отказавшись от философствования, как такового, или выработать, наконец, «единственно правильную» вечную философию? Существует же, например, единственно правильная арифметика, которую изучают в начальной школе!

Вопрос, однако, не так прост, каким он может показаться на первый взгляд. Я убежден, что люди никогда не смогут отказаться от философствования. Точно также я убежден, что невозможно создание «единственно правильной» вечной философии. Иначе говоря, разнообразие взаимоисключающих философских позиций по одним и тем же вопросам неистребимо.

С чем же связана эта неистребимость? С тем, что философы очень разнообразны по своим жизненным позициям и по темпераменту, под которым я понимаю совокупность типичных способов реагирования того или иного человека на различные обстоятельства и события.

Люди имеют различные темпераменты, и философы, если можно так выразиться, «являются» представителями этих темпераментов.

«К чему вы это говорите? — могут спросить меня. — И физики различаются по темпераменту. Но физика, как наука, едина. Если философия — наука, то и в ней разнообразием темпераментов философов можно пренебречь».

В том-то и дело, что философия в существеннейшей степени — не наука, хотя и в ней, как и в настоящих науках, есть логически строгие доктрины.

Выдающийся британский философ Бертран Рассел говорил о философии так: «Философия представляет собой нечто промежуточное между богословием и наукой. Подобно богословию, она состоит в рассуждениях по поводу предметов, относительно которых точное знание оказывалось до сих пор недостижимым; но, подобно науке, она взывает скорее к человеческому разуму, чем к авторитету, будь то авторитет традиции или откровения».

Это во многом правильная характеристика философии, хотя, на мой взгляд, утверждение, что в богословии недостижимо точное знание, вызывает сомнение, думаю, что оно все же достижимо в самых различных богословских доктринах. Можно также добавить, что философия по своей сути, пожалуй, ближе к художественной литературе, чем к науке. Поэтому неудивительно, что ряд великих произведений художественной литературы имеет глубокое философское содержание. (Вспомним хотя бы творения Л.Н.Толстого, Ф.М.Достоевского.)

Таким образом философы зачастую не столько отображают мир, сколько выражают свою душу — содержание своей души...

Зачем или, лучше сказать, кому нужны философские доктрины? Думаю, что они в той или иной степени небезынтересны для всех людей, не чуждых духовных запросов. Кроме того, они являются жизненной необходимостью для определенного типа людей, который вряд ли можно определить точнее, чем «люди, склонные к философствованию». Людям этого типа философия помогает жить, справляться с жизненными трудностями, «охранять состояние душевного равновесия, избежать страха смерти, или, по крайней мере, попытаться «заговорить» этот страх и тем самым хотя бы отчасти «смириться» с мыслью о смерти. Для таких людей философия является видом рациональной психотерапии, то есть психотерапии, устраняющей психические

недуги посредством переубеждения. (Одна из последующих глав будет посвящена философии как специфической психотерапии.)

Кстати сказать, разнообразие философских доктрин обеспечивает гибкость и разнообразие приемов философской психотерапии: одним в разрешении их проблем хорошо «помогает» Гегель, другим — Шопенгауэр, третьим — Рассел и т.д.

Но всякий вид лечения, всякий вид лекарства хорош в меру и лишь в тех случаях, когда он действительно применим для лечения той или иной болезни. Это замечание полностью применимо к философии как виду духовной терапии. Философия — целительница души, переусердствовав, может вводить душу в соблазн фарисейской самоуспокоенности. Этот соблазн проявляется и в стремлении создавать так называемые «всеобъемлющие» философские системы. Это стремление, на мой взгляд, есть не что иное, как желание раз и навсегда получить в свое распоряжение некий «универсальный ответ» на все мировоззренческие вопросы, некую «универсальную отмычку» ко всем «замкам» мировоззренческих проблем. Осуществление этого стремления находит свое выражение в построении замкнутых, искусственных концептуальных миров, примерами которых являются мир саморазвивающейся абсолютной идеи Гегеля, а также мир саморазвивающейся материи Маркса и Энгельса.

Как правило, создатели подобных «миров» претендуют на замещение своими «творениями» Божьего Откровения о мире, содержащегося в Библии.

Именно от таких философских доктрин предостерегает нас апостол Павел.

Обнаружив философию «по душе» и приняв ее в качестве фундамента своих взглядов на мир, мы отнюдь не гарантированы от соблазна поверить, как в некий Абсолют, как в Бога, в придуманный тем или иным философом искусственный понятийный мир. В определенном смысле любая философская доктрина, которая претендует на свою «абсолютность», есть не что иное, как идолопоклонство, утверждающее, что «нынешнее» понимание мира, нынешнее «укладывание» мира в ту или иную понятийную схему является абсолютным. Философия в этом случае превращается в сон помраченного разума, которому снится, что мир, например, — это не более чем гигантская машина, действующая по строгим законам классической механики.

Надо сказать, что люди — и философы-профессионалы не являются в данном случае исключением — склонны к абсолютизации «рамки» своего понимания мира. Эта абсолютизация и есть идолопоклонство.

Идолопоклонство можно охарактеризовать как недостаточность в восприятии мира, остановку в движении к Богу. Кстати, в специфическое идолопоклонство может впасть и та или иная богословская доктрина, если она начнет претендовать на собственную законченность и абсолютное совершенство в познании Бога.

Познание Бога потенциально бесконечно: мы всегда Можем сделать еще один шаг на пути к Богу... И мы должны делать этот шаг... Останавливаться нельзя!..

Хорошей иллюстрацией идеи потенциальной бесконечности процесса нашего приближения к Богу является высказывание одного из героев романа Ю. Карабчиевского «Жизнь Александра Зильбера». Он рассуждает так «Люди сидят внизу, на берегу моря, и не умеют подняться в гору — и Бог для них на горе. И это правда. Но проходят многие годы, быть может сотни или тысячи лет, и люди поднимаются на гору, и Бога там нет, потому что Он много выше... — в Космосе. Но люди полетят в Космос, и там будет то же самое. Потому что, — слушай, что я тебе скажу! — потому что Бог всегда над людьми, И как высоко ни поднимается человек, Бог останется на пятьсот лет пути выше!»

Глубокое осознание того, что Бог всегда превыше нашего представления о Нем, помогает духовно приближаться к Нему...

Еще несколько слов о философствовании как специфическом виде идолопоклонства. Возможность превращения философствования в идолопоклонство

становится реальностью для агностически и особенно атеистически ориентированного философского разума, для тех «безумцев», которые «сказали в сердце своем: "нет Бога» (ср. Пс. 13:1). В подобных случаях философская доктрина стремится заменить собою истину христианской веры, стать «путем, истиной и жизнью» человека вне Бога, вне Христа, то есть превращается в очередного идола. А «служение» этому идолу, которое выражается ограничением кругозора рамками и действиями, совершаемыми по его «рекомендациям», и есть идолопоклонство, какими бы формулировками, претендующими на научность и рациональность, оно ни маскировалось.

Философское идолопоклонство, с богословской точки зрения, суть не что иное, как гордыня, результат отрыва нашего разума от Бога. Гордыня представляет собой «дьявольский дух надмения» (св. Иоанн Кассиан), начало всякого греха, своекорыстный поворот внимания человека на самого себя, такой исключительный интерес к самому себе, что собственное «я» становится в центре мироздания. Гордыня есть начало «капсулирования» помраченного разума в себе, начало разрыва человека с Богом, «первогрех», который в свое время положил начало разрыву твари и Творца. Гордыня — это стена между нами и Богом. И все эти характеристики гордыни полностью применимы к части философии, превратившейся в идолопоклонство.

Завершая, еще раз повторю: апостол Павел призывает нас остерегаться не любой философии, но лишь той, которая становится нашим «идолом», «перегородкой» между нами и Богом, и которой люди начинают поклоняться и служить как Богу.

КАКОВ ИСТОЧНИК ФИЛОСОФСКИХ ДОКТРИН?

Довольно часто мне задают вопросы: является ли философия исключительно умственным, рациональным трудом? Можно ли построить, или «сочинить», ту или иную философскую концепцию исключительно логическими средствами и методами? Другими словами, можно ли философские системы строить примерно так же, как в математике доказываются теоремы?

Думаю, что во многом философия — это, конечно же, рациональное, логическое предприятие. Философы, как правило, стремятся логически обосновывать свои доктрины, и это бросается в глаза. Поэтому у многих людей создается впечатление, что философия — это, если и не всецело, то во многом логическое предприятие, дело логических размышлений. Действительно разработка философских доктрин имеет логический характер. Но прежде чем что-то разрабатывать нужно сформулировать исходные принципы, которые подлежат логической разработке. Я убежден, что ИСХОДНЫЕ принципы своих доктрин философы принимают не на основе логики.

Философ принимает принципы своей доктрины не на основе логики, но развивает, разрабатывает их, используя логику. Французский философ Анри Бергсон говорил так: «Философ, который достоин этого имени, за нею свою жизнь сказал только одну вещь; да и то он скорее пытался сказать эту вещь, чем действительно ее выразил. Каждый великий философ всю свою жизнь пытается выразить свою оригинальную интуицию. Она предельно проста. И вот почему он говорил всю свою жизнь».

Думаю, что Бергсон имел в виду примерно следующее: чтобы изложить с помощью слов нечто предельно простое и в то же время целостное, то есть нечто такое, что характеризуется глубоким внутренним единством, изложить в форме той или иной философской доктрины, требуется затратить (использовать) очень много слов. Почему? Потому что нечто предельно простое, новое и оригинальное — это очень часто то, для чего еще не найдены, не изобретены слова. Поэтому дороги философских разъяснений очень часто длинны и причудливо извилисты. Они напоминают «серпантин» горных дорог, являются столь же петлистыми и кружными.

Так что философия — это не чисто логическое предприятие, не чисто рациональная конструкция. В деле создания новой философской доктрины интуитивное принятие исходных принципов гораздо важнее, чем их логическая разработка: интуиция первична, а логический разработка вторична. Под «интуитивным принятием исходных принципов философской системы» я имею в виду некий принципиальный жизненный выбор, который осуществляет тот или иной философ. В свою очередь, под «жизненным выбором» я понимаю примерно то же самое, что имел в виду Паскаль, говоря, что сердце имеет свои резоны, которых не знает разум. Эту мысль Лев Толстой любил излагать как мысль о двух умах. Он считал, что у человека есть два ума — ум ума и ум сердца. Ум ума — это привычный, формальный, логический ум. Ум сердца более глубокий, он позволяет в той или иной степени прозревать суть вещей и явлений мира, воспринимать правду жизни. Первый ум Толстой называл также «головным» и считал его сухим и поверхностным, хотя, возможно, и ловким, увертливым. Этот тип ума он явно недолюбливал.

На мой взгляд, принципиальный жизненный (интуитивный) выбор, который осуществляет тот или иной философ, когда создает основы своей доктрины, — это выбор его ума сердца. Есть старое русское выражение — «сокровенный сердца человек». «Сокровенный» в данном случае означает «внутренний», «глубокий», «потаенный». Сокровенный сердца человек есть в каждом из нас. Его вполне можно было бы также назвать душой нашей души. Именно он, сокровенный сердца человек, всегда принимает наиболее важные решения и выбирает, во что он будет верить, кому он будет верить, чему он будет верить. Именно он выбирает исходные принципы той или иной философской доктрины.

Таким образом, в основе философской доктрины всегда лежит некоторая интуитивно принимаемая истина или ложь. Да, если сердце человека склонно ко лжи, то он вполне может выбрать ложь. Я думаю, что именно такая ситуация выражена уже неоднократно цитировавшимися мною замечательными словами псалма: «Сказал безумец в сердце своем: "нет Бога"» (Пс. 13:1).

Если приверженцы таких ложных доктрин, как атеизм и материализм, являются их искренними, горячими и последовательными сторонниками, то этот выбор сделан сердцем материалиста, сердцем атеиста. Ибо, как Сказал Иисус Христос: «Добрый человек из доброго сокровища сердца своего выносит доброе, а злой человек из злого сокровища сердца своего выносит злое; ибо от избытка сердца говорят уста его» (Лк. 6:45).

Конечно, я не имею в виду, что любой человек, который считает себя приверженцем материализма или атеизма, непременно является злым человеком, потому что существует огромная разница между горячими сторонниками материализма и атеизма и людьми, которые считают себя материалистами и атеистами лишь потому, что их так научили в советской школе.

Второй тип материализма и атеизма — это «материализм и атеизм по научению», а не по глубокому сердечному влечению.

Подобный материализм не очень опасен для души человека и окружающих людей. Материалисты и атеисты этого рода довольно часто являются благожелательными, добродушными людьми, они не агрессивны по отношению к верующим людям, а если и были когда-то внешне агрессивны, то это объяснялось не их отречением от Христа, а например, их должностными обязанностями. Многие мои друзья и знакомые — очень хорошие, добрые, сердечные люди — являются такими материалистами и атеистами. Думаю, что они не потеряны для Царствия Божия, ибо имеют возможность покаяться и обратиться ко Христу. Их сердце не прилежит ко злу, оно внутренне склонно к добру. И очень часто требуется лишь небольшое усилие, чтобы разрушить тонкую перегородку между этими людьми и Иисусом Христом,

перегородку, которая возведена советским атеистическим и материалистическим образованием.

Совсем другое дело — материалисты и атеисты, которые в сердце своем отказались от Бога в пользу слепой, глухой, бесчувственной материи. Им кажется, что они выбрали материю, а на самом деле они выбрали дьявола. Такие люди едва ли способны на покаяние. И посмертная участь их, скорее всего, в высшей степени прискорбна.

НАУКА И ХРИСТИАНСТВО

Наш век считается веком науки. Мы едим, лечимся, переезжаем с места на место и даже отдыхаем совсем не так, как наши деды и отцы. Все эти изменения произошли вследствие более глубокого понимания природы, которое мы называем наукой.

Наука оказывает столь сильное влияние на нашу жизнь, что многие люди под влиянием ее развития даже приходят к мнению об «устарелости христианства». Они думают, что христианство — это нечто из прошлого, что, возможно, было полезно для своего времени, но сейчас вытесняется или даже уже вытеснено более эффективными и надежными способами научного решения проблем. Раньше, когда, например, не было высокоэффективных лечебных процедур и препаратов, для больных людей и их близких вполне естественным было молитвенное обращение к Богу с просьбой об исцелении. Сейчас же надежнее обратиться к квалифицированному врачу. И так по многим вопросам. «Наука более надежный помощник в наших нуждах, чем Бог...» — так склонны думать многие люди. Такие мысли и действия, вытекающие из них, представляют собой специфическую форму идолопоклонства, запрещенного Божьей заповедью, а именно: они являются научным идолопоклонством, когда люди начинают воздавать науке почитание, которого достоин лишь Бог.

Действительно ли наука в наше время заменяет христианство? Попробуем разобраться. Прежде всего нужно разобраться, что такое наука, что именно мы подразумеваем под этим словом? Мы также должны ответить на вопрос: как наука соотносится с христианством?

Наука есть изучение видимого, материального мира. Она представляет собой выяснение закономерностей, то есть определенных регулярностей, присущих этому миру, а также применение знания этих закономерностей для удовлетворения практических нужд.

Христианство не отрицает существования материального мира. Первые слова Библии: «В начале сотворил Бог небо и землю» — толкуются богословами как утверждение о сотворении Богом духовного и материального миров. Иначе говоря, Библия утверждает, что существует не только дух, но и материя. Естественно, христианство также не отрицает ни изучения материального мира, ни применения результатов этого изучения для удовлетворения наших (это стоит особо выделить) разумных нужд.

Поэтому никаких принципиальных разногласий между христианством и наукой нет и не может быть. Более того, существуют исследования, ясно показывающие, что именно христианское учение подготовило почву для развития наук.

Все это становится вполне очевидным, если мы заглянем в Библию. Она нам говорит, что мир вполне хорош, потому что таким его создал Бог: «И увидел Бог и < 8, что Он создал, и вот, хорошо весьма», — говорит нам Библия (Быт. 1:31). Позже материальный мир был облагорожен Боговоплощением: «И Слово стало плотью и обитало с нами» (Ин. 1:14). Материальный мир разумен и упорядочен потому, что он создан и продолжает существовать благодаря Высшему Разуму нашего Творца.

Кроме того, христианин верит, что человеческий разум может познавать мир, потому что Бог приказал человеку покорить землю, а Он не приказывает невозможного.

«Плодитесь и размножайтесь, — сказал людям Господь, — и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле» (Быт. 1:28). Таким образом, умами христиан все больше овладевало именно то мировоззрение, которое необходимо для развития науки. Неудивительно поэтому, что современная наука получила развитие преимущественно в христианском мире.

Таким образом, между христианским Откровением и современной наукой существует живая неразрывная связь. Христианство содержит убеждения, которые были необходимы для зарождения науки. Оно также создало «моральную атмосферу», которая способствовала ее росту.

Известно, впрочем, что в прошлые времена между христианством и наукой иногда возникали недоразумения и конфликты. Например, в XVII в. учение о движении Земли вокруг Солнца было осуждено католическим трибуналом. О подобных конфликтах очень любят вспоминать атеисты. Они делают из таких фактов вывод о принципиальной несовместимости христианского и научного мировоззрений. Этот вывод, однако, совершенно неверен.

Но почему все же подобные конфликты были возможны? Потому, в частности, что не всегда сами христиане умели проводить четкую грань между вечным в христианской доктрине и временным, преходящим в ней, между сущностью христианства и предрассудками христиан определенного времени. К подобным предрассудкам раннего средневековья относится, например, мнение, согласно которому рай находится в прямом смысле слова на небе, а ад — под землей; вулканы же поставляют собой отверстия, соединяющие землю с адом...

Повторяю: подобные недоразумения были, но они не имеют сущностного характера, они временны и преходящи. А по сути христианство и наука не находятся в противоречии друг с другом. Совсем наоборот: они вполне согласуются и гармонично соотносятся друг с другом.

Нужно, однако, отметить, что существует, если можно так выразиться, определенное «разделение труда» между христианством и наукой. Христианство, как мы уже знаем, вдохновляет науку на исследование материального мира. Само же оно интересуется преимущественно иным, нематериальным, Высшим, Духовным миром.

Между материальным и Духовным мирами нет противоречия. Более того, законы, свойства и связи привычного для нас материального мира, его упорядоченность обусловлены Высшим, Духовным миром. Можно сказать, что Высший Духовный мир управляет миром материальным, миром физическим, миром привычного для нас повседневного опыта, миром, который преимущественно является объектом научного исследования.

Наука непосредственно не изучает Высший мир. Отсюда атеисты, а также и некоторые ученые делают вывод, что Высшего мира не существует. Этот вывод совершенно не верен. Но зададимся вопросом: как он получается?

Люди рассуждают примерно так: наука изучает естественные процессы, то есть процессы, объяснимые взаимодействиями внутри нашего мира; сверхъестественное не дается нам в результате изучения естественного, поэтому не существует. Подобные рассуждения вполне верны вплоть до слова «поэтому», то есть до вывода о несуществовании сверхъестественного мира.

Сам же вывод совершенно неверен, логически некорректен, то есть сделан с нарушением правил логики.

Они правы в том, что, ограничивая свою мысль передвижениями в сфере «естественного», мы в принципе не можем перейти к сверхъестественному. Но то, что мы не можем логически перейти к сверхъестественному Высшему миру, не является достаточным основанием для умозаключения, согласно которому «Высшего мира не существует».

В данном случае уместна другая аналогия. Предположим, что мы являемся разумными рыбками, плавающими в сферическом непрозрачном аквариуме с искусственным освещением внутри. Что мы могли бы сказать о существовании или несуществовании внешнего для нашего аквариума мира, находящегося за его стенкой? Да ровным счетом ничего! «Наш мир», «наш свет» ограничивался бы аквариумной сферой, наблюдаемой нами изнутри. Мы могли бы разумно говорить лишь о событиях, происходящих внутри аквариума, а о событиях, происходящих за его стенкой, — если бы мы не получили специального откровения об этих событиях, — мы ничего не могли бы сказать. Но во всяком случае мы не имели бы никакого логического права утверждать, что внешнего по отношению к нашей аквариумной сфере мира «не существует».

Подобным образом ограничив свою человеческую мысль обзором непосредственно наблюдаемого мира, замкнув его этим ограничением, словно непрозрачным, и стенками аквариума, мы добровольно лишаем себя возможности выхода в более широкий — Божий — мир. Во всяком случае мы не имеем ни малейшего права утверждать, что этого сверхъестественного, Божьего мира «не существует». Такое утверждение подобно словам неразумного слепорожденного человека о том, что видимого мира — мира света — не существует. Разумный же слепорожденный сказал бы, что, поскольку он не воспринимает этого мира, то он не может ни утверждать, ни отрицать его существования, хотя и слышал свидетельства других людей о его существовании. Но он имеет свободу поверить в существование этого мира на основе свидетельств зрячих людей!

И ученые-материалисты, и христиане «смотрят» Книгу природы. Но материалисты «видят» лишь буквы» этой книги и находят лишь непосредственно зримые закономерности в способах сочетания этих букв. Они называют эти закономерности «законами природы». Они не умеют «читать» эту книгу, то есть не вникают в глубинный смысл этих букв, слов и словосочетаний, не умеют понять, что эта Книга не сводится к черным «значкам» букв, что она рассказывает нам об Ином, непосредственно не видимом, Высшем мире. Христиане же умеют читать эту Книгу, понимают глубинный смысл ее начертаний, говорящий нам о Высшем мире, о Боге. Непосредственно видимое говорит нам о невидимом! Именно об этом пишет апостол Павел в Послании к римлянам такими словами: «Невидимое Его вечная сила Его и Божество, от создания мира чрез рассматривание творений видимы...» (Рим. 1:20).

Так не будем же слепыми, будем зрячими!

ХРИСТИАНСТВО И СВОБОДА

Наше время уникально. Уникально вот в каком отношении: никогда еще в истории человечества не наблюдалось такого преобладания материального над духовным, жизни плоти над жизнью духа. (В отношении же крайней моральной деградации людей с нашим временем сходно, пожалуй, лишь время упадка Римской империи.) Очень быстро растут знания о материальном Мире. На основе этих знаний очень быстро осваивается и покоряется материальный мир. Материальные возможности человечества увеличиваются. Но параллельно этому процессу все более утрачиваются духовные, религиозные ценности. Усиливается пренебрежение к духовному миру. И все больше людей все больше отходят от него. Духовная жизнь угасает. Угасает вера в Бога. Материально человечество обогащается, духовно нищает. Растут и увеличиваются познания, но утрачивается высшая мудрость. Люди присваивают себе все больше прав и все больше отказываются от обязанностей и обязательств и перед Богом, и перед другими людьми. Рекомендуются и принимаются «облегченные» моральные нормы — более приятные и комфортные для деградирующего в моральном отношении человечества. Все больше умирает свобода,

нужная человеку для осуществления его высших духовных запросов. Для беззастенчивого пользования материальными благами духовная свобода не нужна! Наоборот, она мешает, поскольку берedit совесть, отнимает «безмятежность» у процесса «набивания чрева», у процесса неограниченного пользования материальными благами. Подлинная свобода умирает, а на ее месте воцаряется фальшивая, ложная свобода — беспринципная вседозволенность.

Людям без свободы жить «легче»! Поэтому они все охотнее отдают ее в обмен на удобную, спокойную, сонную жизнь — жизнь с усыпленной совестью. Я убежден, что в вопросе о свободе, как в фокусе, сходятся все важнейшие вопросы жизни человека и человечества. Что такое свобода? В самом общем смысле слова свобода — это способность человека действовать или бездействовать по своей инициативе на основе решений своего разума. Свобода неразрывно связана с ответственностью человека: свобода делает человека ответственным за свои действия в той мере, в какой они совершаются добровольно и преднамеренно... Можно сказать: свобода возможна лишь в рамках ответственности! Я говорю о подлинной, духовной свободе. Эта свобода вполне может представляться людям «тяжким бременем ибо ее осуществление очень часто связано с преодолением сомнений и колебаний, со стойким перенесением страданий, с достойным несением креста, который возложил на каждого из нас Бог...

Человек свободен лишь в той степени, в какой он сам определяет линию своего поведения, в какой он сам, исходя из своих внутренних потребностей, просветленных светом разума и знаний, просветленных верой в Бога, определяет свое поведение. Свобода — это самое существенное в человеке. Свобода — это то, что резко выделяет нас в мире живой природы. Свобода — это то, что определяет нашу личность, индивидуальность, нашу уникальность, нашу неповторимость. Наша свобода — это печать нашего богоподобия. Это светлый образ Бога в нас. Это печать нашего первородства. И это образ все больше затмевается в нас современной жизнью. Эта печать все более стирается в современном человеке по его собственной вине! Все более и более люди начинают подменять подлинную — высшую, духовную свободу «свободой произвола», «свободой», которая руководствуется не разумом, а «неразумием».

Как это происходит? Импульс, который побуждает человека поступать произвольно, так сказать, «назло миру и самому себе», поступать по пословице: «А пущай у меня руки отмерзнут — чего хозяин рукавиц не дает» - это импульс очень хорошо описал Достоевский в своей повести «Записки из подполья».

Герой этой повести произносит такую самооправдательную речь: «Скажите, кто это первый объявил, кто первый провозгласил, что человек потому только делает пакости, что не знает своих настоящих интересов; а что если б его просветить, открыть ему глаза на его настоящие, нормальные интересы, то человек тотчас же перестал бы делать пакости, тотчас же стал бы добрым и благородным, потому что, будучи просвещенным и понимая настоящие свои выгоды, именно увидел бы в добре собственную свою выгоду, а известно, что ни один человек не может действовать зазнамо против своих собственных выгод, следовательно, так сказать, по необходимости стал бы делать добро?.. Что же делать с миллионами фактов, свидетельствующих о том, как люди зазнамо, то есть вполне понимая свои настоящие выгоды, отставляли их на второй план и бросались на другую сторону, на риск, на авось, никем и ничем не принуждаемые к тому... Я нисколько не удивлюсь, — продолжает этот персонаж, — если вдруг ни с того ни с сего среди всеобщего будущего благоразумия возникнет какой-нибудь джентльмен с насмешливою физиономией, упрет руки в боки и скажет нам всем: а что, господа, не столкнуть ли нам все это благоразумие с одного разу, ногой, прахом, единственно с тою целью, чтоб все эти логарифмы отправились к черту, и чтоб нам опять по своей глупой воле пожить! Это бы еще ничего, но обидно то, что ведь непременно последователей найдет: так человек устроен. И все это от самой

пустейшей причины, об которой бы, кажется, и упоминать не стоит: именно оттого, что человек, всегда и везде, кто бы он ни был, любил действовать так, как хотел, а вовсе не так, как повелевали ему разум и выгода».

Попробуем разобраться, прав ли этот герой.

Давно уже известна иерархия степеней свободы — от низшего уровня свободы к высшему.

Первый вид свободы — это «свобода от...», — то есть свобода от чего-то, например свобода от стесняющих внешних обстоятельств, от нравственных ограничителей и т.д. Ясно, что «джентльмен с насмешливою физиономией» предлагает действовать в рамках именно этого, низшего, вида свободы, — антиобщественные, преступные, разрушительные и саморазрушительные действия людей не выходят за границы этого типа свободы.

Второй вид свободы — это «свобода для...». Под нею понимается самореализация, самоосуществление человека раскрытие его творческих возможностей, способностей, талантов... В рамках этого вида свободы люди творят, добиваются успехов или терпят неудачи в различных видах созидательной деятельности.

И наконец, третий вид свободы — высшая свобода — «свобода во Имя...», — то есть свобода во имя осуществления высших принципов, высших ценностей. Если второй вид свободы - «свобода для...» — осуществляется как самореализация человека на пути воплощения им какого-либо высшего принципа, высших ценностей, то «свобода во имя Имя...». Лишь эта свобода является подлинной духовной свободой.

Необходимым условием осуществления «свободы во Имя...» является ограничение себя требованиями абсолютных принципов морали, о которых говорит Слово Божие и Библия. Я имею в виду заповеди: «Возлюби Бога превыше себя, а ближнего своего, как самого себя», «Не убивай», «Не кради», «Не прелюбодействуй» и другие. Ограничение своих действий Божьими заповедями, конечно, предполагает определенную «несвободу» для произвола. Если мы свободно принимаем в свою душу Божьи ценности, Божьи заповеди в качестве главного жизненного компаса, то мы неизбежно должны закрыть доступ в свою душу низменных побуждениям и прошлому, ибо «свобода произвола» - это не что иное, как рабство у наших низменных побуждений. Свобода достигает совершенства, когда она подчинена Богу. Путь, который выбирает подлинная свобода, - это путь послушания Богу. Выбор непослушания Ему, выбор зла, выбор греха есть злоупотребление свободой и ведет нас в рабство греху. Это путь погибели.

Возвращаясь к характеристике нашего времени... Я глубоко убежден, что все его беды, неурядицы, катастрофы — связаны с отказом человека от высшей свободы, от свободы во Имя высших, Божьих ценностей. За жалкую чечевичную похлебку тленных материальных благ этой жизни люди продают свое право первородства, истребляют в себе образ Божий и натягивают на себя звериную личину.

Христианин же может и должен извернуться из-под давящей на него плиты мертвой бездуховности, может и должен освободиться очищением в своей душе образа Божия, обретением вновь нашей неотчуждаемой свободы, дарованной нам нашим Творцом. Христианин может и должен не только освободиться сам, но и помочь освобождению других людей. Свобода — это такое удивительное сокровище, которое чем больше раздаешь, тем больше его у тебя остается. Таковы все Божьи сокровища. Будем неукоснительно и с воодушевлением следовать совету апостола Павла: «Итак стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства». И далее: «К свободе призваны вы, братия, только бы свобода не была поводом к угождению плоти» (Гал. 5:1,13). Гарантия успеха в нашем освобождении — преизобильная Божья благодать, Божья помощь в святом деле высветления нами в самих себе образа Божия!

О НАУЧНОМ ИДОЛОПОКЛОНСТВЕ

Сначала несколько слов о том, что такое наука и что такое идолопоклонство. Под наукой в общем смысле слова обычно понимается некоторая тщательно сформулированная и логически систематизированная совокупность утверждений о видимом (материальном) мире. Среди этих утверждений выделяются два основных вида. Первый вид — это описания фактов. А вторым видом важнейших утверждений науки являются формулировки законов. Вторые утверждения, то есть формулировки законов, называют также гипотезами и теориями. Гипотезы и теории представляют собой не что иное, как способы систематизации и компактного описания первых утверждений, то есть утверждений о фактах. На основе законов уже известные факты объясняются, а неизвестные предсказываются. Особенностью научных фактов и законов является то, что они доступны проверке различными людьми, то есть не являются уникальными, единственными в своем роде, каковыми, например, являются наши сновидения. По существу наука — это некоторый понятийный мир, который создается совокупным трудом ученых. Этот мир изменяется со временем: на смену устаревшим научным гипотезам и теориям приходят новые. Таким образом, мир, как его представляет наука, является не более чем некоторой схемой, причем схемой временной: научное представление о мире (научная картина мира) изменялась, изменяется и будет изменяться.

Под идолопоклонством понимается поклонение твари творению, как Творцу. Идолы — это ложные боги. Когда люди не веруют в истинного Бога — Творца, они начинают поклоняться ложным богам. Ложными богами, то есть идолами, могут быть не только языческие боги древних народов, но и любые творения. Причем идолом может быть не только творение Бога, но и творения человека! Например, идолом может стать и наука.

И чем причина впадения людей в идолопоклонство? В чем причина популярности идолопоклонства? Я думаю, что причиной является глубокая и сама по себе оправданная потребность человеческой души поклоняться и служить кому-нибудь абсолюту, верховному началу... Если человек не верит в истинного Бога, то он инстинктивно ищет хоть какой-нибудь объект, которому он мог бы поклониться и служить, и таким образом впадает в идолопоклонство. Идолом может оказаться даже какая-нибудь человеческая личность — Ленин, Сталин, Гитлер, Наполеон и т.д. Отсюда — культ личности.

Научное идолопоклонство проявляется в том, что на науку — на создание человеческого разума — многие люди полагаются больше, чем на Бога. На науку полагаются так, как нужно полагаться только на Бога. В науке, и только в ней, эти люди ищут и видят разрешение всех жизненно важных проблем.

Любой идол — это преграда между Богом и человеком. Если мы начинаем возлагать на науку все те надежды, которые должны возлагать только на Бога, то мы впадаем в научное идолопоклонство. Любая научная теория, которую начинают считать неким «абсолютом», чем-то непогрешимым и спасительным, становится идолом, преградой между нами и Богом, ширмой, которая закрывает Бога от нашего взора.

С религиозной христианской точки зрения, существуют два мира: мир видимый — это привычный для нас физический, вещественный мир и мир невидимый — духовный мир. Наука изучает видимый мир. И пока ученые люди не говорят, что кроме видимого никакого иного мира не существует, пока они не исключают возможности

существования духовного мира, они не впадают в идолопоклонство, поскольку находятся «в пределах компетентности науки». Но если ученые начинают говорить, что существует только видимый мир, и никакого другого мира не существует, то они впадают в идолопоклонство. Ученые не имеют никакого права так говорить, ибо кружение в сфере вещественного (видимого) не является логическим основанием для заявления, что мира невидимого не существует. Если я ограничил свою жизненную деятельность пределами своей квартиры, то это не является основанием для заявления, что никаких других помещений и пространств не существует! Многие великие ученые прекрасно понимали это и, плодотворно занимаясь наукой, были в то же время глубоко верующими людьми. Многие, но далеко не все...

Попробуем хотя бы отчасти разобраться в том, почему у довольно-таки большого количества ученых возникает соблазн впасть в научное идолопоклонство. Я думаю, что одной из причин этого впадения может стать увлеченность людей науки процессом познания видимого мира. Эта причина имеет не логическую, а чисто психологическую природу: у ученого сужается поле восприятия реальности, он принципиально ограничивает свой горизонт видимым миром и перестает воспринимать очевидные сигналы из иного, нематериального мира. Ограничив же свой кругозор видимым миром, сделав его своим идолом, мы всегда «найдем чем заняться» и можем так и не прийти к Богу. Разумеется, подобное возможно лишь в том случае, когда наша душа не чутка, неспособна узреть, что видимое говорит о невидимом.

Наш земной, видимый, физический мир очень разнообразен. Познание его может длиться бесконечно, и нам всегда будет чем заняться. Ибо бесконечное расстояние нельзя пройти «шаг за шагом»... Бездонного колодца не вычерпать. Очень хорошо и образно о бесконечности познания видимого мира говорил ученый, философ и глубоко верующий христианин Блез Паскаль, живший в XVII в.: «Пусть человек отдастся созерцанию природы во всем ее высоком и неохватном величии, пусть уразумеет, что Земля — всего лишь точка в сравнении с огромной орбитой, которую описывает Солнце, пусть потрясется мыслью, что и сама эта огромная орбита — не более чем еле приметная черточка по отношению к орбитам других светил, текущих по небесному своду... Более того, весь земной мир — лишь едва приметный штрих в необъятном лоне природы. Человеческой мысли не под силу охватить ее... Вселенная — это не имеющая границ сфера, центр ее всюду, окружность — нигде... Человек в бесконечности — что он значит?..»

«Ну, а чтобы предстало ему не меньшее диво, — продолжает Паскаль, — пусть человек взглянет в одно из мельчайших существ, ведомых людям. Пусть взглянет в крохотное тельце клеща и еще более крохотные члены этого тельца, пусть представит себе его ножки со всеми суставами, со всеми жилками, кровь, текущую по этим жилкам, соки, ее составляющие, капли этих соков, пузырьки газа в этих каплях; пусть и дальше разлагает эти частицы, пока не иссякнет его воображение, и тогда рассмотрим предел, на котором он запнулся. Возможно, он решит, что уж меньшей величины в природе не существует, а я хочу показать ему еще одну бездну. Хочу ему живописать не только видимую Вселенную, но и безграничность мыслимой природы в пределах одного атома. Пусть он узрит в этом атоме неисчислимы вселенные, и у каждой — свой небосвод, и свои планеты, и своя Земля, и те же соотношения, что и в нашем видимом мире, и на этой Земле — свои животные и, наконец, свои клещи, которых опять-таки можно делить, не зная отдыха и срока...».

Дух захватывает от познавательных перспектив, обрисованных Паскалем! Кстати, некоторые современные ученые-физики, занимающиеся космологией, то есть изучением видимого (материального) космоса, всерьез формулируют гипотезу, которая получила образное название «Все во всем». Суть этой гипотезы подтверждает мысль Паскаля о том, что каждый атом заключает в себе неисчислимы вселенные. Современная физика, как и гениальный Паскаль, отказалась от понятия атома, как от

понятия «неделимой» частицы материи (греческое слово «атомос» дословно означает «неделимый»). Вспомним, что Паскаль жил в то время, когда убеждение в неделимости атома воспринималось как «истина в последней инстанции». Современная физика предпочитает говорить не об «атомах», а об «элементарных частицах», «элементарность» которых тоже оказывается относительной. Они не так уж элементарны, то есть подлежат дальнейшему исследованию. Итак, согласно гипотезе «Все во всем» каждая элементарная частица содержит в себе, так сказать в «свернутом виде», целую вселенную. С точки зрения нашего мира «элементарная частица» — это мельчайшая частица вещества. А если мы проникли бы «внутри» этой частицы, то оказались бы в мире, размеры которого вполне сопоставимы с размерами нашего, видимого, материального мира, то есть «снаружи» — частица, внутри — огромный мир.

Паскаль — не только выдающийся ученый, но и философ, и христианин, поэтому его понимание научного исследования не является идолопоклонническим. Он пишет: «Кто вдумается в это (то есть в бесконечность движения нашего познания природы каквширь, так и вглубь. — *В.К.*), тот содрогнется и, представив себе, что материальная оболочка, в которую его заключила природа, удерживается на грани двух бездн — бездны бесконечности и бездны небытия, — исполнится трепета перед подобным чудом, и, сдастся мне, любознательность сменится изумлением, и самонадеянному исследованию он предпочтет безмолвное созерцание». Истинный ученый не самонадеян. «Безмолвное созерцание» мира, о котором говорит Паскаль, — это начало прозревания за видимым невидимого. Это начало понимания того, что, говоря словами апостола Павла: «невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы» (Рим. 1:20). Апостол говорит, что через природу и творение открывается Творец. Красота и устроенность материального мира свидетельствуют о Творце, об Устроителе нашего мира. И совсем не обязательно быть ученым, чтобы это понять. Очень часто именно простодушному, но духовно чуткому человеку открывается истинность того, о чем говорил апостол. А для тех, кто считает себя ученым, истинность сказанного апостолом очень часто закрыта.

«Люди не могут знать и понимать всего того, что делается на свете, и потому суждения их о многих вещах неверны, — вновь цитирую Паскаля. — Неведение человека бывает двоякое: одно неведение есть чистое, природное неведение, в котором люди рождаются; другое неведение, так сказать, неведение истинно мудрого. Когда человек изучит все науки и узнает все то, что люди знали и знают, то он увидит, что эти знания, все вместе взятые, так ничтожны, что по ним нет возможности действительно понять мир Божий, и он убедится в том, что ученые люди, в сущности, все так же ничего не знают, как и простые, неученые. Но есть люди верхогляды, которые кое-чему поучились, нахватались верхушек разных наук и зазнались. Они ушли от природного неведения, но не успели дойти до истинной мудрости тех ученых, которые поняли несовершенство и ничтожество всех человеческих знаний. Эти-то люди, считающие себя умниками, и мутят мир. Они обо всем судят самоуверенно и опрометчиво и, разумеется, постоянно ошибаются».

Именно эти самые люди верхогляды, о которых говорит Паскаль, склонны впадать в научное идолопоклонство.

РЕЛИГИЯ И КУЛЬТУРА

Культурные достижения человечества тесно связаны с религиозными верованиями. Что такое человеческая культура? Что она включает в себя? Можно с уверенностью сказать, что культура имеет отношение ко всем сторонам нашей жизни. Она имеет отношение в равной степени и к материальным, и к духовным ее сторонам. Строительство зданий — храмов, производственных сооружений, жилых домов,

театров, картинных галерей и т. д. — это культура. Развитие техники, разработка искусственных конструкций, которые облегчают нашу жизнь, — самолетов, поездов, пароходов, бытовой техники — это культура. Организация нашей жизни, нашего быта — это культура. Все виды искусств — это культура. Научная деятельность — это культура. Наша вера в Бога, понимание нравственных обязанностей перед Богом и перед ближними — это, несомненно, культура. Я бы даже сказал, высшая культура. Нет такой области человеческой жизни, которая не была бы самым существенным образом затронута культурой. Культура является необходимым, неотъемлемым свойством человечности. Можно сказать, что культура — это выражение смысла существования человечества.

Как развивается культура? Очень интересный ответ на этот вопрос дает голландский ученый Йохан Хейзинга.

«Человеческая культура, — говорит он, — возникает и развивается в игре, как игра». Игра старше культуры. Об этом свидетельствуют игры животных — животные играют точно так же, как люди. «Все основные черты игры уже присутствуют в игре животных — пишет Хейзинга. — Достаточно понаблюдать хотя бы игру щенят, чтобы в их веселой возне без труда обнаружить все эти черты» — черты игры. Кроме того, всякая игра имеет некий смысл. В любой игре присутствует нематериальный, даже сверхматериальный, духовный элемент. Именно этот духовный элемент делает игру осмысленной и интересной. Хейзинга утверждает, что признавая игру, признают и дух. Ибо игра, какова бы ни была ее сущность, не есть нечто материальное. С точки зрения материального мира, последовательность состояний которого жестко определена физическими законами, — игра является «излишеством», «избытком».

Только вмешательство жизни духа превозмогает эту всеобщую, жесткую, «неумолимую» определенность бытия мира строгими физическими законами, делает возможным, мыслимым и постижимым само существование игры.

Итак, игра — это проявление жизни духа в нас. Кроме того, как я сказал чуть раньше, игра, игровая деятельность людей, лежит в основе культуры. Из этих двух утверждений следует, что культура, созидание культурных ценностей — это проявление жизни духа в нас, проявление СВЕРХматериального мира.

О сверхматериальном мире, об Ином мире, о его реальном существовании говорит и любая религия.

А что такое религия? Как известно, слово «религия» происходит от соответствующего латинского слова, которое означает благочестие, святую и набожность. Любая религия, кроме буддизма, исповедует веру в тех или иных богов или единого Бога. Религии, приверженцы которых исповедуют веру в нескольких или многих богов, ученые называют политеистическими, то есть «многобожными». Христиане же называют подобные религии языческими. Таковыми были религии многих древних народов, например греков и римлян. Религии же, приверженцы которых исповедуют веру в единого Бога, называют монотеистическими, то есть «единобожными». Таковыми являются: иудаизм — религия еврейского народа, ислам — мусульманская вера и, конечно же, христианство — наша вера.

Обычно выделяют три ступени в развитии религии. Первая ступень получила название «естественная религия». На этом этапе люди обнаруживают многообразных «богов» в силах природы. Это — «многобожный», политеистический, языческий этап. На второй ступени люди обретают веру во всемогущего Бога-Господина, дает людям заповеди — повеления, правила, которым люди должны беспрекословно следовать и повиноваться. Этот этап в развитии религиозных верований получил название «религия закона». И, наконец, третий — высший этап связан с глубоким осознанием человеком своей греховности, причем это осознание не исчезает даже при самых великих, настойчивых нравственных усилиях и стремлениях людей. Этот высший этап в развитии религиозных верований получил название «религия искупления».

Существуют два основных варианта религии искупления. Первый вариант наиболее полно представляет собой христианство. Мы веруем в бесконечную милосердную любовь к нам Бога, Который прощает человеку грехи, правда, при соблюдении с нашей стороны одного неперемennого условия: Бог прощает нам наши грехи, если мы искренне стремимся больше не грешить. Это первый и, на мой взгляд, лучший и наивысший вариант религии искупления. Второй вариант представляет собой буддизм — «религия без Бога». Буддисты не веруют в единого Бога — Творца мира и Искупителя наших грехов. Неудивительно поэтому исключительная мрачность и пессимизм их верований. Они глубоко убеждены, что наша жизнь представляет собой скорбь и страдание и не может не быть скорбью и страданием. Страдание — это подлинная реальность нашего мира, а радость — лишь иллюзия, которая очень скоро заканчивается. «Искупление» горестей и страданий этого мира буддисты видят в отказе от бытия как такового, от самой жизни.

Любая религиозная вера обязательно включает в себя убеждение, что существует некоторая Высшая тайная сила, или Высшие силы. Эти силы заслуживают поклонения, почитания их. Они так или иначе участвуют в жизни людей: диктуют правила поведения, наказывают за проступки, поощряют и награждают за должное, достойное, нравственное поведение. Эти Высшие силы дают человеку опору и надежду в земной жизни, а также надежду на будущую жизнь — на жизнь после смерти.

Религиозные верования людей всегда были основой их созидательной, творческой деятельности, результатом которой являются высшие достижения человеческой культуры. Религиозные верования и ценности — это основа, фундамент человеческой культуры. Культурные достижения производны от религиозных ценностей, вторичны по отношению к этим ценностям. Иначе говоря, *ЕСЛИ БЫ НЕ БЫЛО РЕЛИГИОЗНОЙ ВЕРЫ, ТО НЕ БЫЛО БЫ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ!* Очень убедительно сказал об этом русский философ, ученый и священник Павел Александрович Флоренский.

В нашем мире он выделил две стороны — материю, или вещество, и Дух. Но резкой границы между материей (веществом) и Духом нет: материя может быть более или менее пронизана, организована Духом. Основным законом физической, вещественной, материальной стороны нашего мира — является второе начало термодинамики, то есть если материя, материальные объекты и процессы предоставлены самим себе, то они становятся все более неупорядоченными, хаотичными. Материя сама по себе стремится к хаосу, к замиранию каких бы то ни было процессов, к неподвижности, к смерти. Материальная, вещественная вселенная уже давно должна была бы замереть в неподвижности, погрузиться в смерть, если бы «закону Хаоса» (основному закону материи) не противостоял «закон Духа» — закон действия Духа. Закон воздействия Духа на материю Флоренский называет действием Логоса. Логос пронизывает вещество и организует его. Хаос разрушает, а Логос противостоит разрушению и строит новое.

Выражением созидательного воздействия Логоса на материю является именно культура. Культура, по мнению Флоренского, — это сознательная борьба с Хаосом, со смертью. Культура — это неперемennое, обязательное условие жизни. В основе же культуры лежит культ. Другими словами, в основе культуры лежит живая практика служения Богу. Созвучие слов «культ» и «культура» подчеркивает взаимосвязь культуры с культом. Культ же, то есть форма нашего служения Богу, естественно, определяется нашей верой в Бога. Устанавливается такая зависимость. Наша вера определяет культ, то есть форму нашего служения Богу. В свою очередь, культ определяет наше миропонимание, взгляды на мир и объяснение его. И наконец, на основе нашего миропонимания строится культура. Миропонимание определяет, какую культуру мы создаем и как, какими средствами мы ее создаем. Таким образом, в конечном счете, человеческая культура зависит от веры людей в Бога!

ИНДУИЗМ И ХРИСТИАНСТВО

Существенной особенностью религиозной жизни многих народов, которые населяют Индостанский полуостров, является то, что их религиозная жизнь, их верования очень традиционны, глубокими корнями уходят в незапамятную древность. Основные религиозные принципы и идеалы сформулированы мудрецами Древней Индии примерно во втором тысячелетии до Р.Х.

Древнейшим источником религиозных верований индусов являются «Веды». Слово «Веды» относится к древнеиндийскому языку и означает «знание», «ведение». Наше, славянское, слово «ведение» произошло от древнеиндийского слова «Веды».

Итак, «Веды»... Что это такое? Древнеиндийские «Веды» представляют собой большой по объему сборник различных раннерелигиозных текстов. Среди них есть религиозные гимны, жертвенные формулы, то есть слова, которые произносились при жертвоприношениях, и очень многое другое.

Индийские мудрецы занимались изучением и истолкованием текстов «Вед». Результатом этой работы, длившейся около полутора тысяч лет, явилось создание еще большего количества текстов, которые вместе с предшествующими получили название «Упанишад». Слово «Упанишад» буквально означает «сидение вокруг учителя с целью познания истины». Первоначально «Упанишад» представляли собой тайные учения, которые устно передавались от учителя к ученику. В этих учениях давалось объяснение тайного, как говорили учителя-мудрецы, смысла «Вед». Запись и толкование «Упанишад» произошло примерно в VIII в. до Р.Х.

В «Упанишадах» уже содержатся все основные религиозные учения индусов: о всеобщем единстве, сансаре, карме и пути освобождения. Далее я кратко расскажу о каждом из этих учений.

Итак, первое учение — учение о всеобщем единстве. Оно является главным, центральным в индуизме. Суть его в следующем: в основе мира лежит вечно существующая Мысль — «Чистая Мысль», «Мысль как таковая». Эту вечно существующую мысль индусы называют Брахманом. Из этой мысли развился весь наш мир. Брахман извел и продолжает изводить из себя мир. Как из зерна вырастает дерево, так из самоизменения этой Мысли возник, развился и продолжает развиваться весь наш мир. Что означает «самоизменение» этой Мысли? Это не что иное, как ее самопродумывание: она думает сама о себе, и в результате этих дум появляется и развивается то, что мы называем нашим миром. Можно сказать и так: весь наш мир — это не более чем саморазвившийся Брахман. Таким образом, весь мир един в Чистой Мысли — в Брахмане, весь мир — это гигантски разросшаяся мысль Брахмана о мире. Нам лишь кажется, что мир состоит из разнообразных материальных вещей. Нет, говорят индийские мудрецы, наш мир — всего лишь невещественная Мысль. А наше восприятие мира как совокупности различных материальных вещей иллюзорно, оно — видимость, иллюзия, сновидение Брахмана, наше сновидение, ибо Брахман нами видит свои сны. Наш разум спит и видит сны про материальный мир, которого на самом деле нет. Таковы основные положения индийского учения о всеобщем единстве.

Следующее учение — о сансаре. Слово «сансара» означает непрерывное перерождение форм жизни. Учение о сансаре — это учение о непрерывном перерождении форм жизни, о том, что все живущее родственно друг другу. Смерть — это период перехода от одной формы жизни к другой: в следующем существовании можно возродиться в образе языческого «бога», или человека, или животного... Но при всех этих перерождениях действительная сущность вещей остается неуничтожимой, ибо ею является вечно существующий Брахман. При посмертных перерождениях живых существ происходит лишь изменение внешней оболочки, подобно тому как из гусеницы формируется куколка, а из куколки — бабочка...

Но в каждой из своих жизней любое живое существо обречено на муки, на страдания. Более того, индусы убеждены, что жизнь — это сплошные мучения. И, естественно, с древнейших времен индийские мудрецы задавались вопросами: почему жизнь-мучение неистребима? Что является причиной непрерывного перерождения жизни и личности? Почему смертный час не освобождает нас от перевоплощений, в каждом из которых мы мучаемся? Какая крепкая нить привязывает нас | этому миру видимости, иллюзий, к миру пустых оболещений и мук? Их ответ таков: этой крепкой нитью, которая привязывает нас к миру пустых оболещений и страданий, являются наши желания, наши страсти...

Далее я цитирую отрывок из «Упанишад»: «Как дерево, хотя и вырванное, продолжает расти, если корень его не поврежден и крепок, так и страдание рождается снова и снова, если не искоренена склонность к желанию... Привязанные к удовольствиям люди подвержены рождению, старости и новому возрождению, в котором они снова будут страдать...». Иначе говоря, причиной перевоплощений является страстная привязанность к желанным предметам земного существования.

Третьим учением индуизма является учение о карме. Это учение объясняет, почему в последующих существованиях мы возрождаемся в том или ином виде, почему один человек вновь рождается в более привилегированном образе, чем он существовал в предыдущем воплощении, а другой — в менее привилегированном. Например, один человек, бывший в предыдущем существовании нищим, возрождается богачом, а другой, бывший прежде богачом, следующую жизнь проживает убогим нищим... Учение о карме говорит, что тип будущей жизни определяется тем, как — добродетельно или греховно — мы прожили нашу предыдущую жизнь. Карма — это все наши дела, которые мы совершаем в течение жизни. Добродетельные поступки улучшают наше последующее существование, а злые — ухудшают его. К концу очередного существования подводится некоторый итог этого существования, итог очередного воплощения: если «плюсов» больше, чем «минусов», то качество жизни в последующем воплощении повышается; если же наоборот — «минусов» больше, качество понижается.

И, наконец, четвертое, последнее, учение индуизма- учение о пути освобождения. Какое освобождение имеется в виду? Освобождение отчего? Индийские мудрецы говорят об освобождении от жизни вообще отдельного существа, которое вынуждено жить в мире видимости, иллюзий, в юдоли скорби, страданий и слез. Достичь освобождения для индуса означает вырваться из круговорота страданий, из тягостного круговорота повторяющихся рождений. И как же его можно достичь? Предварительным условием «освобождения от жизни» является аскетическая тренировка, всяческие ограничения и упражнения, которые закаливают наше тело и дух. Этими ограничениями и упражнениями, которые сами по себе уже являются началом отрешения от жизни, очищается наш ум для восприятия, высшего знания. Этим высшим знанием является, во-первых, знание о том, что мир есть мысль, которая мыслит сама себя. Кроме того, к высшему знанию относится понимание того, что каждый из нас в своей самой сокровенной сердцевине совпадает с этой мыслью, с Брахманом. Если мы поймем, что мир есть Брахман, а мы в своей сущности совпадаем с Брахманом, мы станем свободны от перерождений и сольемся с Брахманом, как капля воды вливается в океан и растворяется в нем.

Итак, как же мы, христиане, должны относиться к индуизму? Прежде всего стоит отметить, что индуизм — в представленных мною учениях — это не религия Божьего откровения, а скорее некая философия, измышления человеческого ума. Соответственно, мы должны относиться к индуизму как к более или менее интересным умозаключениям человеческого разума. Кое-что в этих учениях соответствует действительности. Например, убеждение в том, что главной характеристикой жизни является страдание. Жизнь, действительно, преисполнена страданий. Но с

христианской точки зрения, страдания являются следствием грехопадения людей, а не заплутавшей в своих умствованиях мысли, которая сама себя мыслит. Кстати сказать, никогда и никем не было доказано, что этот самый Брахман, видоизменениями которого якобы является весь видимый и невидимый мир, действительно существует. Индусы просто-напросто верят в то, что он существует. Ну, а мы с вами имеем полное право не верить в его существование. Точно так же истинность мысли о перевоплощениях никогда и никем не была доказана. Индусы опять же лишь верят в ее истинность. Если мы считаем себя христианами, то мы не имеем ни малейшего права верить в нее. Идея перевоплощения противоречит христианской вере, ибо апостол Павел сказал, что нам «положено однажды умереть, а потом суд» (Евр. 9:27). То есть мы лишь один-единственный раз умираем в этом физическом мире, а не «множество» раз, как считают индусы.

БУДДИЗМ И ХРИСТИАНСТВО

Буддизм, наряду с христианством и исламом, является одной из трех наиболее распространенных в мире религий. Особенностью буддизма является то, что он представляет собой «религию без бога». Буддизм появился как секта, ответвление от индуизма. Можно сказать, что буддизм — это результат пересмотра и реформирования индуизма. В индуизме все же есть понятие о чем-то вроде бога — о Брахмане, представляющем собой мировую мысль, которая измысливает мир. Буддисты же не признают существования даже Брахмана. Они вообще не верят в существование какого-либо бога или богов. Можно сказать, что буддизм — это «атеистическая религия». Интересный факт: одна из самых распространенных — по числу своих последователей — религий в современном мире не признает существования какого бы то ни было бога!

Когда и при каких обстоятельствах появился буддизм? Возник он в Древней Индии в VI — V вв. до Р.Х. Первоначально буддизм не претендовал на то, чтобы считаться религией. Он представлял собой чисто философское учение. Основатель этого учения — принц Сиддхартха Гаутама. Лишь впоследствии, когда Гаутама обрел многих сторонников своего учения, он получил имя Будда. Это имя означает «пробужденный», «просветленный». Небольшое царство, скорее даже княжество, отца Гаутамы располагалось на севере Индостанского полуострова, неподалеку от Гималайских гор. Согласно преданию, воспитывали Гаутаму «в тепличной обстановке», оберегая от любых печальных и скорбных обстоятельств, а также от информации и сведений, которые могли бы опечалить его. Можно сказать, что родные стремились создать для него «искусственный рай» на земле. Однако время шло... Он вырос... И однажды, будучи взрослым мужчиной и имея любимую жену и детей, Гаутама выехал из своего дворца и впервые в жизни (!?) увидел сначала больного, покрытого безобразными язвами, потом дряхлого старика, в котором едва теплилась жизнь, и, наконец, труп, который несли к площадке для сожжения. (В Индии до сих пор сжигают трупы по канонам индуизма.) Гаутама был крайне удивлен: оказывается, в мире есть болезни, старость, смерть! Это знание перевернуло душу принца и заставило его глубоко задуматься о смысле жизни. Вскоре он тайно покинул дворец. Шесть лет был аскетом — скитался по джунглям, учился у мудрецов, умерщвлял плоть. Понял, что этот путь не принесет ему удовлетворения и отказался от аскетизма. Через некоторое время пережил озарение, которое просветило его и сделало Буддой, то есть Просветленным. Он вышел на проповедь тех истин, которые открылись ему. Ему открылось то, что впоследствии было названо «четырьмя благородными истинами».

Истина первая: существует страдание, более того, жизнь — это и есть страдание, и наоборот: страдание — это и есть жизнь. Не только наша жизнь, но и жизнь вообще — жизнь как таковая — есть страдание.

Истина вторая: существует причина страданий.

Истина третья: существует освобождение от страданий.

И наконец, истина четвертая: существует путь, ведущий к освобождению от страданий.

Эти четыре истины и начал проповедовать Будда, так как об этих истинах, как самом важном и понятном для человека, можно и нужно говорить, а об общих (философских) вопросах нужно молчать. И Будда отвечал молчанием, например, на такие вопросы: «Существуют ли боги, или они не существуют?», «вечен ли мир во времени или нет?», «бесконечен ли он в пространстве?», «существует ли Брахман?» и т. д.

Рассказывают, что некий пришлый монах-странник спросил однажды Будду: «Существует ли человеческая душа?». Будда ответил молчанием. Тогда монах изменил вопрос: «Может быть, душа не существует?». Но и на этот вопрос Будда промолчал. Монах ушел. Когда же его ученики спросили Будду, почему он уклонился от ответа, он сказал, что своим молчанием избежал защиты двух в равной степени неправильных идей о том, что душа существует, и что она не существует. Примерно так же он уклонялся от ответов на любые общие философские вопросы. Его интересовали лишь вопросы о страдании и об избавлении от страданий.

Что же такое страдание, согласно учению Будды? Это ожидание неудач и потерь, переживание беспокойства, желание удовлетворения и, в конечном счете, любое внутреннее движение нашей души. Страдание — это явление, неразрывно связанное с нашей жизнью. Более того: жизнь и страдание — это одно и то же! Буддисты очень поэтично и прочувствованно говорят об этом.

Вот, что они пишут о страдании: «Благородная истина о страдании состоит в следующем: рождение есть страдание; болезнь есть страдание; смерть есть страдание; скорбь и плач, боль, горе и отчаяние есть страдание; приобщение к неприятному есть страдание; отлучение от приятного есть страдание; не иметь того, что желаешь, есть страдание — короче, все, имеющее отношение к привязанности, есть страдание». В приведенном отрывке много верного о нашей скорбной жизни. Но исчерпывается ли жизнь страданием? Я убежден, что не исчерпывается. В жизни все же есть место для радости и счастья, прежде всего для радости и счастья общения человека с Богом, с близкими, с природой.

Будда считал, что смерть не прекращает страдания, поскольку после смерти следует очередное воплощение человека. Конечной причиной страдания является любое наше желание! Соответственно, освобождение от страданий нужно искать на пути уничтожения желаний, то есть на пути уничтожения страстности наших желаний. Нужно гасить желания! Конечной целью человека, идущего путем уничтожения желаний, объявляется нирвана.

Слово «нирвана» на древнеиндийском языке означает остывание, угасание, затухание. Будда понимал нирвану как состояние полной самоуглубленности и удовлетворенности. Это состояние должно явиться результатом достижения нашей абсолютной независимости от чего бы то ни было внешнего.

О нирване буддисты говорят не менее поэтично, чем о страдании, например:

«У совершившего странствие, у беспечального, у свободного во всех отношениях, у сбросившего все узы нет лихорадки страсти...

...Мудрые удаляются; дома для них нет наслаждения. Как лебеди, оставившие свой пруд, покидают они свои жилища...

...Они не делают запасов, у них правильный взгляд на пищу, их удел — освобождение, лишённое желаний и необусловленное. Их путь, как у птиц в небе, труден для понимания...

...У него уничтожены желания, и он не привязан к пище; его удел — освобождение... Чувства у него спокойны, как кони, обузданные возницей. Он отказался от гордости и лишен желаний...

...Подобный земле, он не знает смятения; он как пруд без грязи...

...У него спокойная мысль, и слово спокойно и деянье. У такого спокойного и освобожденного — совершенное знание...»

Нирвана понимается как состояние абсолютного покоя, независимости и свободы. Этого состояния можно достичь в результате глубокого понимания, что мир — это не более чем мираж, сон... Как только мы подлинно уразумеем, что мир — это не более чем мираж, этот мираж рассеется, и мы станем абсолютно свободны.

Вот такая философия, которая со временем превратилась в религию — в религию без бога.

Какова же должна быть христианская оценка буддизма? Есть ли между христианством и буддизмом что-либо общее, или они принципиально противоположны друг другу во всех отношениях? Попробуем разобраться...

Прежде всего стоит отметить, что буддизм, как и христианство, является религией спасения. Но учение о спасении буддизма принципиально противоположно тому, что в христианстве является самым главным. Буддизм знает лишь «отрицательное спасение». Спасение для буддиста — это отказ от мира, который является источником зла и страдания. Но приблизимся ли мы к Богу в результате подобного «отказа»? В «просветлении», о котором поведал нам Будда, — нет ни слова о приближении к Богу. И это неудивительно, поскольку буддизм — это атеистическая философия. Если мы принимаем буддизм, то мы не освобождаемся от зла через благо, которое исходит от Бога — Творца мира и Промыслителя о нем. Мы освобождаемся только от мира, который считается злом. Спасти, согласно буддизму, это значит стать равнодушным к миру как источнику зла. На этом у буддистов и заканчивается весь духовный процесс! Я убежден, что сугубо отрицательное отношение к миру, которое проповедуют буддисты, мешает развитию человека и развитию мира, который, как убеждены мы, христиане, вручен нам Творцом.

Итак, между буддизмом и христианством есть принципиальное различие: мы по разному понимаем мир, с точки зрения христианства, мир — это творение Божие, которое искуплено Иисусом Христом. Человек встречается в мире Бога, и ему не нужно так уж безусловно отрывать от мира, отказываться от него, чтобы «найти себя внутри себя». Христианин не усматривает в мире некое «радикальное зло», поскольку мир создан Богом, Который любит Свое творение и «отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин. 3:16).

РЕИНКАРНАЦИЯ

В последнее время как в России, так и в других странах бывшего Советского Союза все шире распространяется различная «окультурившая» литература, выдающая себя за изложение различных «тайных» религиозных и философских учений. Прилавки книжных магазинов и уличных «развалов» завалены ею. В этой литературе, среди прочего, популяризируются идеи религий Индии... Среди множества самой популярной и пропагандируемой является идея реинкарнации, то есть перевоплощения личности человека после его смерти. В шуточной «Песенке о переселении душ» Владимира Высоцкого эта идея излагается такими словами:

Хорошую религию придумали индусы:

Что мы, отдав концы, не умираем насовсем.

Стремилась ввысь душа твоя —

Родишься вновь с мечтою,

Но если жил ты как свинья —

Останешься свиньей.

.....
.....
*Живи себе нормальненько —
Есть повод веселиться:
Ведь, может быть, в начальника
Душа твоя вселится.
Пускай живешь ты дворником —
родишься вновь прорабом,
А после из прораба до министра дорастешь, —
Но если туп как дерево — родишься баобабом
И будешь баобабом тыщу лет, пока помрешь.*

Завершается же эта песенка таким куплетом:

*Я от восторга прыгаю, Я обхожу искусства, — Удобную религию Придумали
индусы!*

Попробуем разобраться: так ли уж «хороша» и «удобна» религия индусов, точнее идея реинкарнации, перевоплощения. Согласно этой идее смерть — лишь переход от одной формы жизни к другой. В следующем существовании можно возродиться в образе какого-либо животного или насекомого, или опять в образе человека. Но можно подняться по ступеням совершенствования живых существ и возродиться, в конце концов, в образе того или иного языческого «бога». (Религии Индии, которые включают в себя идею реинкарнации, являются языческими.)

Оккультисты различного рода пропагандируют идею перевоплощения как «оптимистическую» идею «возможности совершенствования» от жизни к жизни. Как бы по ступеням совершенствования мы переходим от жизни к жизни. «Все выше и выше и выше стремим мы полет наших душ» — так, немного перефразировав слова известной довоенной советской песни о летчиках, мы могли бы выразить их идею.

При осмыслении идеи перевоплощения возникает два очень важных вопроса. Во-первых, так ли уж правы современные оккультисты, когда они столь оптимистически истолковывают индийскую идею перевоплощения? А как эту идею понимают сами индусы? И, во-вторых, вопрос очень важный для нас, христиан: насколько идея перевоплощения согласуется с христианством? Совместима ли эта идея с нашей верой?

Пропагандисты оккультизма представляют идею перевоплощения как возможность все новых и новых «жизненных проб». В отличие от спортивных состязаний нам дается сколько угодно попыток преодолеть все большую высоту. Однако сами индусы далеко не столь оптимистично излагают идею реинкарнации. С их точки зрения, в каждом из воплощений мы страдаем, мучаемся. Более того, страдание — это основная характеристика жизни, ее основное содержание. Жизнь — это в основном страдание!

Это очень важно отметить и подчеркнуть: индусы считают, что жизнь — это страдание. А «бодряки»-оккультисты, судя по всему, с этим не согласны. Но их несогласие с тем, что жизнь есть страдание, противоречит не только мнению индусов, у которых они позаимствовали идею реинкарнации. Их несогласие противоречит также очевидности. Мнение индусов ближе к тому, что говорится о земной жизни в Библии, чем к тому, что говорят популяризаторы оккультизма. Вспомним, что сказал Бог Адаму и Еве перед их изгнанием из рая по поводу их будущей, а нашей настоящей, жизни. И мы знаем, что Бог сказал правду — наша жизнь очень нелегка.

Возвращаемся к индусам... Они, естественно, задаются таким вопросом: что является причиной беспрерывного перерождения личности? Почему смертный час не

освобождает нас от перевоплощений, в каждом из которых мы мучаемся? Какая крепкая нить привязывает нас к этому миру пустых обольщений и мук? И отвечают: к этому миру страдания нас привязывает прочная нить наших страстных желаний.

Далее я процитирую один из индийских текстов: «Как дерево, хотя и вырванное, продолжает расти, если корень его не поврежден и крепок, так и страдание рождается снова и снова, если не искоренена склонность к желанию... Привязанные к удовольствиям люди подвержены рождению, старости и новому возрождению, в котором они снова будут страдать... Мудрые говорят: крепки эти путы, тянущие вниз, из которых трудно освободиться. Разрубив их, они странствуют, отказавшись от страсти и удовольствия, без желаний...».

Таким образом, причиной перевоплощений является страстная привязанность к желанным предметам земного существования. Перевоплощаясь, мы страдаем вновь и вновь. Цель мудрого человека — избавиться от страданий, то есть избавиться от перевоплощений. Достигается же эта цель избавлением от желаний, то есть омертвлением при жизни. Так верят индусы.

Если в западном мире люди очень часто боятся смерти как конца жизни вообще (в данном случае, конечно, я имею в виду западных атеистов, а не христиан), то на Востоке, в Индии боятся смерти как начала новой жизни, полной страданий. Не очень-то оптимистично!

Справедливость идеи перевоплощения, однако, никогда не была доказана. Эта идея является лишь предметом веры индусов. Мы же имеем полное право не верить в нее. Более того, если мы считаем себя христианами, то мы не имеем права верить в нее, ибо идея перевоплощения противоречит христианской вере, нашему упованию. Апостол Павел сказал: «...человекам положено однажды умереть, а потом суд» (Евр. 9:27). Подчеркиваю: мы однажды, то есть один раз, умираем в этом физическом мире, а не «множество» раз, как считают индусы! Следует отметить, что идея реинкарнации противоречит нашей вере в воскресение тел после второго пришествия Христа, ибо в каком из множества тел, если верна доктрина перевоплощения, наша душа воскреснет?

Оккультисты часто говорят, что идея перевоплощения души была в раннем христианстве и лишь затем была исключена из «официального» христианского учения. Посмотрим, так ли это...

Оккультисты утверждают, что «отголосок» веры ранних христиан в перевоплощение можно обнаружить в Евангелии от Матфея (Мф. 17:12). Христос говорит: «Но Илия уже пришел и не приняли его...». Это Он говорит об Иоанне Крестителе. Оккультисты считают, что данный текст утверждает, будто Иоанн Креститель есть перевоплощенный Илия. Верно ли их толкование? Нет, не верно. Это можно легко доказать, обратившись к Библии. В Евангелии от Луки (Лк. 1:17) можно прочесть следующие слова об Иоанне Крестителе: Иоанн должен прийти «в духе и силе Илии». Другими словами, не было никакого «перевоплощения» Илии в Иоанна, а было перенесение дара духа с Илии на Иоанна. Кстати сказать, согласно Евангелию, сам Иоанн отрицательно ответил на прямой вопрос: является ли он Илией (см.: Ин. 1:21).

Есть, однако, еще одно место в Евангелии, которое оккультисты пытаются выдать за отражение веры ранних христиан в реинкарнацию, а именно — Евангелие от Иоанна (Ин. 9:1-2).

Ученики спрашивают Иисуса Христа о слепорожденном: «Он ли согрешил или родители его?» Оккультисты истолковывают это место как свидетельство веры апостолов в то, что человек мог родиться слепым за свои грехи. Но, продолжают они, в этой жизни до своего рождения он не мог нагрешить. Значит, делают они вывод, апостолы предполагают возможность грехов данного человека в предыдущей жизни. Следовательно, победно заключают оккультисты, апостолы считали возможной реинкарнацию! Но их толкование совершенно не верно. В данном месте Евангелия говорится о первородном грехе и его последствиях. Апостолы, задавая Иисусу вопрос:

«он ли (то есть слепорожденный) согрешил или родители его? », имели в виду следующее: «Первородная ли греховность является причиной его слепоты или личные грехи его родителей? » Мы знаем, что на всех нас отражается как первородный грех Адама и Евы, так и личные грехи наших непосредственных родителей. Уже сама наша смертность — это следствие первородного греха, ибо «одним человеком грех вошел в мир, и грехом смерть» (Рим. 5:12). Личные же грехи родителей, например пьянство, имеют своим частым следствием рождение ими детей с различными физическими и психическими отклонениями.

Существует очень много серьезных христианских доводов против идеи перевоплощения. Упомяну еще один из них. По существу данный довод представляет собой подробное изложение высказанной упомянутой мною мысли о том, что доктрина реинкарнации противоречит христианской вере в воскресение наших тел. Мы верим, что каждому человеческому телу при его воскресении будет возвращена его собственная душа. Душа же не может стереотипно копироваться, размножаться для «вселения» во многие тела, в которых она прежде побывала! Ибо подобное создание «душ-двойников» нелепо, невообразимо и бессмысленно. А Господь не делает нелепостей! Уже в ранней христианской литературе II — III вв. по Р.Х. встречается самое решительное отрицание идеи перевоплощения.

Итак, лишь однажды мы телесно умрем, потом будет телесное воскресение и суд. Никаких «перевплощений» не будет! Поэтому мы должны прожить нашу жизнь в высшей степени ответственно — в страхе Божиим и в любви к Богу и ближнему.

ИУДАИЗМ И ХРИСТИАНСТВО

Иудаизм — это религиозные верования, которые распространены главным образом среди евреев. Само слово «иудаизм» происходит от имени Иуды, который, как говорит Библия, был родоначальником иудейского народа. Основой иудаизма является вера в единого Бога — Создателя мира.

Древние евреи жили в окружении язычников-идолопоклонников, поэтому они должны были прилагать огромные усилия, чтобы отстоять чистоту своей веры, постоянно бороться с идолопоклонством, которое, как видно из Библии, часто проникало и в их ряды. Именно поэтому в иудаизме до сих пор придается большое значение библейской заповеди против поклонения идолам: «Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли. Не поклоняйся им и не служи им» (Исх. 20:4,5). Именно борьбой с поклонением идолам объясняется запрет на изображение Бога. Этому запрету строго следуют последователи иудаизма. Символом обретения веры в единого Бога и для иудеев, и для нас, христиан, является праотец еврейского народа Авраам, родившийся более чем за две тысячи лет до Р.Х. Когда ему было семьдесят пять лет он получил первые откровения от Бога. Полное формирование иудаизма произошло не сразу — примерно четыреста лет отделяют первые видения Авраама от получения Божьих заповедей Моисеем, вождем еврейского народа. Именно Моисей считается посредником, который передал закон Бога еврейскому народу во всей его полноте. Этот закон, как мы знаем, содержится в Пятикнижии Моисеевом. Священным религиозным текстом для иудеев является лишь та часть Библии, которая в нашей, христианской, традиции получила название Ветхого Завета. Ко II — III вв. по Р.Х. иудеи дополнили Ветхий Завет двумя огромными по объему сборниками книг, которые получили названия «Талмуд» и «Каббала». Талмуд — это толкования устных преданий иудаизма, а Каббала — это мистическое учение, которое претендует на познание божественных тайн путем философских рассуждений.

В XVIII в. в рамках иудаизма в Польше и на Украине возникло движение хасидизма, которое до сих пор пользуется большой популярностью среди иудеев. В

основе этого учения лежат три принципа, сформулированных в Каббале. Первый принцип: Бог пронизывает Собою все — Он присутствует в любом своем творении. Согласно второму принципу хасидизма, творение мира Богом продолжается непрерывно — до сих пор. И наконец, третий принцип гласит, что человек является соучастником творческой деятельности Бога — люди не только постигают и исполняют волю Бога, но и участвуют в ее формировании.

Согласно хасидизму, природа является одним из проявлений Бога. Назначение человека хасидизм видит в служении Богу, в познании Божьих тайн, в стремлении слиться с Богом в молитве. В хасидизме содержится также учение о том, что святой человек, праведник может быть одарен такой сверхъестественной силой, которая позволит ему управлять природой по собственному усмотрению. Задачей человека является в конечном счете преобразование неба в землю. Причем инструментом этого преобразования является выполнение людьми 613 заповедей, которые содержатся в Пятикнижии Моисеевом. Именно такое количество заповедей насчитывает иудейская традиция, хотя в самом Пятикнижии точное количество заповедей не определяется.

Иудаизм — это первая в истории человечества монотеистическая религия, то есть религия, признающая существование единого Бога. Важнейшими заповедями обычно считаются, во-первых, богоизбранность еврейского народа, во-вторых, страх Божий, в-третьих, справедливость, в-четвертых, выполнение религиозного долга, и наконец, в-пятых, систематическое изучение Слова Божия, то есть Пятикнижия.

Я чуть подробнее остановлюсь на первых двух принципах и последнем, так как оставшиеся два представляются более или менее очевидными.

Итак, богоизбранность еврейского народа. В чем, по мнению иудеев, она проявилась? В том, что именно через еврейский народ единый Бог открылся всему миру. И это — святая правда! Мнение евреев, что они являются богоизбранным народом, давало им уверенность, что именно они должны представлять Бога миру, поэтому они всячески стремились прославлять имя Божье, проявляя при этом высшее мужество, стойкость и бесстрашие. Характерный пример подобного прославления приведен в Талмуде:

«Раби (то есть раввин, религиозный учитель. — *В.К.*) Шмуэль поехал в Рим. Императрица потеряла браслет, а он его случайно нашел. Было объявлено по стране, что кто вернет браслет в течение 30 дней, получит награду, а если после 30 дней — потеряет голову. Он не вернул его прежде истечения 30 дней, хотя нашел раньше.

Она сказала ему: «Ты был за городом?»

Он отвечал: «Нет, я был здесь».

Она сказала: «Но ты не слышал объявления?»

«Слышал», — отвечал он.

«Что в нем говорилось?» — спросила она.

Он ответил: «Если кто-либо вернет его в течение 30 дней, получит награду, а если после — потеряет голову». Она сказала: «Почему же ты не вернул его раньше?» Он ответил: «Чтобы никто не сказал, что я вернул его из страха перед Вами, так как я возвращаю его из страха перед Всевышним».

Она сказала ему: «Да будет благословен Бог евреев». Этот раби дал замечательный ответ императрице! Конечно, рассказанная история — это исторический анекдот, но он превосходно выражает героическое религиозное рвение евреев.

Страх Божий... Библия говорит о двух чувствах, которые человек должен испытывать перед Богом, — о любви и страхе. С одной стороны, Библия говорит: «люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душою твою, и всеми силами твоими» (Вт. 6:5), а с другой, она же говорит: «Господа, Бога твоего, бойся, и Ему одному служи» (Вт. 6:13). Нужно сразу же сказать, что страх Божий, о котором говорится в Библии, должен быть основан не на боязни как таковой, а прежде всего на преклонении перед Богом и благоговении перед ним. Если и можно говорить о боязни

Бога, то лишь о боязни оскорбить Его величие. Как учил один исламский мыслитель: «Кто действительно чего-либо боится, тот бежит от этого, но кто боится Бога, тот бежит к Нему». Это сказал мусульманин, но сказанное верно и для иудеев, и для нас, христиан. Поэтому любовь к Богу и страх перед ним в иудаизме не только не противоречат друг другу, но, наоборот, тесно взаимосвязаны: последователь иудаизма боится Бога именно потому, что любит Его, преклоняется перед Ним. Например, мы боимся сделать что-либо дурное, запрещенное нашими родителями, поскольку мы любим и почитаем их и боимся огорчить своим неповиновением, тем самым вызвав их отдаление от нас. Важно отметить, что страх ИК |" л Потом помогает превозмочь страх перед людьми. Если человек действительно боится Бога, то он будет стремиться исполнять прежде всего Его заповеди, а не повеления других людей, которые могут противоречить Его заповедям.

И, наконец, о необходимости для правоверного еврея изучать Слово Божие. «Невежда не может быть праведным», — говорил один знаменитый иудейский вероучитель времен Иисуса Христа. Он имел в виду, что праведная жизнь нуждается в знаниях, и не обладающие ими не будут знать, как себя вести. Источником знаний, которые способствуют праведной жизни, иудеями считается Библия — Ветхий Завет. Поэтому его изучение приравнивается к соблюдению заповедей о любви к Богу и страхе перед Ним. Стремление иудеев к систематическому изучению Библии — породило их тягу к образованию. Даже в средние века, когда большинство христиан и мусульман были неграмотны, почти все евреи умели читать и писать. В XII в. один католический монах писал, что «еврей, даже бедный, у которого десять сыновей, всех учит грамоте и не для выгоды, как христиане, а для познания закона Божия, и не только сыновей, но и дочерей». Монах делает совершенно правильный вывод, что было бы неплохо, если бы и мы, христиане, обнаруживали столь похвальную тягу к изучению Слова Божия.

Мы знаем, что иудаизм передал эстафету Божьего Откровения христианству. Это нашло свое выражение в дополнении Ветхого Завета Новым, христианским, Заветом.

Очень важный вопрос: продолжают ли евреи до сих пор быть «избранным народом»? Существуют различные мнения по этому поводу. Я думаю, что после прихода Иисуса Христа «избранным народом» являются все подлинные христиане, без различия национальностей, Ибо «во Христе нет ни эллина, ни иудея». Эстафета передана.

ИСЛАМ И ХРИСТИАНСТВО

Ислам (мусульманство или магометанство) — это религия, которая возникла среди арабских племен в начале VII в. по Р.Х. На вероучение ислама большое влияние оказали иудаизм и христианство.

Основатель ислама — Мухаммад. Его имя в русском языке также очень часто произносят как Магомет. С молодых лет Мухаммад любил предаваться благочестивым размышлениям, для которых он удалялся в безлюдные места. Когда ему было около сорока лет, во время уединения его посетили видения, а затем он услышал и слова, источником которых, как считают мусульмане, был Бог. (На арабском языке Бог именуется словом Аллах.) Впоследствии Мухаммад много раз слышал слова Аллаха, которые были обращены к нему. Запись этих слов составила священную книгу мусульман — Коран. Мухаммад начал проповедовать то, что он слышал от Аллаха. Через несколько лет после выхода на проповедь он стал выступать уже не только как религиозный проповедник, но и как организатор общественной и государственной жизни арабов. От имени Аллаха он стал определять нормы поведения человека в различных областях жизни.

Основой ислама является строгий монотеизм, то есть вера в единого Бога (Аллаха), Который сотворил небеса и землю, и по воле Которого совершается исключительно все в мире. Очень большое внимание в исламе уделяется обязанностям верующих. К этим обязанностям относится прежде всего вера в единого Бога и то, что Мухаммад является Его пророком. Эту веру мусульмане выражают словами: «Нет Бога, кроме Аллаха, И Мухаммад — пророк Его!» Кроме обязанности верить в единого Бога и в то, что Мухаммад является Его пророком, мусульмане в своей жизни должны строго соблюдать следующие правила поведения: ежедневно пять раз (в определенное время) молиться; один раз в год (в священный для мусульман весенний месяц Рамадан) соблюдать пост; регулярно выплачивать налог в пользу бедных; и наконец, по крайней мере один раз в жизни совершить паломничество в священный для мусульман город Мекку.

Источниками вероучения ислама являются Коран и сунна. Коран — это предвечное несотворенное слово Аллаха, которое было изречено пророку Мухаммаду и записано им слово в слово. Сунна — это собрание текстов, которые содержат высказывания Мухаммада на самые разнообразные темы. В исламе отсутствует церковь как общественная организация наряду с государством. Нет в нем и духовенства, поскольку ислам не признает посредников между Аллахом и человеком. Богослужение может совершать любой мусульманин. В Исламе также отсутствует институт, имеющий право, узаконить догмы веры (у христиан, например, существует Вселенский собор). Формирование вероучения в исламе — это дело отдельных лиц и религиозных деятелей, авторитет которых основывается исключительно на их богословских познаниях.

Во что мусульмане веруют? Они веруют в единого Аллаха, в его посланников, которыми они считают Ноя, Моисея, Иисуса Христа и, наконец, Мухаммада. Согласно исламу, Мухаммад завершил собой цепь пророков. Мусульмане также веруют в Коран, в ангелов, в посмертное воздаяние (рай для праведников и ад для грешников). Мусульмане также веруют во всеобщее воскресение людей — день суда Аллаха над ними. После суда праведники должны навечно перейти в рай, а грешники в ад.

Предельно простым является приобщение к исламу — обращение в ислам. Процедура обращения в ислам такова: иноверец в присутствии хотя бы двух мусульман произносит фразу, которая звучит так:

«Свидетельствую, что нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммад — посланник Божий». После произнесения этой фразы человек становится мусульманином.

Для ислама характерно отсутствие четкого разграничения между мирской и духовной сферами, ибо мусульмане исповедуют принцип, который звучит так: «Ислам есть и религия, и государство!» Во исполнение этого принципа из предписаний и запретов, которые содержатся в Коране, был образован шариат — канонический мусульманский закон, который регулирует поведение верующих. Шариат является основным источником юридического законодательства многих мусульманских стран.

Далее я чуть подробнее расскажу об основе ислама — Коране. Начинается Коран молитвой, которая звучит по-русски так:

Во имя Аллаха милостивого, милосердного!

Хвала Аллаху, который миров Господин,

Милостивый, милосердный Он один

Дня Страшного Суда Властелин,

Тебе мы поклоняемся.

Помощь дается нам Тобою одним.

Веди нас по пути тех, кто Тобою водим.

По пути тех, на кого простерлась милость Твоя,

На кого Ты не гневаешься,

Кто не знает заблуждения кручин.

Мусульмане благоговейно хранят и изучают Коран. Они считают его Словом Аллаха, которое послано в мир как живое чтение. Более того, они считают, что Коран живет именно в чтении! О самом Аллахе Коран говорит такими словами:

*Аллах — нет божества, кроме Него, живого,
сущего,
Не овладевает Им ни дремота, ни сон;
Ему принадлежит то, что в небесах и на земле
Кто заступится пред Ним, иначе как с Его
разрешения?
Он знает то, что было до них (то есть до
любых живых существ, которые наделены
разумом. — В.К.), и то,
что будет после них, А они не постигают ничего из Его знания,*

*Кроме того, что Он пожелает.
Трон Его объемлет небеса и землю,
И не тяготит Его охрана их,
Поистине, Он — высокий, великий!*

Приведу еще несколько цитат из Корана, позволяющих уяснить нравственные требования, которые Аллах предъявляет к человеку.

Например, в отношении родителей, родственников и всех людей вообще Коран вменяет в обязанность доброту и приветливость:

*Родителям делайте добро,
И близким, и сиротам, и беднякам.
И соседу близкому, и соседу дальнему,
И путнику, и рабу.*

О вере Коран говорит так:

*О, те, которые уверовали!
Бойтесь Аллаха и будьте праведными!*

.....
.....
*Если вы обратитесь к истинной вере,
То это лучше для вас,
А если отвернитесь от нее,
Знайте, что этим вы не ослабите Аллаха.*

*В религии нет принуждения.
Прямой путь ясно отличается от кривой
дороги;
Кто отстраняется от ложного вероучения
И верует в Бога,
Гот держится за твердую рукоять, Которая несокрушима.*

Коран запрещает азартные игры, употребление вина и идолопоклонство такими словами:

*Верующие! Вино, игра в жеребьи, и кумиры —
стрелы мерзости из деяний сатаны,
Поэтому устраняйтесь от этого;
Может быть, будете счастливы.*

Семья берется Кораном под защиту такими словами:

*А из вашего имущества,
Которое послал вам Аллах,
Наделяйте жен ваших,
Одевайте их и говорите им слова добрые.*

.....
.....
*Жалейте сирот,
И если вам доверено их имущество,
Отдавайте им, когда дойдут до брачного
возраста.
И не расходуйте на себя, Ибо это грех великий.*

О многоженстве Коран говорит:

*Женитесь на тех женщинах, которые вам
любвы, —
На двух, на трех и на четырех.
А если боитесь, что не сможете быть
справедливым,
То на одной.*

Но чуть дальше мы читаем такие скептические слова:

*И никогда вы не в состоянии быть
справедливыми между женщинами,
Хотя бы и хотели этого.*

Из приведенных цитат логически следует, что на самом деле Коран не допускает, или, по крайней мере не рекомендует многоженства: Аллах знает природу человека вообще и природу мужчин в частности, Он знает, что мужчина в принципе не может быть беспристрастным в отношении нескольких жен. Именно поэтому Аллах не рекомендует многоженства!

Современный западный исследователь ислама пишет: «Коран — это центральная реальность исламского существования... Ученые сравнивают значение Корана для мусульман со значением Иисуса Христа для христиан — и Иисус Христос и Коран считаются святым словом Бога. Христианское послание гласит, что Слово сошло в мир истории, воплотившись в человека, Иисуса из Назарета. Мусульмане же верят, что Бог ниспослал свое Слово в мир как живое чтение и фиксированную письменную книгу... Христиане причащаются Телу и Крови Христа посредством таинства причастия. Мусульмане же, можно сказать, "причащаются" своему Господу посредством чтения

Корана. По представлениям верующих мусульман, при правильном чтении Корана божественное присутствие нисходит на чтеца и его слушателей».

Чем нам, христианам, близок ислам? И чем он далек от нас? Он близок нам своим монотеизмом, верой в единого Бога. Заслуживает глубокого уважения благочестие мусульман, их рвение в выполнении религиозных Обязанностей. А далек же он от нашей веры, на мой и взгляд, недостаточностью в понимании Бога. Аллах, о котором говорит Коран, только за пределами по отношению к миру и к людям. Мы же веруем в Бога, Который, С одной стороны, за пределами по отношению к миру, то есть говоря словами апостола Павла, «живет в неприступном свете». С другой же стороны, наш Бог стал человеком, вошел в мир ради нашего спасения и после своего славного воскресения и вознесения на небеса продолжает по своему неложному обещанию таинственно пребывать с нами и будет пребывать с нами «до скончания века». Ислам также далек от нас тем, что он не является религией искупления.

ЧТО НУЖНО ДЛЯ ОБЩЕНИЯ С БОГОМ...

Впрочем, далеко не все люди считают, что с Богом нужно общаться. «Как общаться с Тем, Кого нет?» — говорят они.

«Бог умер», — провозгласил в XIX в. немецкий философ Фридрих Ницше. И это ложное пророчество (слово «пророчество» я в данном случае употребляю в библейском смысле, как «прорекание», категорическое высказывание того, что считается высшей истиной) с большой радостью было воспринято людьми.

Что имел в виду Ницше, когда говорил о смерти Бога? И какова природа той радости, которую испытали многие представители так называемой интеллигенции, когда услышали весть о смерти Бога?

Говоря, что Бог умер, Ницше имел в виду, что люди перестали верить в Бога и Иисуса Христа как Сына Божьего и истинного Бога, перестали верить в Бога и сочли утрату своей веры достаточным основанием для убеждения, что «Бога нет». Разумеется, Ницше не утверждал, что все люди, поголовно, перестали верить. Он лишь сказал, что именно он, Фридрих Ницше, и люди, подобные ему, перестали верить в Бога, воспринимать Слово Божие, Библию, как живую речь Бога, обращенную к людям. Таким образом, словами «Бог умер» Ницше выразил свое убеждение, что Бога нет. И действительно, Бог умирает для тех людей, которые перестают верить в Него, подобно тому как видимый мир исчезает для ослепшего человека.

К концу XIX в. неверие в Бога широко распространилось среди населения христианских стран, как в Западной Европе и Америке, так и в России. Распространение этого неверия имело самые печальные последствия и наиболее тягостными и трагическими они оказались для России. Я убежден, что кровавая революция 1917 г., гражданская война, последующие репрессии — все это имеет своей важнейшей причиной утрату гражданами России веры в Бога. Это прекрасно выразила народная мудрость: «Люди Бога забыли — оттого и все!» Люди забыли Бога, духовно ослепли, перестали видеть иной высший, Божий мир, утратили глубокое сердечное знание того, что за все, творимое в этой жизни, неизбежно в свое время придется дать отчет Высшему Судии. Люди утратили Бога, оттого все их беды и скорби.

Почему же все-таки люди радовались пророчеству Ницше, что Бог умер? — Потому, что Ницше имел мужество честно и предельно ясно выразить то, что давно уже подспудно шевелилось на дне души многих людей, в чем люди, многие тайком от себя, были уже убеждены. Он высказал слово, и тем самым как бы принял на себя ответственность за убеждение в том, что Бога нет. Он не был трусом! И более робкие, чем он, радостно подхватили это слово, «присоединялись» к мнению «авторитета» и, присоединяясь, легко и просто «освобождались» от Бога!

Впрочем, подобное «освобождение» людей от Бога стало более или менее регулярно проявляться в совокупном человеческом духе еще до рождения Ницше, который появился на свет в 1844 г.

В этом отношении характерно воспоминание Льва Толстого, относящееся к 1838 г.: «Помню, что когда мне было лет одиннадцать, один мальчик, Володенька М., учившийся в гимназии, придя к нам на воскресенье, как последнюю новинку объявил нам открытие, сделанное в гимназии. Открытие состояло в том, что Бога нет и что Все, чему нас учат, одни выдумки. Помню, как старшие братья заинтересовались этой новостью, позвали и меня на совет. Мы все, помню, очень оживились и примяли это известие как что-то очень занимательное и Весьма возможное».

Таким образом, зерно пророчества Ницше и подобных ему «пророков» пало на хорошо подготовленную почву и дало богатый урожай нравственного и, как следствие, революционного растления людей, урожай, который пожинается миром до сего времени. «Если Бога нет, то все позволено», — сказал один из героев Достоевского. «Гуляй, рванина, от рубля и выше», — продолжил в одной из своих песен Владимир Высоцкий. И погуляли!.. Устроили себе «праздник непослушания». Так погуляли, что до сих пор с похмелья той гульбы голова мира трещит...

Итак, люди ослепли и оглохли духовно, перестали видеть и слышать Бога и пришли к выводу, что Его нет. Именно таков, я убежден, источник войн и революций XX в. Однако я также убежден, что положение не является безнадежным: люди еще могут опомниться и вернуться к Богу. Духовная слепота и глухота не являются необратимыми. Мы можем вновь увидеть и услышать нашего Творца, ибо Он не умирал! Он никуда не уходил от нас, Он всегда пребывал с нами. Это мы отгораживались от Него! Пора решительно разрушить эти перегородки, покаяться в своих прегрешениях и открыть Богу свое сердце.

Стоит лишь непредубежденным и открытым взором глянуть на окружающий нас мир, и мы всюду усмотрим бесспорные свидетельства и знаки Божьего присутствия, ибо, как замечательно пишет апостол Павел: «Невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира чрез рассматривание творений видимы» (Рим. 1:20). Мы увидим Бога в природе! Мы увидим Его в нашей душе! Мы увидим Его в других людях! Открыть наше сердце Богу — это значит полюбить Бога. Любовь же творит чудеса. Любовь — это наилучшая основа для взаимопонимания, для общения, как между людьми, так и между нами и Богом.

В этой связи приходит на память текст из Толстого, в данном случае сцена из «Анны Карениной» (ч.4, гл. 13) — объяснение в любви Левина и Кити:

«Я давно хотел спросить у вас одну вещь, — говорит Левин.

— Пожалуйста, спросите, — отвечает Кити.

— Вот, — сказал он и написал мелком на картонном столе начальные буквы: к, в, м, о, э, н, м, б, з, л, э, ч, н, и, т? Буквы эти значили: "Когда вы мне ответили: этого не может быть, значило ли это, что никогда или тогда? " Не было никакой вероятности, чтоб она могла понять эту сложную фразу, но он посмотрел на нее с таким видом, что жизнь его зависит от того, поймет ли она эти слова.

Она взглянула на него серьезно, потом оперла нахмуренный лоб на руку и стала читать. Изредка она взглядывала на него, спрашивая у него взглядом: "То ли это, что я думаю?"

— Я поняла, — сказала она, покраснев.

— Какое это слово? — сказал он, указывая на (букву) н, которой обозначалось слово никогда.

— Это слово значит никогда, — сказала она, — но это неправда!

Он быстро стер написанное, подал ей мел и встал. Она написала: т, я, н, м, и, о.

Он вдруг просиял: он понял, Это значило: "Тогда я не могла иначе ответить".

Он взглянул на нее вопросительно, робко.

— Только тогда?

— Да, — отвечала ее улыбка.

— А теперь? — спросил он.

— Ну, так вот прочтите. Я скажу то, чего бы желала. Очень бы желала! — Она написала начальные буквы: ч, в, м, з, и, п, ч, б. Это значило: "Чтобы вы могли забыть и простить, что было".

Он схватил мел напряженными, дрожащими пальцами и, сломав его, написал начальные буквы следующего: "Мне нечего забывать и прощать, я не переставал любить вас".

Она взглянула на него с остановившеюся улыбкой.

— Я поняла, — шепотом сказала она».

Итак, достаточно малейшего намека, начальных букв, чтобы передать любимой свои чувства, и она их поймет, расшифрует и безошибочно восстановит целое. Толстой говорит нам, что любящее, открытое к любимому сердце становится телепатически сверхчувствительным к сигналам со стороны своего любимого. Кроме того, любовь целомудренна — она предпочитает намек развернутому предложению, ибо она не навязчива, не хочет стеснять свободу предмета своей любви.

Бог любит нас, и намеки Его любви к нам рассеяны повсюду. Но именно потому, что Он любит нас, Он ценит нашу свободу и не навязывает Себя нам. Однако стоит лишь ответному чувству любви возникнуть в нашей душе, и мы сразу же начнем понимать Божьи намеки, начнем свободно разговаривать с Ним, начнем общаться с Ним!

КТО СОЗДАЛ БОГА?

Христиане верят, что наш мир создан Богом. Но что это означает? Это означает, что существование нашего мира конечно во времени, или, говоря иначе, невозможно, чтобы наш мир существовал бесконечное число дней. Кстати, эту невозможность легко обосновать: если бы наш мир существовал бесконечное число дней, то нынешнего дня не было бы, ибо бесконечность невозможно пройти шаг за шагом, день за днем. Я думаю, что невозможность любым конечным числом «шагов» исчерпать бесконечность самоочевидна.

Итак, если бы наш мир существовал бесконечное число дней, то нынешнего дня не было бы. Но он, несомненно, существует! Следовательно, наше предположение о том, что мир существует бесконечное число дней, неверно! Отсюда следует, что наш мир существует конечное, ограниченное число дней, то есть он ограничен во времени и существовал не всегда!

Таким образом, наша вселенная имеет начало. В таком случае, она либо сотворена, либо не сотворена. Иными словами, появление нашего мира вызвано какой-то высшей Причиной, либо же его появление беспричинно. Какой из этих вариантов мы предпочтем? Вариант, согласно которому наш мир появился самопроизвольно, из ничего? Но о какой самопроизвольности появления вселенной можно говорить, если никакого «само», то есть ничего такого, что могло бы «производить», до появления вселенной не было?

Думаю, ответ очевиден: вселенная имеет Высшую Причину своего появления, наш мир вызван к бытию некоей Высшей Инстанцией. Подчеркиваю: Причина, которая вызвала наш мир из небытия, является Высшей. Иными словами, эта Причина относится к более высокому уровню, чем причинно-следственные связи и зависимости, которые осуществляются внутри нашего мира — в сотворенной вселенной.

Итак, наша вселенная имеет Высшую Причину своего появления, и этой Высшей Причиной, конечно же, является Бог.

«Хорошо, — может сказать пытливый читатель, предположим, что это так. Но Что или Кто, в свою очередь, является Причиной этой Высшей Причины? — Кто создал Бога?»

Скажу сразу, что задавать подобные вопросы относительно Бога нельзя. «Но почему?» — спросит тот же любознательный читатель. Вот об этом я и буду говорить...

Важно уяснить, что, задавая вопрос о «Причине Причины мира» (о том, Кто создал Бога), мы неявно предполагаем, что существование Причины мира (то есть Бога) конечно во времени. Но разве это так? Разве мы вправе предполагать конечность существования Бога во времени? Нет, ни в коем случае, ведь пространство и время возникли вместе со вселенной, вместе с нашим миром! Пока не было нашего мира, никакого времени не было. Поэтому предполагать, что Творец мира (Бог) существовал во времени до творения Им мира, а значит, и времени, абсурдно.

Другими словами: ставить вопрос о причине существования тех или иных объектов, существ и явлений можно лишь в том случае, если они существуют в пространстве и времени, то есть в сотворенном мире. Высшая же Причина вселенной (Бог) не является пространственно-временным объектом. Он не существует в пространстве и времени, Он превыше пространства и времени, ибо Он — их Создатель, Творец. Отсюда непосредственно следует, что ставить вопрос о «Причине Причины вселенной» просто-напросто нельзя, потому что подобные вопросы бессмысленны.

Ставить вопрос о том, Кто создал Бога, столь же бессмысленно, как, скажем, ставить вопрос о «цвете» математического (абстрактного) треугольника, или — об «объеме цвета», «звучании запаха» и т.п.

Бог живет не во времени, Он живет в вечности. Но что такое вечность? Как ее описать? Каковы ее характеристики? Думаю, что полные ответы, которые раскрыли бы для нас суть вечности, невозможны. Вечность, как «местопребывание» Бога, непостижима для нас. О вечности мы можем говорить лишь в образной, метафорической форме и только о том, что нам в той или иной степени открывается разумом.

Так, например, мы можем сказать, что если во времени все возникает и исчезает, то в вечности нет ни возникновения, ни исчезновения. Если во времени есть разделение трех «времен» — прошлое, настоящее и будущее, — то в вечности этого разделения нет. В вечности видимо, сразу наличествуют все «времена», то есть нет «раньше» или «позже», а есть лишь «вечное настоящее». Вечность не имеет ни начала, ни конца. И в то же время вечность — это не бесконечность, не бесконечная длительность, ибо длительность предполагает некоторую смену состояний, то есть время. А время и вечность — это принципиально разные вещи.

Разумеется, все то, что я сказал о вечности — это взгляд «сквозь тусклое стекло», некие метафоры, попытки посредством образов и понятий, которые мы берем из нашего, видимого мира, истолковать Невидимое, Высшее, бесконечно превосходящее все «видимости» нашего мира. Вечность, как и все, относящееся к сущности Бога, неизмеримо превосходит возможности нашего понимания, ибо вечность, как и Бог в Его сущности, за пределами для нашего мира.

Итак, Бог существует в вечности. В связи с этим возникает еще один вопрос: если Бог существует вечно, то не следует ли отсюда, что и сама вселенная существует вечно? Мы ведь привыкли думать, что если существует причина, то должно существовать и следствие этой причины. Но, с другой стороны, мы знаем, что вселенная имела начало. Как одно согласовать с другим? Очень просто: вечная Причина вселенной по Своему Про-из-волению, то есть по своему выбору, свободно, создает вселенную — «однажды» создает. Как, скажем, Моцарт однажды сел и записал мелодию, которая пришла ему в голову. Из только что сказанного непосредственно следует, что Бог, как субъект про-из-воления, как свободное Существо, несомненно, является Личностью!

КОГДА НАМ СТАНОВИТСЯ ВЫГОДНО НЕ ВЕРИТЬ В БОГА?

Митрополит русской православной церкви Антоний Сурожский в одной из своих бесед рассказал очень поучительную историю, которая хорошо мне запомнилась.

Однажды встречает Антоний, будущий митрополит, а тогда еще священник, своего старого знакомого, молодого мужчину, которого он знал еще ребенком, росшим в очень добропорядочной православной семье. Этот мальчик верил в Бога, как его учили в семье и школе. Причем не просто верил, а отличался несколько демонстративной, в какой-то степени показной, набожностью и благочинностью в поведении. Замечу, что дело происходило в дореволюционной России, когда школьные учителя еще не боролись с Богом.

Итак, они встретились и разговорились. В ходе беседы этот человек между прочим сказал Антонию, что он уже давно утратил веру в Бога. Антоний не стал заострять внимание на этом факте, а перед расставанием, тоже как бы между прочим посоветовал ему вспомнить, что явилось непосредственным толчком к утрате веры. Собеседник ответил, что он вряд ли сможет вспомнить это начальное событие, поскольку эта утрата происходила постепенно и незаметно, как бы «сама собой» и в продолжение длительного времени. Вполне возможно, что этого «начального» события, которое знаменовало начало его отхода от Бога, вовсе и не было.

«А ты все-таки попробуй вспомнить, — попросил его Антоний, — когда тебе стало выгодно не верить в Бога». Тот пожал плечами — мол, дело безнадежное, но «для приличия», «из вежливости» обещал все-таки попробовать вспомнить. На том и расстались.

Прошло много времени, и они вновь встретились. И Антоний с первого же взгляда увидел важную перемену, произошедшую в этом человеке. А прошлую их встречу он беседовал, хотя и с молодым, но «разочаровавшимся» в жизни, людях и Боге человеком, «без искры» в душе и в глазах, опустошенным и преждевременно душевно постаревшим. Теперь же перед ним стоял совершенно иной человек — собранный, с живым взором и, хотя прошло уже несколько лет, он буквально помолодел, и это отражалось в его внешнем облике.

«Что с тобой произошло?» — спросил Антоний.

«Я опять обрел веру в Бога», — ответил он.

«Как это случилось?» — задал вопрос священник.

И человек рассказал: «Помнишь, ты посоветовал мне попробовать вспомнить, когда мне стало выгодно не верить в Бога. Я и не думал сначала, что меня так заденет этот твой совет. Но совершенно неожиданно я стал все чаще вспоминать его, стал думать, «прокручивать» в памяти свою жизнь, стал искать ответ на вопрос: какое же событие в прошлом явилось толчком к утрате моей детской веры? И я вспомнил это значимое тогда для меня событие, которое впоследствии я забыл...»

И дальше этот человек поведал, что когда он был маленьким мальчиком, то верил в Бога, как его учили взрослые. И без рассуждений доверял тому, что они говорили. Он старался соблюдать все православные церковные обряды, ему очень нравилось, когда его хвалили за образцовое поведение и называли «образцовым верующим мальчиком». Образцовость во внешних проявлениях поощрялась, и он стремился этому соответствовать. По воскресеньям они всей семьей ходили на службу в церковь. Перед церковью всегда сидели, собирая подаяние нищие, и среди них — один слепой, которому мальчик всегда клал в чашку для подаяний копеечку, выданную для этой цели родителями. В этот момент мальчик всегда мысленно любовался собою, смотрел на себя глазами окружающих людей и умилялся, какой он хорошенький, умытый, чисто одетый верующий мальчик, и как хорошо он проявляет христианское милосердие к несчастному человеку! В походах в церковь именно этот момент нравился ему больше

всего, поскольку тогда он ощущал себя в центре всеобщего внимания, во всяком случае ему казалось, что он заслуживает восхищения, и что им действительно восхищаются. Так продолжалось довольно долго. Родители любили его, были довольны его поведением, дарили игрушки...

Мальчик рос и, наконец, вошел в такой возраст, когда ему захотелось иметь велосипед. В то время велосипеды стоили дорого, а его родители, хотя и не были достаточно богаты, чтобы сразу купить велосипед, сказали: «Что ж, начинай копить деньги. Для этого мы тебе будем давать копейки каждую неделю. Складывай их в копилку. Постепенно накопишь нужную сумму». И он стал копить. Чем больше накапливалась сумма, тем более страстно ему хотелось получить желанную вещь. Он вынул деньги из копилки и пересчитал их: оставалось набрать совсем немного. «Где же поскорее взять недостающие деньги?..» — мучительно раздумывал мальчик и придумал. В воскресенье вместо того, чтобы положить очередную копеечку в чашку нищего, он лишь сделал вид, что кладет, а придя домой, положил ее в свою копилку. И наконец, осталось накопить совсем чуть-чуть — буквально несколько копеек! Желание во что бы то ни стало получить велосипед стало нестерпимым! И в следующее воскресенье он не только не положил копеечку в чашку слепого, но незаметно взял у нищего недостающие копейки, он обокрал слепого нищего и купил велосипед.

После того как это произошло, некоторое время его мучила совесть: а ведь Бог-то накажет за воровство! Но время шло, Бог не торопился с наказанием, и совесть мучила все меньше и меньше... Вместе с тем начала убывать его детская вера. Ко времени отрочества он уже полностью утратил веру в Бога и совершенно забыл о своем воровстве. Вором-«профессионалом» он, к счастью, не стал, но он стал неверующим.

О своем проступке он не вспоминал до тех пор, пока Антоний не посоветовал ему вспомнить, когда ему стало выгодно не верить в Бога. И когда он вспомнил, при каких обстоятельствах начался его отход от Бога, он покаялся и вернулся к Богу, вновь обрел веру. Но эта уже была не детская, наивная вера, это была сознательная вера взрослого человека. Он ясно понял, что его неверие было не чем иным, как ложной и губительной для его души «самозащитой» от укоров совести, которые указывали на его грех и на необходимость исповедования и изживания этого греха.

Подобные укоры, хотя и мучительны, но справедливы и, в конечном счете, целительны. «Если Бога нет, то все позволено», — говорил Достоевский. Другими словами, если Бога нет, то как бы нет и греха. И мы с «чистой» совестью можем грешить, можем жить спокойной грешной жизнью, ибо нет Бога, нет ни прижизненного, ни посмертного воздаяния за грех. А смерть — это не более чем прекращение жизни, переход в «ничто», в небытие. «Умрешь — трава вырастет» — так говорил старый казак-охотник Брошка, один из героев повести Льва Толстого «Казачьи». Живи, пока живется, и не думай ни о каком воздаянии за грех — такова глубинная мотивировка неверия, атеизма. Атеистам «выгодно» не верить в Бога, потому что вера предполагает ответственную, нравственную жизнь. А для человека слабого, грешного, не желающего признаться в своей слабости и в своих грехах, не желающего искренне, с глубоким сердечным сокрушением, покаяться перед Богом в своей греховной слабости, в результате покаяния обрести силу благодати, которую дает нам Бог для успешной борьбы со своей греховностью, для такого человека признание реального существования Бога мучительно, оно жжет его грешную душу! Поэтому все якобы научные доводы атеистов против существования Бога — это не более чем оправдание ими своей грешной жизни. Не «умом» своим атеисты «доказывают», что Бога нет, тем более, что «доказать» несуществование Бога невозможно. Нет, в сердце своем атеисты отворачиваются от Бога: «Сказал безумец в сердце своем: "нет Бога". Они развратились, совершили гнусные дела...» (Пс. 13:1).

ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ ФИЛОСОФСКОЙ ИСТИНЫ

И АБСОЛЮТНОСТЬ ИСТИНЫ ХРИСТИАНСКОЙ

Каждый христианин знает, что философские истины, размышления и теории ни в коей мере не могут заменить истины христианской, ибо истины, которые открывает нам философия, относительны, а истина, которая открыта нам Богом (Иисусом Христом), абсолютна. В этой связи вспоминается известный анекдот о герое восточных легенд Ходже Насреддине.

Как-то пришел к нему сосед, который поссорился с другим соседом, и рассказал, как было дело. Ходжа внимательно выслушал и говорит: «Ты прав». Сосед ушел обрадованный. Вскоре пришел другой сосед и поведал о той же ссоре, но со своей позиции. Ходжа опять внимательно выслушал и сказал: «Ты прав». И тот ушел обрадованный. А жена Ходжи, по восточному обычаю, все это время была за занавеской и все слышала. Когда ушел второй сосед, она вышла и воскликнула: «Ходжа! Как ты мог каждому из них сказать, что он прав, если они утверждали прямо противоположное!?» Умная женщина намекнула супругу, что он нарушил закон логики, который запрещает противоречие. «И ты, жена, права», — ответил ей, немного подумав, мудрый Ходжа.

Если под поссорившимися соседями понимать представителей различных философских направлений — ориентации, школ и т.п., то я вполне солидарен с Ходжей: каждый философ прав по-своему, каждый выражает свою правду, которую он извлекает из глубины своего сердца. Например, для безумца, который сказал в глубине своего сердца, что «Бога нет», действительно, Бог не существует. Для разумного же человека, который в глубине своего сердца принял Бога, Бог, несомненно, существует. Каждый из них, и безумец, и разумный человек, прав по-своему.

Об относительной правоте, или об относительности правоты каждого человека еще в V в. до Р.Х. говорил греческий философ Протагор: «Человек есть мера всех вещей — существующих, что они существуют, и не существующих, что они не существуют». Да, каждый из нас по-своему прав относительно тех принципов, которые каждый из нас выбирает в глубине своего сердца. Можно сказать и по-другому: каждый из нас прав настолько, насколько он логичен, насколько он следует правилам логики при разработке исходных интуиции и принципов, которые он принимает на веру.

Но отсюда еще не следует, что все философы изрекают истину, ибо далеко не все они выбирают в качестве исходных пунктов истину. Есть такие мыслители, которые философствуют, исходя из ложных принципов. Я думаю, однако, что при некотором усилии мысли и духа, а также при наличии некоторых интеллектуальных способностей вполне возможно встать выше относительной правоты спорящих сторон и в той или иной степени выяснить, на чьей стороне истина. Иначе говоря, всегда существует высшая точка зрения, с которой мы можем понять относительность правоты спорящих персонажей в ситуациях, которые подобны анекдоту о Ходже Насреддине, или в истории философской мысли. Всегда существует высшая истина, которая позволяет нам оценивать пи относительную правоту, относительные истины.

Попробую пояснить на примере, что я имею в виду. Когда говорю об относительных истинах. Зададимся, скажем, таким вопросом: какой цвет имеет трава, когда на нее никто не смотрит? Предположим, что я смотрю на свежую траву в мае и говорю: «Трава имеет зеленый цвет», или короче: «Трава зелена». Итак, сформулировано утверждение: «Трава зелена». Является ли это утверждение истинным или ложным? Я думаю, что для большинства нормально видящих людей, не дальтоников — трава, действительно, имеет зеленый цвет. Поэтому большинство людей на вопрос о цвете травы скажет, что она зелена, и будут правы, то есть скажут истину.

Но попробуем задуматься вот над чем: что означает зелень травы? Что мы фиксируем, когда мы говорим, что трава зелена? Ответ напрашивается сам собой: когда

мы говорим, что трава зелена, мы имеем в виду, во-первых, наше восприятие цвета травы, а во-вторых, то, что трава сама по себе (как она существует вне нашего восприятия) также имеет зеленый цвет. Казалось бы, все просто и ясно. Но подумаем еще чуть-чуть: действительно ли в данном случае все так просто и ясно, как это нам представляется на первый взгляд? Вспомним, что такое цвет, с точки зрения физики. Физика говорит, что цвет — это не что иное, как свойство света (скажем, солнечного) вызывать определенные зрительные ощущения в соответствии со спектральным составом отражаемого или испускаемого излучения. Свет разных длин волн вызывает разные цветовые ощущения: фиолетовое, синее, голубое, зеленое, желтое, оранжевое, красное.

Вспомним, как нас учили в школе: зелень травы — это не более чем свойство ее поверхности отражать световые волны определенной длины. Эти отраженные волны вступают в контакт с нашими глазами. И венце этого сложного процесса — наше ощущение зелени травы.

Понятно, что, с точки зрения физики, зелень травы — это не характеристика травы в том виде, к которому она существует сама по себе, независимо от нас, а характеристика нашего ощущения, которое возникает в результате взаимодействия нашего органа зрения с волнами определенной длины. Причем эти волны отражаются от поверхности травы, то есть не являются собственной характеристикой травы. Получается, что цвет травы — это исключительно субъективное впечатление от нашего контакта с травой через посредство лучей света. Таким образом, с точки зрения физики, если на траву никто не смотрит, она вообще не имеет цвета.

Утверждение, что трава зелена — это неплохой пример относительной истины, истины, соотносимой с нами, с нашими органами восприятия, истины, которая утверждает нечто не только (или даже не столько) о мире, сколько о нас самих. Философские истины очень похожи по своей относительности на истину о зеленом цвете травы.

Философ за истину принимает то, к чему склонно его сердце. А сердце его далеко не всегда склонно к той или иной подлинной истине. Оно вполне может склониться и ко лжи. Философские истины, в лучшем случае, — это не более чем предвосхищения в большей или меньшей степени истины христианства. Например, отдельные моменты христианской истины были предвосхищены великими древнегреческими философами Сократом и Платоном, которых христиане первых веков часто называли «христианами до Христа».

Но зададимся вопросом, почему подобное предвосхищение оказалось возможным? Конечно же не потому, что Сократ и Платон были настолько умны, что самостоятельно «догадались» о том, о чем примерно через 100 лет возвестил Иисус, а потому, что какие-то моменты христианской истины были «записаны» в их сердце до явления Иисуса Христа в человеческой истории, до Его славного и спасительного для нас Рождества.

В отличие от относительных философских истин, истина, которую Своею жизнью возвестил нам Иисус Христос, является безотносительной, то есть абсолютной. И мы, конечно же, должны ориентироваться прежде всего на Иисуса, а не на относительные истины философских теорий.

ФИЛОСОФИЯ **КАК СУМАСШЕДШИЙ ДОМ...**

«Какую можно высказать еще нелепость, которая уже не была бы высказана кем-нибудь из философов!» — так в сердцах воскликнул в I в. до Р. Х. римский оратор и государственный деятель, к тому же неплохой философ, Марк Туллий Цицерон. Воистину он прав! Нет такой глупости и дикости, под которую не была бы подведена

та или иная философская теория. Более того, нет такой безумной мысли или теории (в прямом смысле слова безумной!), которую не высказала бы та или иная философская доктрина.

— Итак, о безумных... доктринах, мыслях, утверждениях. Что может быть безумнее мысли, согласно которой «кроме меня ничего в мире не существует». Если подобная мысль всерьез и надолго овладевает «обычным» человеком, то психиатры обратят на этого человека серьезное внимание, поскольку мысль о нереальности внешнего мира, мягко говоря, является довольно-таки странной. В философии же издавна существует вполне «почтенная» теория, в основу которой положена именно эта мысль. Такая теория называется солипсизмом. Слово «солипсизм» происходит от двух латинских слов *solus* — единственный и *ipse* — я сам.

Этой доктриной в отрочестве увлекался Лев Толстой. Вот как он описывает свою увлеченность, называя сию теорию скептицизмом: «ни одним из философских направлений я не увлекался так, как скептицизмом, который одно время довел меня до состояния, близкого сумасшествию. Я воображал, что, кроме меня, никого и ничего не существует во всем мире, что предметы не предметы, а образы, являющиеся только тогда, когда я па них обращаю внимание, и что, как скоро я перестаю думать о них, образы эти тотчас исчезают».

Признаюсь, что и я лет в 15 — 16 переживал нечто подобное тому, что описал Лев Толстой. Видимо, время перехода от отрочества в юность благоприятно для появления подобных иллюзий. Время от времени иллюзия нереальности внешнего мира может овладевать нами и во взрослом возрасте, особенно на фоне усталости, нервных напряжений и срывов. Но если подобные иллюзии овладевают нами не надолго, то ничего страшного нет. Гораздо хуже, если мнение о нереальности мира становится нашим глубоким убеждением. А именно подобное убеждение исповедуют и обосновывают некоторые философы.

Солипсистская идея — это далеко не единственная безумная идея философов. На мой взгляд, не менее безумна, например, материалистическая идея, согласно которой мир в целом представляет собой «самодвижущуюся материю». Последовательный материалист вынужден утверждать, что ни сознания, ни души в действительности нет. Они лишь «кажутся» существующими, но не существуют на самом деле.

Итак, один философский безумец — солипсист — утверждает, что внешнего мира на самом деле нет, а есть только он сам, его сознание. А другой философствующий безумец — материалист — утверждает нечто прямо противоположенное: материальный мир есть, а его самого (то есть человека) нет, поскольку нет его нематериального сознания, нет его души. И обе эти позиции, издавна существуют в философии и считаются специалистами философами вполне респектабельными.

Могут ли солипсист и материалист договориться друг с другом? Конечно же, нет! В этой связи мне припоминается забавный эксперимент...

Как-то в одной из американских лечебниц для душевнобольных психиатры поставили опыт. Целью этого опыта было выяснение того, насколько душевнобольные сохраняют способность к спонтанному, то есть произвольному, общению друг с другом, насколько они способны к взаимопониманию, насколько каждый из них способен действительно понять, о чем говорит его собеседник, и обсуждать именно то, о чем он говорит. Для опыта собрали за чаем ранее не знакомых друг с другом пациентов из разных палат и отделений. (Разумеется, были собраны лишь те больные, которые были приведены в нормальное психическое состояние). Медицинский персонал удалился, а за «чаепитием» было организовано скрытое наблюдение. Сначала преобладала естественная сдержанность: люди приглядывались друг к другу, как и все мы приглядываемся друг к другу, прежде чем вступить в беседу. Приглядевшись, пациенты начали «разговаривать» друг с другом, общение постепенно наладилось, образовались небольшие группки «собеседников». О том, что люди начали

действительно общаться друг с другом, можно было заключить, наблюдая за их внешним поведением, — они говорили по очереди, не галдели, не перебивали друг друга. Но прослушивание их разговоров ясно показало, что никакой беседы, взаимопонимания и общения так и не возникло, ибо каждый говорил исключительно о своем — люди совершенно не соприкасались ни интеллектуально, ни эмоционально, ни, тем более, духовно.

Часто разговоры, в том числе и философские споры и дискуссии, напоминают картинку из сумасшедшего дома. «Философское самозамыкание» теории на самой себе — очень напоминает замыкание на самом себе мелкого чиновника Поприщина — героя «Записок сумасшедшего» Н.В.Гоголя. Его самозамыкание, как мы помним, привело его к мнению, что он является королем испанским. Примерно такими же «королями испанскими» являются многие философы.

Как же быть? Как «вылечиться»? Существует ли психотерапия, которая поможет нам выйти из философского сумасшедшего дома, если мы — не дай Бог! — чуда попадем? Несомненно, такой выход есть! Этим выходом является решительный отказ от философского самозамыкания, решительный выход из пределов бесплодного и безблагодатного философского умствования, выход из границ самозамкнутости в рамках безумных философских теорий. И куда же мы должны выйти? Мы должны выйти в полноту реальности, обратиться к высшей Полноте Реальности, которой является, конечно же, Бог.

ФИЛОСОФИЯ: СЛОВО И ДЕЛО...

В одном из предыдущих очерков я писал о том, что философия напоминает сумасшедший дом, однако нельзя утверждать, что вся мировая философия — это не более чем сборник безумных идей. Да, в ней есть безумные теории, но есть и много разумного, хорошего, поучительного и вечного, как и в человеческой жизни, в которой есть и разум, но есть, конечно, и безумие. Философия — это не что иное, как выражение сути и смысла жизни в понятиях.

Давайте подумаем: что для нас важнее — жить или философствовать, то есть «разговаривать» о жизни? Может быть, философствованию, то есть разговорам о мире и о жизни, всегда, или как правило, нужно предпочитать конкретные дела? Часто говорят: «Кто умеет делать дело, тот делает его, а кто не умеет, тот разговаривает о деле». Действительно, на свете немало людей, которые слова предпочитают делам. Их дела обычно ограничиваются тем, что они собираются сделать какое-нибудь важное дело, и долго обсуждают, как они будут это делать. Часто в таких обсуждениях незаметно проходит жизнь, дело так и не делается. Классическими литературными примерами таких «дельцов» являются: Подколесин из «Женитьбы» Гоголя, Манилов из его же «Мертвых душ», главный герой — Мечтатель — из «Белых ночей» Достоевского, а также Обломов из одноименного романа Гончарова. Должен признаться, что и среди моих собратьев по профессии, профессиональных философов, преподавателей философии — таких «дельцов» немало, может быть, даже больше, чем среди представителей иных видов интеллектуальной деятельности. Но все ли философы таковы? И является ли боязнь конкретного дела, так сказать, одним из «виобразующих» признаков философа как такового? Конечно же, нет! Для подлинного философа ответственное слово — это и есть его дело, которое к тому же имеет общечеловеческую важность, ценность и значение. Конечно, сразу вспоминаются великие философы — Сократ, Платон, Аристотель, Паскаль и другие. Умами, сердцами, устами и речами этих мудрецов человечество достигало самопонимания. А понять себя, уяснить свое место в мире и осмыслить свои взаимоотношения с миром — это очень важное, даже жизненно важное, дело. Во всяком случае, я так думаю.

Я упомянул великих мыслителей — мудрецов. Но и «обычные» мыслители далеко не всегда представляют собой лишь безответственных болтунов на философские темы. Естественно, возникает вопрос: при каких условиях, обстоятельствах и на каких основаниях философ имеет моральное право на благожелательный интерес со стороны внимающих ему людей? Думаю, что единственным критерием качества философствования, единственным серьезным основанием для того, чтобы пробудить людской интерес к тому или иному философствованию, является извлечение содержания философствования из глубины сердца философа. Если философ извлекает содержание своих рассуждений из глубины своего сердца, если в его рассуждениях выражается, как у нас говорили в старину, «сокровенный сердца человек», то его рассуждения вполне оправданны, их вполне можно приравнять к делам, скажем, мостостроителя, который соединяет своим сооружением берега широкой реки. Соорудить мост, то есть создать прочную связь между противоположными берегами реки, — это очень хорошее дело. Но и высказать нечто важное, правильное и истинное о человеке — о том, «кто он, откуда он и куда он идет», — дело не менее хорошее и вполне сопоставимое со строительством мостов, ибо хорошие философы способствуют соединению душ людей — сооружают мосты, устанавливают прочные связи между нашими душами.

Я убежден, что люди похожи душами друг на друга. Более того, мы родственны друг с другом нашими душами. Но очень часто мы либо забываем, либо не догадываемся об этом, и поэтому думаем, что наши тревоги и печали, страдания и сомнения уникальны, единственные. Поэтому часто мы печалимся и страдаем в одиночестве — нам «и скучно, и грустно, и некому руку подать». Но если мне удалось высказать нечто важное о глубине моей души, моих страданий и печалей, моих радостей и восторгов, то тем самым, вполне возможно, что Мне удалось высказать и нечто важное также и о глубине вашей души.

В глубинах наших душ мы — все люди — сходимся и объединяемся друг с другом, что и неудивительно, ибо не мы произошли от одного общего предка, и все мы едины в Адаме. Вы услышали меня и поняли, что другой Человек в чем-то очень важном похож на вас, родственен вам. И вот вам уже не так одиноко, мост взаимопонимания и взаимоучастия построен.

Но подобным «наведением мостов» между душами людей занимается художественная литература. Не является ли дело философии «дублированием» дела литературы? Если есть хорошая литература, то, может быть, можно обойтись без философии? Я бы ответил на эти вопросы так. Хорошая художественная литература отвечает на достаточно глубокие вопросы человеческого духа о самом себе. Но художественная литература отвечает на глубинные вопросы нашего духа о самом себе лишь в той степени, в какой она берет на себя задачу философии — является, так сказать, философичной. Я склонен проводить грань между философией и собственно литературой даже внутри литературного произведения.

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ НАУКА «ДОКАЗАЛА», ЧТО ДУШИ НЕ СУЩЕСТВУЕТ?

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля о душе написано так: «Душа — бессмертное духовное существо, одаренное разумом и волею, человек без плоти, бестелесный, по смерти своей; жизненное существо человека, воображаемое отдельно от тела». Однако материалистическая философия утверждает, что наука «доказала» несуществование души. Так ли это? — Посмотрим...

Вряд ли кто-либо сомневается в том, что состояние нашего сознания и — шире — нашей психики зависит от состояния нашей телесной организации и нашего мозга. Грубые, но убедительные свидетельства в пользу этой зависимости дают факты

механических повреждений мозговых тканей, например ранения головного мозга. Специально проводимые операции на мозге человека могут оказать существеннейшее влияние на его психические процессы...

Вот что пишется об операциях на лобных долях мозга в одном из современных учебников по психологии: «В 30-е годы была разработана методика, находящая сейчас все меньшее применение. Речь идет о хирургических операциях на головном мозге. Эти операции включают разрушение отдельных участков лобных долей (лоботомия) и перерезку нервных пучков, связывающих их с некоторыми нервными центрами. Было отмечено, что такие операции, проведенные на обезьянах, делают животных более спокойными. У человека лоботомию впервые произвел португальский психиатр Мониз (Moniz), который получил сходные результаты. Не коре, однако, заметили, что наряду со снижением агрессивности у пациента происходит изменение личности, проявляющееся в исчезновении интереса к повседневной жизни и отсутствии эмоций. А ведь восстановить что-либо после такой операции нельзя, и поэтому больные были обречены на бесцветную жизнь автоматов».

Вспомним, как выглядел после лоботомии безнравственный и склонный к преступному поведению, но внешне очень привлекательный Макмерфи, превосходно сыгранный Джеком Николсоном в фильме Милоша Формана «Полет над гнездом кукушки»...

Кстати, Мониз за свои работы по лоботомии в 1949 г. получил Нобелевскую премию...

Существует много свидетельств, подтверждающих зависимость нашего сознания, состояний нашей психической жизни от состояний нашего мозга. Посмотрим, однако, нет ли противоположных свидетельств, то есть свидетельств в пользу независимости или, по крайней мере, в пользу относительной зависимости нашей психической жизни от состояний мозга. Оказывается, имеются и такие свидетельства...

Далее я привожу обширную выдержку из книги «Свет и тьма». Эту книгу написал наш современник Л. И. Корочкин, доктор медицинских наук, член корреспондент Российской академии наук.

«Об удивительном случае, имевшем место в одной из больниц Москвы, рассказал мне один известный нейрофизиолог. В этой больнице вели наблюдение над пациентом с редким заболеванием (вариантом рассеянного склероза), в ходе которого неумолимо разрушалась нервная ткань. Больной постепенно терял способность к активным движениям — погибали клетки мозга, контролировавшие работу мышц. Мышечные клетки, будучи лишены функциональной активности, также погибали. Настал момент, когда больного пришлось перевести на искусственное кормление, в результате он в тяжелом уже состоянии прожил более 10 лет. Патологический процесс тем временем распространился и на мышцы лица, но нервы, управлявшие движениями глазных мышц, чудом сохранились — больной мог открывать и закрывать глаза. И на этом было построено общение с ним — можно задавать вопросы и получать ответы, пользуясь заранее обговоренным «кодом», можно, хотя и с трудом, на основе такого общения узнавать, в каком состоянии находится психика больного, его мышление. Жизнь этого человека оборвалась случайно и трагически. Зимой в Москву неожиданно пришли морозы, а нерадивая медсестра забыла утеплить больного, и он скончался от переохлаждения. Скончался в полном сознании, при полной сохранности своих мыслительных способностей. Но когда при патологоанатомическом вскрытии извлекли и исследовали мозг, то оказалось, что за исключением некоторых жизненно важных центров... все остальное погибло. И уж во всяком случае не осталось и следа от так называемой второй сигнальной системы, которой материалисты приписывали мыслительные функции. Тем не менее у больного сохранились мыслительные способности, хотя, с материалистической точки зрения, ему нечем было мыслить — ткань головного мозга практически была разрушена».

Вот такие дела! Существуют серьезные факты, свидетельствующие в пользу зависимости состояний психики от состояний мозга. Но существуют также не менее серьезные факты против этой зависимости — факты, которые позволяют подвергнуть утверждение об этой зависимости основательному сомнению. Во всяком случае ясно, что утверждения материалистов, согласно которым «сознание возникает в результате совместных действий множества клеток мозга, так же как пищеварение есть результат совместных действий клеток пищеварительного тракта» (так пишут в одном современном западном учебнике по физиологии мозга), выглядят слишком самоуверенными и безапелляционными. Мы имеем серьезное и вполне научное основание для мнения, что вопрос о возможной самостоятельности психики по отношению к мозгу — вопрос о нашей душе — не так уж бессмыслен, как думают материалисты.

Уже на основе изложенного можно смело утверждать, что материалисты не представили убедительного доказательства несуществования души.

Наиболее убедительным доказательством чего бы то ни было считается логическое доказательство. В частности, если мы хотим доказать, что нечто не существует, то применяем так называемое «доказательство от противного», а именно — показываем, что предположение о существовании этого нечто приводит к логическому противоречию. Ничего подобного в отношении предположения о существовании души никогда не было продемонстрировано, хотя материалисты в течение многих веков (и до сих пор!) предпринимают попытки представить такое доказательство... Систематические провалы этих попыток свидетельствуют в пользу предположения о существовании души...

Современный российский философ В.Н.Тростников справедливо предполагает, что хотя и слабым, но тем не менее заслуживающим внимания доводом против существования человеческой души могло бы стать создание искусственного кибернетического устройства, воспроизводящего какие-либо важные моменты поведения человека. Тогда можно было бы сказать: «Вот видите, мы знаем, что в этом механизме нет души, а чем он отличается от нас?». Таким образом, если бы удалось построить искусственное кибернетическое устройство, хорошо имитирующее деятельность нашего сознания, то у материалистов появился бы более или менее серьезный довод в пользу утверждения о несуществовании души. Но систематические попытки в этом направлении с треском провалились. Отсюда вывод: душа существует.

Ранее я говорил лишь о косвенных свидетельствах в пользу существования души — о свидетельствах «от неудач» материалистов... Но посмотрим, нет ли в нашем распоряжении прямых свидетельств в пользу существования души?..

Достаточно лишь чуть-чуть задуматься, приглядеться к деятельности нашего сознания, и мы легко обнаружим прямые свидетельства в пользу существования нашей души. Их мы получаем изнутри нашего самосознания... Оказывается, здесь и доказывать-то (в смысле построения неких «цепочек рассуждений») нечего!.. Требуется лишь некоторое волевое усилие для избавления от «материалистического гипноза», от навязчивого внушения, что «души нет», и мы увидим очевидное, а именно: мы непосредственно знакомы лишь с нашей душой, а все остальное знание о мире, о нашем теле, о других людях, вещах и т.д. получаем лишь через посредство нематериального центра нашего самосознания, то есть нашей души!

Так что скорее требует доказательства утверждение о существовании материи, чем утверждение о существовании души.

Христиане, кстати, не отрицают существования наряду с духовным и материального мира, ибо как говорит Библия: «В начале сотворил Бог небо и землю» (Быт. 1:1), то есть духовный и материальный миры.

Ну, а как же быть с указанными мною вначале фактами, свидетельствующими в пользу зависимости психики от мозга? Думаю, что они вполне объяснимы с такой

позиции: мозговой аппарат является не более чем посредником между нашей душой и вещественным миром. Он связывает нашу душу с этим миром, подобно тому как радиоприемник «связывает» радиоволны с нашим ухом. Радиоприемник не вырабатывает волны, но лишь воспринимает их. Мозг не «производит» сознания, но лишь воспринимает деятельность души. Неисправность приемника сказывается на приеме. «Неисправность» мозга оказывает влияние на психическую жизнь.

И, наконец, остается еще один очень важный «старый» вопрос о душе — вопрос о продолжительности ее существования, то есть бессмертна ли она? Ведь логически не исключен вариант, что душа может существовать и даже переживать смерть тела, но со временем, в свою очередь, скончаться — развеяться, как пар...

В этой связи вспоминаются слова русского писателя Ивана Алексеевича Бунина, который, по воспоминаниям одного из своих современников, категорически отрицал возможность бесконечной загробной жизни. Он утверждал, что «противоречило бы высшей логике, если бы после "минутного" пребывания на этой планете ... предстояли мириады лет какого-то непонятого, не-расшифруемого существования, поскольку ничего не было до рождения. Раз есть начало, значит, должен быть и конец».

Звучит на первый взгляд впечатляюще... Бунин был одним из лучших мастеров слова в русской литературе... Но изрек он в данном случае лишь красивую ложь. Поскольку принцип, выраженный Буниным словами «раз есть начало, значит, должен быть и конец», можно легко опровергнуть.

Этот принцип легко опровергается элементарным арифметическим фактом, предельно ясно демонстрирующим, что этот принцип выполняется далеко не во всех случаях. Таким контрпримером (фактом) является бесконечный, то есть не имеющий конца, ряд натуральных целых чисел: 1,2,3...

Ясно, что мы можем сколь угодно продолжать этот ряд: начало у него есть, а конца нет!

Так что насчет «высшей логики» Иван Алексеевич был неправ.

Другими словами, существует логическая возможность бессмертия души!.. А раз так, то мы имеем право верить в ее бессмертие!..

БЕССМЕРТИЕ ДУШИ

В одной из радиопередач я постарался обосновать мнение, что бессмертие нашей души логически не исключено, то есть вполне возможно. Но христиане веруют в нечто более «сильное», а именно: они убеждены в том, что наша душа бессмертна. Превосходное, на мой взгляд, обоснование этого убеждения содержится в одной из статей «Дневника писателя за 1876 год» Федора Михайловича Достоевского. Статья эта называется «Приговор». В ней обоснование бессмертия нашей души дается, так сказать, «от противного» - через опровержение рассуждении воображаемого самоубийцы-материалиста, убежденного, что мы умираем «насовсем», следовательно, жить вообще не стоит, а нужно покончить жизнь самоубийством ...

Достоевский убежден, что человек не может быть счастлив *под условием грозящего завтра нуля*, то есть смерти. Более того, жизнь для нас выносима лишь в том случае, если у нас остается хотя бы малейшая надежда на бессмертие души, одна лишь возможность которого уже придает жизни смысл. Утрата именно этой надежды приводит героя Достоевского к «естественному логическому выводу» — самоубийству.

Далее я привожу большую выдержку из Достоевского. Он пишет:

«Вот одно рассуждение одного самоубийцы от скуки, разумеется, материалиста...

и...Какое право имела эта природа производить меня на свет, вследствие каких-то там своих вечных законов? Я создан с сознанием и эту природу *сознал*: какое право она имела производить меня, без моей воли на то, сознающего? Сознающего, стало быть страдающего, но я не хочу страдать — ибо для чего бы я согласился страдать?»

Природа, чрез сознание мое, возвещает мне о какой-то гармонии в целом. Человеческое сознание наделало из этого возвещения религий...»

Небольшой комментарий: Достоевский в данном случае имеет в виду то, что обычно называется физико-телеологическим доказательством бытия Божия. Суть этого доказательства состоит в следующем: целесообразность, то есть гармоническая «взаимоподогнанность» вещей и обстоятельств, наличествующая в мире, свидетельствует в пользу существования Организатора этой целесообразности — в пользу существования Бога.

Герой Достоевского продолжает:

«...Природа говорит мне, что я, — хоть и знаю вполне, что в "гармонии целого" участвовать не могу и никогда не буду, да и не пойму ее вовсе, что она такое значит, — но что я все-таки должен подчиниться этому возвещению, должен смириться, принять страдание в виду гармонии в целом и согласиться жить. Но если выбирать сознательно, то уж, разумеется, я скорее пожелаю быть счастливым лишь в то мгновение, пока я существую, а до целого и его гармонии мне ровно нет никакого дела после того, как я уничтожусь... Пусть уж лучше я был бы создан как все животные, то есть живущим, но не сознающим себя разумно; сознание же мое есть именно не гармония, а напротив, дисгармония, потому что я с ним несчастлив. Посмотрите, кто счастлив на свете и какие люди *соглашаются* жить? Как раз те, которые похожи на животных и ближе подходят под их тип по малому развитию их сознания.... Да, если б я был цветок или корова, я бы и получил наслаждение. Но, задавая, как теперь, себе беспрерывно вопросы, я не могу быть счастлив, даже и при самом высшем и непосредственном счастье любви к ближнему и любви ко мне человечества, ибо знаю, что завтра же все это будет уничтожено: и я, и все счастье это, и вся любовь, и все человечество — обратимся в ничто, в прежний хаос. ... Я не буду и не могу быть счастлив под условием грозящего завтра нуля. Это — чувство, это непосредственное чувство и я не могу побороть его. Ну, пусть бы я умер, а только человечество оставалось бы вместо меня вечно, тогда, может быть, я все же был бы утешен. Но ведь планета наша не вечна и человечеству срок — такой же миг, как и мне. И как бы разумно, радостно, праведно и свято ни устроилось на земле человечество, — все это тоже приравнивается завтра к тому же нулю. И хоть это почему-то там и необходимо, по каким-то там всемогущим, вечным и мертвым законам природы, но поверьте, что в этой мысли заключается какое-то глубочайшее неуважение к человечеству, глубоко мне оскорбительное, и тем более невыносимое, что тут нет никого виноватого...»

Завершается «обвинительная» по своему характеру речь героя, а вместе с ней и статья Достоевского, вынесением «приговора»:

«Так как на вопросы мои о счастье я через мое же сознание получаю от природы лишь ответ, что могу быть счастлив не иначе, как в гармонии целого, которой я не понимаю и, очевидно для меня, и понять никогда не в силах —

Так как природа не только не признает за мной права спрашивать у нее отчета, но даже и не отвечает мне вовсе — и не потому, что не хочет, а потому, что и не может ответить —

Так как я убедился, что природа, чтоб отвечать мне на мои вопросы, предназначила мне (бессознательно) меня же самого, и отвечает мне моим же сознанием (потому что я сам это все говорю себе) —

Так как, наконец, при таком порядке, я принимаю на себя в одно и то же время роль истца и ответчика, подсудимого и судьи, и нахожу эту комедию, со стороны природы, совершенно глупой, а переносить эту комедию, с моей стороны, считаю даже унижительным —

То, в моем несомненном качестве истца и ответчика, судьи и подсудимого, я присуждаю эту природу, которая так бесцеремонно и нагло произвела меня на страдание — вместе со мною на уничтожение... А так как природу я истребить не могу,

то истребляю себя одного, единственно от скуки сносить тиранию, в которой нет виноватого».

Так завершается статья «Приговор».

Сам Достоевский прокомментировал ее содержание такими словами: «Статья моя "Приговор" касается основной и самой высшей идеи человеческого бытия — необходимости и неизбежности убеждения в бессмертии души человеческой. Подкладка этой исповеди погибающего "от логического самоубийства" человека — это необходимость тут же, сейчас же вывода: что без веры в свою душу и в ее бессмертие бытие человека неестественно, невыносимо и невыносимо». Нравоучение своей статьи он выражает такими словами: «Если убеждение в бессмертии так необходимо для бытия человеческого, то, стало быть, оно и есть нормальное состояние человечества, а коли так, то и самое бессмертие души человеческой существует несомненно».

На мой взгляд, рассуждение Достоевского безукоризненно. Но я, дополняя его, сделал бы еще один вывод, а именно: если люди продолжают жить, значит, они — в той или иной степени — надеются на бессмертие. О бессмертии иногда говорят даже материалисты, понимая под ним «память» о людях и делах их, сохраняемую потомками. Ясно, что с подлинным бессмертием такая трактовка не имеет ничего общего. Нет, не на материалистически понимаемое бессмертие надеются люди, продолжающие жить и не считающие свою жизнь бессмысленной. Они надеются на подлинное бессмертие — бессмертие души. Не всегда эта надежда полностью, сознательно понимается ими. Часто она в той или иной степени неосознаваема — теплится, так сказать, на «дне души». Но она — эта надежда — несомненно, существует. Наша душа непосредственно, без доказательств, знает, что она бессмертна. Ей не нужны доказательства самоочевидного для нее.

С христианской точки зрения, смерть нашего тела — это кара, постигшая человечество за грех, совершенный нашими предками Адамом и Евой: «Посему, как одним человеком грех вошел в мир, и грехом смерть, так и смерть перешла во всех человеков, потому что в нем все согрешили» (Рим. 5:12). Но смерть побеждена Иисусом Христом: «Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?» — восклицает апостол Павел (1 Кор. 15:55). «Ибо возмездие за грех — смерть, а дар Божий — жизнь вечная во Иисусе Христе, Господе нашем» (Рим. 6:23). Вера в воскресение Христа, знаменующее собой Его победу над смертью и гарантирующее возможность нашего спасения от греха и его последствия — смерти, — основа христианства. «Если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша», — говорит апостол Павел (1 Кор. 15:14).

Христианство учит, что человек имеет не только смертное тело, но и бессмертную душу. По смерти тела душа отделяется от него и попадает в новые условия, продолжая жить сознательной жизнью. При этом «дела наши идут за нами» — свершенное нами во время нашей земной жизни будет иметь посмертные последствия для нашей души. Страшный и окончательный выбор — спасти свою душу (то есть идти после смерти к добру, к Богу, в рай...) или погубить ее (то есть пойти ко злу, в ад...) — мы совершаем здесь и сейчас, в нашей земной жизни, в каждый ее момент. Возлюбившие зло, а не добро, сами уготовали себе вечные мучения в жизни вечной. Это их выбор!

Итак: начатое здесь будет продолжено там. Нас ждут ответственность и возмездие за совершенное во время земной жизни. Однако стать на правильную дорогу — покаяться в грехах и получить прощение от Бога, никогда не поздно. Об этом говорит евангельское повествование о разбойнике, распятом рядом со Христом: искреннее покаяние непосредственно перед самой смертью спасло его душу — принесло ему прощение грехов и вечную жизнь со Христом в раю. Но медлить с покаянием нельзя, времени на него может и не остаться! Кроме того, оттягивая покаяние, мы все глубже погружаемся в трясину грехов, из которой нам все труднее будет выбираться. Нельзя медлить!

«ПЕЧАТЬ» ПЕРВОРОДНОГО ГРЕХА

Очень часто атеисты (те, кто отрицает существование Бога) и агностики (те, кто считает, что мы в принципе ничего не можем ни утверждать, ни отрицать относительно Бога) говорят, что существеннейшим отличием научных теорий от христианского вероучения является то, что научные доктрины проверяемы опытом, а важнейшие библейские истины, например творение мира Богом, грехопадение первых людей, воскресение Иисуса Христа, не подлежат научной, опытной проверке. Впрочем, иногда они склонны делать исключение, но лишь относительно некоторых исторических фактов, которые получили свое отражение в Библии. Например, они вполне могут сказать, что Содом и Гоморра действительно существовали и были разрушены «природным» катаклизмом, потому что на дне Мертвого моря были обнаружены развалины этих городов. Но ни атеисты, ни агностики ни в коем случае не согласятся с тем, что причиной их разрушения был гнев Божий, который покарал жителей Содома и Гоморры за их преступное развратное поведение. Они могут даже согласиться с тем, что, скорее всего, существовал человек Иисус, но Он никак не мог воскреснуть, ибо воскресение невозможно с точки зрения науки. Мнение о том, что Иисус воскрес, с их точки зрения, — не более чем миф.

Библейская доктрина первородного греха, основанная на повествовании Библии о грехопадении первых людей, — тоже не более чем миф, который невозможно проверить научно. На этом примере я постараюсь доказать, что некоторые из важнейших христианских доктрин вполне могут быть проверены научными методами.

Как проверяются научные теории? Какими методами ученые устанавливают, что та или иная теория применима к реальной действительности? Обычно они это делают путем логического выведения из рассматриваемой теории тех или иных фактов реальной действительности. Этот путь называется объяснением и предсказанием фактов действительности.

В случае объяснения мы логически выводим из рассматриваемой (проверяемой) теории уже известные факты. А в случае предсказания мы выводим еще неизвестные факты. Если теория выдерживает подобную проверку, то ученые говорят, что данная теория отображает реальную действительность, то есть излагает некоторую истину о мире. Так, например, классическая механика Ньютона, которую все мы изучали в школе, считается проверенной (то есть истинной) научной теорией, поскольку она хорошо объясняет и предсказывает видимые движения тел в окружающем нас мире, с ее помощью мы можем с большой степенью точности вычислять изменения местоположений тел в пространстве с течением времени.

Общая логическая схема объяснений и предсказаний, на основе которой мы признаем, что та или иная теория действительно истинна, такова: мы предполагаем, что данная теория отображает действительность. В этом случае из нее должны логически следовать определенные факты. Далее мы ставим какие-то эксперименты, осуществляем те или иные наблюдения. В результате убеждаемся в том, что из проверяемой теории следуют уже известные факты, или в том, что из нее следуют доселе неизвестные факты. Затем делаем вывод, что наша теория успешно прошла опытную проверку, то есть ее претензии на истинность вполне обоснованы.

Таким же образом обстоит дело с библейской доктриной первородного греха. Это утверждение говорит нам, что человек, который в прошлом добровольно отпал от Бога, должен обнаруживать в своей жизни постоянную и едва ли преодолимую собственными силами (то есть без помощи Божьей благодати) тягу ко греху. И это действительно так. Все мы, говоря несколько архаичным стилем, удобосклонны ко греху. Другими словами, если верна библейская доктрина первородного греха, то все мы должны быть удобосклонны ко греху; но все мы, действительно, удобосклонны ко

греху; следовательно, библейская доктрина первородного греха подтверждается на опыте!

Все мы удобосклонны ко греху в нашем прошлом, в настоящем и, к сожалению, в будущем, вплоть до нашего смертного часа. И сугубо собственными силами, то есть без помощи Божьей благодати, нам не выбраться из засасывающей нас трясины греха!

Мы буквально каждодневно убеждаемся в справедливости доктрины первородного греха. Лишь люди, ослепленные грехом, могут этого не видеть! Сама эта ослепленность, на мой взгляд, является подтверждением доктрины первородного греха!

Опытное подтверждение доктрины первородного греха, на мой взгляд, не менее надежно и убедительно, чем подтверждение любой фундаментальной физической теории — механики ли Ньютона или релятивистской механики, то есть теории относительности Эйнштейна.

Ярчайшее подтверждение тому находим в признаниях апостола Павла, который в Послании к римлянам слезно сокрушается о конфликте между своим духом и плотью: «...не понимаю, что делаю: потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю. Если же делаю то, чего не хочу, то соглашаюсь с законом, что он добр, а потому уже не я делаю то, но живущий во мне грех. Ибо знаю, что не живет во мне, то есть в плоти моей, доброе; потому что желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу. Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. Если же делаю то, чего не хочу, уже не я делаю то, но живущий во мне грех. Итак я нахожу закон, что, когда хочу делать доброе, прилежит мне злое. Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божиим; но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих (Рим. 7:15-24).

Я убежден, что все сказанное апостолом есть истина от первого и до последнего слова. Подозреваю, что не только я, но и вы, дорогие читатели, обнаружите свою удобосклонность ко греху, по меньшей мере ко греху в своих мыслях и замыслах, то есть удобосклонность, по крайней мере, к мысленному греху. Наша душа несет на себе четко выраженный отпечаток печати первородного греха — греха наших прародителей, то есть нами же в нашем прошлом совершенного греха, ибо все мы согрешили во Адаме и Еве.

«ПОДПОЛЬЕ» НАШЕЙ ДУШИ КАК «ПЕЧАТЬ» ПЕРВОРОДНОГО ГРЕХА

Продолжим тему, начатую в предыдущем очерке и выясним, представляет ли психология свидетельства в пользу библейской доктрины первородного греха. Попробуем также разобраться в психологии бессознательного, то есть в неосознаваемом содержании нашей психики.

Издавна люди были знакомы с гипнозом, то есть с так называемым внушением сном. Но лишь во второй половине XIX в. ученые стали искать возможности использования гипноза в лечебных целях, в частности для лечения душевных недугов. Особую известность в этом отношении приобрели два центра во Франции — один в Париже, под руководством известного психиатра Жана, а другой в Нанси, под руководством Бернгейма. Эти центры соперничали между собой, и каждый стремился щегольнуть перед посетителями эффектным экспериментом. Однажды доктор Бернгейм внушил испытуемому, что, после того как будет выведен из состояния гипнотического транса, то есть из состояния внушенного сна, он должен будет взять зонтик одного из гостей, открыть его и пройтись дважды вперед и назад по веранде. Когда человек проснулся, он, действительно, взял зонтик, как ему внушили, и хотя он его не открыл, но вышел из комнаты, дважды прошелся вперед и назад по веранде, после чего вернулся в комнату. Когда его попросили объяснить свое странное

поведение, он ответил, что дышал воздухом. Причем упорно настаивал, что имеет привычку иногда так прогуливаться. Когда же его спросили, почему у него чужой зонтик, он пришел в замешательство и поспешно возвратил предмет на вешалку. Подобные факты, то есть выполнение человеком инструкций, которые он получил во время гипнотического сна, получили название послегипнотического внушения.

Факты послегипнотического внушения были давно известны специалистам, но для молодого венского врача Зигмунда Фрейда, который наблюдал это явление во время своего визита в Нанси в 1899 г., подобные факты послужили толчком для открытия, совершившего переворот в психологии. Фрейд поразило именно тот факт, что человек что-то делал по причине, которая была ему неизвестна, но впоследствии придумывал более или менее правдоподобные объяснения своим поступкам.

Человек с зонтиком пытался объяснить свое странное поведение вполне разумными соображениями и говорил вполне искренне. Не так ли и другие люди находят причины или то, что они выдают за причины своих действий? Таким вопросом задался Фрейд.

Давно замечено, что объяснения, которые люди дают своим поступкам, далеко не всегда заслуживают доверия. Другими словами, люди в своем поведении зачастую руководствуются психологическими импульсами, которые они сами не осознают. Но только Фрейд сделал это наблюдение краеугольным камнем теории человеческого поведения. Именно ему психология обязана открытием и систематическим описанием огромности континента неосознаваемого психического, то есть «ночной», или, по крайней мере, «сумеречной» части нашей психической жизни, той ее части, которая недоступна для прямого и ясного («дневного») взгляда нашего сознания.

В ходе изучения неосознаваемого содержания нашей психики Фрейд пришел к выводу, что в этой сфере содержится очень много темного и злого, в частности агрессивные (разрушительные и саморазрушительные) побуждения нашей психики. По существу он, как ученый, систематически исследовал то, что задолго до него Ф.М.Достоевский в яркой художественной форме описал как «подполье» человеческой души в повести «Записки из подполья».

Герой, или, лучше сказать, антигерой, этой повести, который сам себя называет «подпольным человеком», рассуждая сам с собой, излагает, в частности, такие соображения: «Скажите, кто это первый объявил, кто первый провозгласил, что человек потому только делает пакости, что не знает настоящих своих интересов; а что если б его просветить, открыть ему глаза на его настоящие, нормальные интересы, то человек тотчас же стал бы добрым и благородным, потому что, будучи просвещенным и понимая настоящие свои выгоды, именно увидел бы в добре собственную свою выгоду, а известно, что ни один человек не может действовать зазнамо против собственных выгод... Что же делать с миллионами фактов, — продолжает «подпольный человек», — которые свидетельствуют о том, как люди зазнамо, то есть вполне понимая свои настоящие выгоды, отставляли их на второй план и бросались на другую дорогу, на риск, на авось, никем и ничем не принуждаемые к тому... Янисколько не удивлюсь, если вдруг ни с того ни сего среди всеобщего будущего благоразумия возникнет какой-нибудь джентльмен с насмешливой физиономией, упрет руки в боки и скажет всем нам: а что, господа, не столкнуть ли нам все это благоразумие с одного разу, ногой, прахом, единственно с тою целью, чтоб все эти логарифмы отправились к черту и чтоб нам опять по своей глупой воле пожить! Это бы еще ничего, но обидно то, что ведь непременно последователей найдет: так человек устроен».

По существу Достоевский в данном случае устами своего антигероя рассказывает о механизме действия «подполья» нашей души. Действие этого механизма направлено ко злу — имеет своей целью разрушение. Что в данном случае проявляется в действиях нашей души? Думаю, что для христианина ответ на этот вопрос совершенно ясен, в

данном случае проявляется принципиальная поврежденность нашей души катастрофой первородного греха.

Кстати сказать, примерно за полторы тысячи лет до появления современной научной психологии и психиатрии о нашей поврежденности знали и проникновенно говорили христиане, особенно монахи-аскеты («отцы пустынники»), письменные труды которых собраны Феофаном Затворником в пятитомном «Добротолюбии». Причем анализ «подполья» нашей души, который содержится в этих трудах, гораздо более глубок и содержателен, чем в трудах Фрейда и других психологов. Отцы-аскеты не ограничились анализом только нашего духовного «подполья», они детально разработали методику рассеивания его злой тьмы, методику освещения и просвещения темных глубин нашего духа светом Христовым: «Свет Христов просвещает всех!».

Я убежден, что одним из перспективнейших путей разработки современной научной психологии и психиатрии в их поисках средств исцеления душевных и духовных недугов людей могло бы стать обращение к бесценным трудам отцов-аскетов.

НАБЛЮДАЕМА ЛИ ДУША?

В одном из писем радиослушателей задается, на мой взгляд, очень, интересный вопрос: «Не обстоит ли дело с нашей душой и примерно так же, как с элементарными частицами? Можно ли о душе делать выводы по той же схеме рассуждений, по которой физики делают выводы об элементарных частицах? В физике о некотором микрообъекте говорят, что он является такой-то определенной элементарной, например, альфа-частицей, если данный микрообъект ведет себя именно так, как ведет себя эта самая элементарная частица».

Кратко на этот вопрос я бы ответил так: «Да, можно в определенном смысле». Но этот вопрос заслуживает более подробного ответа, более подробных рассуждений, которые должны в какой-то степени раскрыть тот самый «определенный смысл».

Сначала немного расскажу об элементарных частицах и о том, как они себя ведут.

Элементарные частицы — это мельчайшие «первокирпичики» материи, которые не подлежат прямому наблюдению, то есть мы не можем непосредственно (прямо) видеть их, как например людей или деревья. Элементарные частицы подлежат лишь косвенному, непрямому наблюдению. Иначе говоря, мы можем прямо наблюдать не эти частицы, а лишь следы их взаимодействия с физическими приборами, точнее, следы их взаимодействия с элементарными частицами, из которых состоит прибор. Эти следы могут выступать, например, в форме штрихов на приборных экранах. По этим следам ученые-физики делают выводы: если данная частица ведет себя как микрообъект определенного типа, значит, она относится к данному типу микрообъектов.

Таким же образом, если некоторое существо ведет себя как одушевленное, то мы имеем право заключить, что перед нами существо, которое имеет душу.

Мы также должны были бы сказать, что если некий объект ведет себя как мыслящее существо, то можно заключить, что перед нами действительно существо, которое мыслит. (Вопрос о мыслящем существе — это частный случай вопроса об одушевленном существе.)

В этой связи я вспоминаю популярную книгу выдающегося английского математика Алана Тьюринга, которая называется «Может ли машина мыслить?». Тьюринг был одним из создателей теории алгоритмов — одной из важнейших теорий, на основе которых были разработаны принципы действия компьютеров. По существу теория алгоритмов — это теория вычислительных процедур. Примером простейшей вычислительной процедуры, простейшего алгоритма является всем нам хорошо известная процедура сложения многозначных чисел «в столбик».

Теория алгоритмов описывает вычислительные процедуры как таковые — от простейших до сложнейших. Существуют различные варианты этой теории. Один из первых вариантов был предложен именно Тьюрингом. Популяризации этого варианта теории алгоритмов и посвящена книга Тьюринга. В ней автор описывает такой гипотетический, мысленный эксперимент.

Предположим, вы находитесь в некоей комнате. А в соседней комнате, которая отделена от вашей глухой стеной, находится «нечто» — то ли человек, то ли достаточно «умная» вычислительная машина. Вы можете с этим «нечто» разговаривать, обмениваться репликами, скажем, по телеграфу, можете задавать ему вопросы и получать на них ответы. Цель эксперимента — выяснить, может ли человек придумать (сформулировать) такие вопросы, чтобы по ответам на них можно было бы точно установить, кто собеседник — человек или машина. Тьюринг приходит к выводу, что таких вопросов, таких тестов в принципе не существует и не может существовать. Тут есть над чем призадуматься!

Получается, что если машина ведет себя как мыслящее существо, то мы должны считать ее мыслящим существом. По ассоциации я вспоминаю в какой-то степени юмористическую историю, которую в свое время рассказал в одной из телепередач наш выдающийся историк Лев Николаевич Гумилев.

Его отец и мать, как известно, — выдающиеся русские поэты — Николай Гумилев, расстрелянный большевиками в 1921 г., и Анна Ахматова, которая также не избежала преследований со стороны советской власти, хотя и в меньшей степени — все же не была расстреляна. А Лев Николаевич при Сталине, который в свое время изрек, что «сын за отца не отвечает», по обычаю того времени, несколько раз арестовывался именно «за родителей». Рассказанная им история такова:

«В нашем лагере, сидело много китайцев. Они, естественно, организовали свою общину и старались жить по правилам обыденной китайской жизни, насколько это возможно в концлагере. И вот однажды пришел ко мне один из руководителей китайской общины:

— Хочу посоветоваться с тобой.

— А по какому поводу?

— А вот по какому, ты знаешь такого-то... (скажем, Линь Бянь) ? (А надо сказать, что этот Линь Бянь до того, как попасть в лагерь, очень долго жил среди русских.)

— Знаю, — отвечает Гумилев, — а в чем проблема?

— Проблема в том, — говорит китаец, — что Линь Бянь — вроде бы по всему китаец — и лицо китайское, и родители его китайцы, и говорить по-китайски умеет. Но ведет он себя не как китаец, а как ваши, как русские. И вот мы задумались: китаец он или русский?

— Ну, и к какому же мнению вы склоняетесь? — спрашивает Гумилев.

— Мы склоняемся к тому, что он все-таки — русский. А ты что думаешь?

— И я тоже думаю, что он — русский: раз ведет себя по-русски, значит, русский, — сказал Лев Николаевич.

Итак, если некий человек ведет себя как русский, значит, он, действительно, русский человек; если некоторая элементарная частица ведет себя как, скажем, нуклон (есть такие элементарные частицы), значит, она, действительно, является нуклоном; и наконец, если некое существо ведет себя как одушевленное существо, то оно, действительно, одушевлено. Получается вроде бы так.

СМЫСЛ ЖИЗНИ

Виталий, один из героев романа «Вечер у Клэр», созданного Г.И.Газдановым, русским писателем, жившим за рубежом, обращаясь к другому персонажу, говорит: «У меня был товарищ, который спрашивал меня о смысле жизни... — перед тем как

застрелиться... Он был тогда студентом, а я был юнкером. Он все спрашивал: зачем нужна такая ужасная бессмысленность существования, это сознание того, что если я умру стариком и, умирая, буду отвратителен всем, то это хорошо — к чему это? Зачем до этого доживать? Ведь от смерти мы не уйдем, Виталий, ты понимаешь? Спасенья нет... Зачем, — продолжал он, — становиться инженером, или адвокатом, или писателем, или офицером, зачем такие унижения, такой стыд, такая подлость и трусость? Я говорил ему тогда, что есть возможность существования вне таких вопросов: живи, ешь бифштексы, целуй любовниц, грусти об изменах женщин и будь счастлив. И пусть Бог хранит тебя от мысли о том, зачем ты все это делаешь. Но он не поверил мне, он застрелился. Теперь ты спрашиваешь меня о смысле жизни. Я ничего не могу тебе ответить. Я не знаю».

Задавая вопрос о смысле жизни, мы обычно спрашиваем вот о чем: существует ли нечто ценное, ради чего стоит жить? Существует ли цель, к которой стоит стремиться и которая оправдывает нашу жизнь, ее муки и унижения?..

Многие из нас в некоторые периоды своей жизни, особенно на переходе из отрочества в юность, задаются тревожным, мучительным вопросом: а зачем все это?! В чем смысл моей жизни, смысл, не объяснимый самой жизнью, а наоборот, объясняющий ее, указывающий на то или иное направление к некоей высшей цели, цели, выводящей за пределы микроскопически малого отрезка земного существования? Подобные вопросы мучили, мучают и будут мучить людей. Человек — это существо, взыскующее смысла жизни.

Очень часто люди стремятся увидеть смысл своей жизни в самой жизни — живи ради жизни и не слишком задумывайся! Именно такой совет дает своему товарищу Виталий в цитированном мною отрывке из романа Газданова. Но, как мы слышали, этот совет не предотвратил самоубийства.

Одним из лучших защитников «просто жизни» был выдающийся русский литератор и мыслитель Василий Васильевич Розанов, который в одном из своих сочинений писал: «Живи каждый день так, как бы ты жил всю жизнь именно для этого дня».

И еще о том же самом, но в несколько ерническом, шутовском духе:

«Народы, хотите ли, я вам скажу громовую истину, Какой вам не говорил ни один из пророков?..

— Ну? Ну?..

— Это — что частная жизнь выше всего.

— Хе-хе-хе!.. Ха-ха-ха...

— Да, да! Никто этого не говорил; я — первый... Просто сидеть дома и хотя бы ковырять в носу и смотреть на закат солнца...

— Ей-ей: это — общее религии... Все религии пройдут, а это останется: просто сидеть на стуле и смотреть вдаль».

И что же, удержался ли Василий Васильевич на этом «бодряческом» уровне? Нет, не удержался и стал писать по другому:

«Вот и прошла жизнь... Остались немногие хмурые годы, старые, тоскливые, ненужные...

Как все становится ненужно. Это главное ощущение старости. Особенно — вещи, предметы: одежда, мебель, обстановка.

Каков же итог жизни?

Ужасно мало смысла. Жил, когда-то радовался: вот главное. «Что вышло?» Ничего особенного. И особенно как-то ненужно, чтобы что-нибудь «вышло». Безвестность — почти самое желаемое».

И последнее из Розанова о том же самом, но в более образной форме:

Родила червяшка червяшку.

Червяшка поползала.

Потом умерла.

Вот наша жизнь.

Вот так: опьянение «жизнью ради жизни» имеет своим итогом унылое, мучительное похмелье...

Жизнь, не отягощенная мучительными раздумьями о ее смысле, по видимости, многих вполне устраивает. Многих, но далеко не всех!

Впрочем, у нас есть серьезные основания подозревать, что стремление осмыслить свою жизнь лежит, если не на «поверхности» душевной жизни, то на «дне души» каждого человека, в том числе и тех людей, которые бравировано подчеркивают отрицательным отношением к философским раздумьям о смысле жизни.

Выдающийся современный австрийский психиатр и философ Виктор Франкл убедительно показал в своих работах, что *борьба за смысл жизни — это основная движущая сила для человека.*

Есть наисерьезнейшие основания для мнения, что поиск человеком смысла жизни является выражением самого существенного, сокровенного в нем. Возможна даже такая ситуация: некий далеко не глупый человек «понял», что в принципе он ничем особенным не отличается от камня, поэтому никакого ни специфически человеческого, ни какого бы то ни было другого смысла в жизни (и в смерти) нет: соответственно, нет никакого смысла в жертвенности, например, в том, чтобы жертвовать своей жизнью ради спасения другого человека. Когда же этот человек оказывается в ситуации, в которой он, подвергая смертельной опасности жизнь, может спасти жизнь другому человеку, он, ни секунды не раздумывая и даже не вспоминая о своей эгоистической, материалистической философии, бросается спасать другого человека и гибнет, смертью свою утверждая то, что он отрицал «с философской точки зрения», утверждая смысл жизни. Разум предполагает, а сердце человеческое располагает!.. Именно о такой ситуации повествуется в гениальном и в высшей степени психологически убедительном рассказе Виктора Гюго «Неверующий».

Стремление к осмысленности жизни — это не что иное, как стремление к своей максимальной значимости в хорошем «смысле». Человек, понимающий смысл своей жизни, имеет основание для самоуважения, достойное его как человека. А что может быть важнее для Нас?! Кроме того, осмысленность нашей жизни дает нам огромный заряд жизнестойкости. Как совершенно справедливо говорил Фридрих Ницше, «тот, кто имеет зачем жить, может вынести любое как».

Уверенность в существовании смысла жизни и обретение его помогают человеку справляться с любыми трудностями. Так было и с нашим великим современником и соотечественником Александром Исаевичем Солженицыным, который в сталинском концентрационном лагере стал христианином и там же осознал, обнаружил смысл своего существования: заниматься писательским трудом в лагере, в казалось бы абсолютно «неприспособленных» для подобных занятий условиях. Он пишет об этом в «Архипелаге ГУЛАГ» так:

«В начале своего лагерного пути я очень хотел уйти с общих работ, но не умел. Приехав в Экибастуз на шестом году заключения, я, напротив, задался сразу очистить ум от разных лагерных предположений, связей и комбинаций, которые не дают ему заняться ничем более глубоким. И я поэтому не влачил временного существования чернорабочего, как поневоле делают образованные люди, все ожидающие удачи и ухода в придурки, — но здесь, на каторге, решил получить ручную специальность.... Такая специальность подвернулась — каменщиком. А при повороте судьбы я еще побывал и литейщиком.

Сперва были робость и колебания: верно ли? выдержу ли? Неприспособленным головным существам, нам ведь и на равной работе трудней, чем однобригадникам. Но именно с того дня, когда я сознательно опустился на дно и ощутил его прочно под ногами — это общее, твердое, кремнистое дно, начались самые важные годы моей

жизни, придавшие окончательные черты характеру. Теперь как бы уже ни изменилась вверх и вниз моя жизнь, я верен взглядам и привычкам, выработанным там.

А очищенная от мути голова мне нужна была для того, что я уже два года как писал поэму. Очень она вознаграждала меня, помогая не замечать, что делали с моим телом. Иногда в понуренной колонне, под крики автоматчиков, я испытывал такой напор строк и образов, будто несло меня над колонной по воздуху, — скорей туда, на объект, где-нибудь в уголке записать. В такие минуты я был и свободен, и счастлив».

У каждого из нас есть свое собственное призвание, своя миссия в жизни. Именно об этом говорит евангельская притча о талантах. Поэтому Франкл пишет, что мы не «выбираем» смысл нашей жизни, а скорее *обнаруживаем* его: у каждого человека есть свой талант (или таланты) — дарование, раскрытием и разработкой которого он должен послужить Богу и людям...

Франкл убедительно показывает, что обнаруживается смысл жизни тремя основными путями:

- 1) свершением Дела;
- 2) переживанием ценностей;
- 3) страданием.

Первый путь — это путь подвига, путь самоотверженного творческого труда. Второй же путь является путем уразумения смысла жизни в ходе философских и Религиозных поисков человека. И наконец, третий путь — есть путь принятия неизбежности страдания (вели оно действительно неизбежно). Убежден, что все Три пути, в конечном счете, сходятся в одну дорогу — дорогу ко Христу. Лишь на этом царственном пути мы обретаем подлинный, наиболее высокий смысл жизни!

Возможно, небольшого дополнительного комментария требует путь страдания. Франкл утверждает, что страдание каким-то таинственным образом перестает быть страданием, когда обнаруживается его смысл. Поэтому принятие неизбежности страдания означает обретение смысла жизни. Идеальное выражение понимать смысла жизни в принятии, казалось бы, совершенно «бессмысленного» страдания мы находим в замечательном рассказе Ивана Сергеевича Тургенева «Живые мощи». Его героиня — простая русская крестьянка Лукерья, медленно угасает от «случайно» полученного при падении с крыльца таинственного заболевания. Она не только безропотно похристиански Переносит эту, так сказать, «кару ни за что», но, напротив, обнаруживает в своем страдании некий высший смысл, который она выражает такими словами: «Послал мне Бог крест- значит, Он меня любит. Так нам велено это понимать».

Приведу обширные выдержки из этого рассказа, потому что лучше, чем автор, не скажешь.

Рассказчик обнаруживает уже высохшую от болезни Лукерью во время своих охотничьих странствий. Она лежит в сарайчике на задворках отдаленного от других селений хутора. Он спрашивает у Лукерьи, как началась ее болезнь.

« — Про беду-то мою рассказать? — говорит Лукерья. — случилось это со мной уже давно, лет шесть или семь. Меня тогда только что помолвили за Василья Полякова... Очень мы с Василием слюбились; из головы он у меня не выходил; а дело было весною. Вот раз ночью... уж и до зари недалеко... а мне не спится: соловей в саду таково удивительно поет сладко!.. Не вытерпела я, встала и вышла на крыльцо его послушать. Заливается он, заливается... и вдруг мне почудилось: зовет меня кто-то Васиным голосом, тихо так: "Луша!". Я глядь в сторону, да, знать, спросонья оступилась, так прямо с рундучка и полетела вниз — да о землю хлоп! И, кажись, не сильно я расшиблась, потому — скоро поднялась и к себе в комнату вернулась. Только словно у меня что внутри — в утробе — порвалось...

— С самого того случая, — продолжала Лукерья, — стала я сохнуть, чахнуть; чернота на меня нашла; трудно мне стало ходить, а там уже — и полно ногами владеть; ни стоять, ни сидеть не могу; все бы лежала. И ни пить, ни есть не хочется: все хуже да

хуже. Матушка ваша по доброте своей и лекарям меня показывала, и в больницу посылала. Однако облегченья мне никакого не вышло... Совсем я окостенела под конец... Вот и порешили господа, что лечить меня больше нечего, а в барском доме держать калек неспособно... ну и переслали меня сюда — потому тут у меня родственники есть...

— Кто же за тобой ходит? Присматривает кто?

— А добрые люди здесь есть тоже. Меня не оставляют. Да и ходьбы за мной немного....

— И не скучно, не жутко тебе?

— А что будешь делать? Лгать не хочу — сперва очень томно было; а потом привыкла, обтерпелась — ничего; иным еще хуже бывает;

— Это каким же образом?

— А у иного и пристанища нет! А иной — слепой или глухой! А я, слава Богу, вижу прекрасно и все слышу... Нет, что Бога гневить? — многим хуже моего бывает. Хоть бы то взять: *иной здоровый человек очень легко согрешить может; а от меня сам грех отошел*. Намеднись отец Алексей, священник, стал меня причащать, да и говорит: "Тебя, мол, исповедовать нечего: разве ты в Твоем состоянии согрешить можешь?" Но я ему ответила: "А мысленный грех, батюшка?" — "Ну, — говорит, а сам смеется, — это грех не великий".

— Да я, должно быть, и этим самым, мысленным грехом не больно грешна, — продолжала Лукерья, — потому я так себя приучила: не думать, а пуще того — не вспоминать. Время скорей проходит.

Я, признаюсь, удивился (пишет автор. — В.К.).

— Ты все одна да одна, Лукерья; как же ты можешь помешать, чтобы мысли тебе в голову не шли? Или ты все спишь? — продолжает он ее расспрашивать.

— Ой, нет, барин! Спать-то я не всегда могу... Нет... а Гак лежу я себе, лежу-полеживаю — и не думаю; чую, что жива, дышу — и вся я тут. Смотрю, слушаю. Пчелы на пасеке жужжат да гудят; голубь на крышу сядет и заворкует; курочка-наседочка зайдет с цыплятами крошек поклевать; а то воробей залетит или бабочка — мне очень приятно... Ну, зимою, конечно, мне хуже: потому — темно; свечку зажечь жалко, да и к чему? Книг здесь нет никаких, да хоть бы и были, как я буду держать ее, книгу-то?... Однако хоть и темно, а все слушать есть что: сверчок затрещит али мышь где скрестись станет...

— А то я молитвы читаю, — продолжала, отдохнув namного Лукерья. — Только немного я знаю их, этих самых молитв. Да и на что я стану Господу Богу наскучать О чем я Его просить могу? Он лучше меня знает, чего мне надобно. Послал Он мне крест — значит, меня Он любит. Так нам велено это понимать».

Рассказчик предлагает свою помощь — перевести в больницу, обеспечить лучший уход... Лукерья отказывается.

«— Ну, как хочешь, Лукерья. — говорит он. — Я ведь для твоей же пользы полагал...

— Знаю, барин, что для моей пользы. Да, барин, милый, кто другому помочь может? Кто ему в душу войдет? Сам себе человек помогай! Вы вот не поверите — а лежу я иногда так-то одна... и словно никого в целом свете, кроме меня, нету. Только одна я — живая! И чудится мне, будто что меня осенит... Возьмет меня размышление — даже удивительно.

— О чем же ты тогда размышляешь, Лукерья?

— Этого, барин, тоже никак нельзя сказать: не растолкуешь. Да и забывается оно потом. Придет, словно как тучка, прольется, свежо так, хорошо станет, а что такое было — не поймешь! Только думается мне: будь около меня люди — ничего бы этого не было, и ничего бы я не чувствовала, окромя своего несчастья...

— Вот вы, барин, спрашивали меня, — заговорила опять Лукерья, — сплю ли я? Сплю я, точно, редко, но всякий раз сны вижу, — хорошие сны! Никогда я боль ной себя не вижу: такая я всегда во сне здоровая да молодая... Раз мне какой чудный сон приснился! Хотите, расскажу вам?.. Ну, слушайте. Вижу я, будто стою я и поле, а кругом рожь, такая высокая, спелая, как золотая!.. И будто со мной собачка рыженькая, злющая пре злющая — все укусить меня хочет. И будто в руках у меня серп, и не простой серп, а самый как есть месяц, вот когда он на серп похож бывает. И этим самым месяцем должна я эту самую рожь сжать дочи́ста. Только очень меня от жары растомило, и месяц меня слепит, и лень на меня нашла; а кругом васильки растут, да такие крупные! И все ко мне головками повернулись. И думаю я: нарву я этих васильков; Вася прийти обещался — так вот я себе веноч сперва совью; жать-то я еще успею. Начинаю я рвать васильки, а они у меня промеж пальцев тают да тают, хоть ты что! И не могу я себе веноч свить. А между тем я слышу — кто-то уж идет ко мне, близко таково, и зовет: Луша! Луша!.. Ай, думаю, беда — не успела! Все равно, надену я себе на голову пот месяц заместо васильков. Надеваю я месяц, ровно Как кокошник, и так сама сейчас вся засияла, все поле кругом осветила. Глядь — по самым верхушкам колосьев катит ко мне скорехонько — только не Вася, а сам Христос! — и ручку мне протягивает. "Не бойся, говорит, невеста моя разубранная, ступай за Мною; ты у меня в Царстве Небесном хоробыды водить будешь и Песни играть райские". И я к Его ручке как прильну! Собачка моя сейчас меня за ноги... но тут мы взвились! Он Впереди... — и я за Ним! И собачка должна отстать от меня. Тут только я поняла, что эта собачка — болезнь моя и что в Царстве Небесном ей уж места не будет...» Очень символический сон.

Очень глубокий, содержательный, христианский рассказ, написанный, сколь бы это ни показалось удивительным, скептиком-малове́ром, ибо таковым, к сожалению, был Иван Сергеевич Тургенев. Но «Дух дышит, где хочет». Убежден, что именно Он, Дух Божий, водил рукою писателя, оставившего нам правдивое свидетельство о святой страдальческой жизни. Героиня рассказа — не философ, не богослов, но она жизнью своею поняла, осмыслила и, главное, пережила Истину о христианском восприятии и перенесении страдания. Поняла — и глубоким сердцем осмыслила ее на основе переживания.

ХРИСТИАНСКОЕ ПОНИМАНИЕ СМЫСЛА ЖИЗНИ: КАТОЛИЧЕСКИЙ, ПРАВОСЛАВНЫЙ И ПРОТЕСТАНТСКИЙ ПОДХОДЫ

Смысл жизни — это высшая ценность, которую мы пытаемся обрести в нашей жизни, это цель, к которой мы стремимся. Для христианина высшей целью и ценностью является Сам Иисус Христос. Другими словами, смыслом жизни христианина является стремление к жизни во Христе и обретение этой жизни — жизни, о которой апостол Павел сказал: «И уже не я живу, но живет во мне Христос. А что ныне живу во плоти, то живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня» (Гал. 2:20).

Каким же образом обретается этот смысл жизни? Христиане различных конфессий, то есть вероисповеданий, давали различные рекомендации относительно этого пути. Не претендуя на полноту изложения, упомяну три характерных варианта рекомендаций:

первый вариант — католический; он принадлежит Фоме Кемпийскому;

второй вариант — православный — принадлежит святому Серафиму Саровскому; и, наконец, третий вариант — протестантский, принадлежащий Жану Кальвину.

Суть рекомендаций Фомы Кемпийского — католического монаха, жившего в XV в., можно выразить так: «Подражай Христу и презирай мир и всю суету его».

Святой Серафим Саровский — русский православный монах, современник Пушкина, в свою очередь, смысл жизни христианской высказал в таких словах: «Пост, молитва, бдение и всякие другие дела христианские, сколько ни хороши сами по себе, однако не в делании лишь только их состоит цель нашей жизни христианской, хотя они и служат средствами для достижения её. Истинная цель жизни нашей христианской — есть стяжание (то есть приобретение, добывание. — *В.К.*) Духа Святаго Божия. Пост же, бдение, молитва, милостыня и всякое Христа ради делаемое добро суть средства для стяжания Святаго Духа Божия... Лишь только ради Христа делаемое добро приносит нам плоды Духа Святаго, все же не ради Христа делаемое, хотя и доброе, мзды (то есть выгоды. — *В.К.*) в жизни будущего века нам не предоставляет, да и в здешней жизни благодати Божией не дает».

И, наконец, великий протестантский реформатор Жан Кальвин указывает на следующие «ориентиры» в мути ко Христу:

во-первых, направь всю силу своего разума на служение Богу;

во-вторых, терпеливо неси свой крест и страдания, как данные нам Богом;

В-третьих, отрешись от себя (хотя бы отчасти); точнее, отрешись от своего «узкого», эгоистического «я»;

и наконец, в-четвертых, добросовестно трудись.

Предельно кратко суть трех вариантов рекомендаций относительно пути обретения смысла христианской жизни можно выразить так:

первый вариант: подражай Христу;

второй: делай добрые дела ради Христа;

и третий: терпеливо неси свой крест и трудись, подчиняясь Богу.

Логических противоречий между этими тремя вариантами нет. Есть лишь различие акцентов, а именно: для первых двух вариантов, то есть для католического и православного, характерна большая мистичность (созерцательность); для последнего же — протестантскому - характерна большая практичность, ориентация на труд.

Еще одно замечание, с содержанием которого, думаю, согласятся и католики, и православные, и протестанты: необходимой предпосылкой (условием) нашего успешного движения к жизни во Христе являются: во-первых, любовь к Богу больше, чем к себе; и, во-вторых, любовь к ближнему, как к самому себе.

Господь наш Иисус Христос говорит: «По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград, или с репейника смоквы? Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые; а худое дерево приносит и плоды худые: не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые. Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь. Итак, по плодам их узнаете их», — повторяет и тем самым подчеркивает Господь. И продолжает: «Не всякий, говорящий Мне: "Господи! Господи!", войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного. Многие скажут Мне в тот день (Господь говорит о великом дне Страшного Суда. — *В.К.*): "Господи! Господи! Не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли! и не Твоим ли именем многие чудеса творили?" И тогда объявлю им: "Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие". Итак всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот; и он не упал, потому что основан был на камне. А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое» (Мф. 7: 16-27).

Так говорит Господь! Главное, чего Он ждет от нас, христиан — это жизни по Его заповедям, а не внешнего богопочитания и не «слов» к Нему и о Нем, то есть не

«обрядов» и не «богословия». Конечно, ни обряды, ни богословие не отменяются, но они — не главное. Главное для христиан — жить по Христу и во Христе!

Разнообразие цветов, растений, животных радует наш взор. Убежден, что подобным образом радуют Господа различные виды христианского служения, не противоречащие друг другу в понимании смысла христианской кой жизни.

Ну, а как все же оценивать богословские разногласия, которые, несомненно, существуют? А вот как: пусть будут! Но пусть они не становятся поводом для душегубительной вражды между христианами различных вероисповеданий, конфессий и деноминаций. «Ибо Надлежит быть и разномыслиям между вами, — говорит апостол Павел, — дабы открылись между вами искусные» (1 Кор. 11:19).

Что обычно является основанием богословских разногласий?

Основанием этих разногласий, споров и даже вражды, доходившей в прошлом до взаимоистребительных войн, является убежденность каждой из сторон, что только она знает истину, а прочие ее не знают. «Мы и только мы познали Бога (Иисуса Христа, Троицу и т. д.) Правильно, а вы — все прочие, находитесь во лжи, заблуждаетесь» — так, или примерно так, часто думают Представители различных конфессий. Говорить подобное — все равно что утверждать: «Мы прошли бесконечное расстояние, а вы нет!» Ясно, что это — в высшей степени самонадеянное утверждение, ибо шаг за шагом Пройти бесконечность нельзя. Более того, сколько бы "шагов" мы ни сделали на бесконечном пути познания Бога, перед нами будет лежать все та же бесконечность.

Когда представитель того или иного вероисповедание говорит: «Мы знаем истину!» — он очень часто говорит правду. Но когда он продолжает: «Истина есть лишь то, что я знаю как истину!» — он заблуждается, ибо в данном случае дело обстоит примерно так.

Представим себе сферу с бесконечным диаметром, а внутри — меньшие сферы с конечными диаметрами, причем некоторые из этих меньших сфер, возможно, пересекаются друг с другом. Ясно, что никогда ни одна из сфер с конечным диаметром не совпадет с бесконечной сферой, как бы ни увеличивался диаметр конечной сферы. Таким образом, никогда ни одна из богословских концепций не даст абсолютного, исчерпывающего познания Бога (Иисуса Христа, Троицы и т. д.).

Но как же избежать ненужных вероисповедных богословских «битв»? Для этого есть два возможных пути: первый — игнорировать, «не замечать» друг друга; и второй — стремиться понять друг друга. Убежден, что второй путь предпочтительнее, ибо, идя по нему, богословы различных вероисповеданий получают хорошую возможность для взаимообогащения, так как богословие каждого из вероисповеданий содержит в себе истины, которые наиболее глубоко продуманы лишь в рамках данного вероисповедания.

Понять ту или иную богословскую доктрину — это значит прежде всего реконструировать (восстановить, воспроизвести, продумать) вопросы, на которые она отвечает. Наряду с общими вопросами перед богословами различных вероисповеданий стояли и стоят особые, присущие только их вере вопросы. Различие вопросов порождает разнообразие ответов. Каждый из этих ответов может быть правильным на соответствующий вопрос.

Завершая, хочу сформулировать общий вывод в форме призыва к богословам различных вероисповеданий: будьте скромнее и терпимее в предъявлении «претензий» друг к другу при обсуждении богословских вопросов!.. Уместно также вспомнить завершение великопостной молитвы святого Ефрема Сирина: «Господи, дай мне видеть мои грехи и не осуждать брата моего...»

ДОБРО И ЗЛО

Эти понятия очень часто представляют собой некие стандарты, по которым мы оцениваем поступки и мотив поведения людей и других сознательных существ — духовных существ (ангелов, бесов). Понятие «добро» выражает положительную оценку, понятие «зло» — отрицательную. Мы говорим: «Этот поступок добр», имея в виду, что он правильный, положительный. Мы также говорим: «Этот поступок зол» и имеем при этом в виду, что он неправильный, предосудительный, отрицательный.

Кроме того, понятиями добра и зла мы обозначаем сами поступки, оцениваемые, соответственно, как добрые и злые. Именно это имел в виду «святой доктор» Федор Петрович Гааз (1780-1853), когда говорил: «Спешите делать добро». Именно об этом говорит наш Спаситель Иисус Христос словами: «По плодам их узнаете ИХ. Собирают ли с терновника виноград или с репейника смоквы? Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые: не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые» (Мф. 7:16-18).

И истории человечества, начиная с древних времен, прослеживается два противоположных варианта понимания добра и зла. Первый вариант — материалистический. Он ориентирован на преходящие, временные "ценности" материального, вещественного мира и связывает понятия о добре и зле с узко, «приземленно» понимаемыми человеческими материальными потребностями и интересами. С такой точки зрения добро — это вещественное богатство, приобретения, здоровье, теми пая красота... А зло — это материальные лишения, нищета, болезнь, телесная неказистость... Именно об этой позиции говорит наш Спаситель в притче: «У одного богатого человека был хороший урожай в поле; И он рассуждал сам с собою: что мне делать? Некуда мне собрать плодов моих. И сказал: вот что сделаю: сломаю житницы мои и построю большие, и соберу туда весь хлеб мой и все добро мое. И скажу душе моей: душа! Много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись. Но Бог сказал ему: безумный! В сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил? Так бывает с тем, кто собирает сокровища для себя, а не в Бога богатеет» (Лк. 12:16-21).

Второй же вариант понимания добра и зла — религиозный. Религиозное понимание ориентировано на непреходящие, высшие ценности — на Бога и Его заповеди. Религиозные учения о зле, как правило, тесно связаны с теми или иными представлениями о дьяволе, о сатане, о злой темной силе, враждующей с Богом — тщетно враждующей, ибо «Бог поругаем не бывает» (Гал 6:7).

Однако в рамках религиозных взглядов с древности и до настоящего времени существуют и такие представления, согласно которым злое начало («злой бог») борется с Добрым Началом (с «добрым Богом») как бы «на равных»...

Такова, например, манихейская доктрина, которая получила свое название по имени перса Мани, жившего в III в. Согласно этой доктрине, существуют два вечных начала — добро и зло. Они борются друг с другом в душе человека. Когда человек совершает злой поступок, то это — не что иное, как победа злого начала над добрым, а сам человек оказывается как бы ни при чем, Он, так сказать, представляет собой лишь «поле битвы». Таким образом, с человека снимается ответственность за его поступки.

Один из великих учителей христианства Августин Аврелий, живший в IV — V вв. по Р.Х., прежде чем стать осужденным христианином, долгое время был манихеем. Но в конце концов он отошел от этой доктрины, увидев ее ложность именно в том, что она снимает ответственность с человека. В этой связи он пишет, что, когда был манихеем, он «не считал себя грешником, и Ты, Всемогущий Боже, — обращается он к Богу, — вопреки Твоему всемогуществу, являлся как бы побежденным по мне... Моей гордости нравилось слагать вину с себя на что-то другое», то есть на злое начало.

Единственную твердую религиозную опору в представлениях о добре и зле дает лишь христианское учение, основанное на вере в Бога и абсолютность Его заповедей. Если этой веры нет, то логически неизбежны безнравственность, мнение, что любые

нравственные нормы «относительны», то есть то, что представляется добром или злом в одно время и одним людям, вполне Может и не быть таковым в другое время и для других модой. Подобная позиция называется релятивизмом в сфере нравственности, в области морали, в области учений о том, «что такое хорошо, и что такое плохо».

Характерным примером нравственного релятивизма является марксистско-ленинское понимание нравственности, о котором Ленин сказал такие слова: «Для Коммуниста нравственность это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, созидая новое общество коммунистов». Такое понимание нравственности предполагает зыбкий, условный подход к явлениям, которые подлежат нравственной оценке. Поэтому марксисты-ленинцы считают, например, что если заниматься вооруженным грабежом нехорошо (является злом), то «экспроприировать экспроприаторов», то есть «грабить награбленное», особенно если требуются деньги на партийные нужды, — дело хорошее (добро)...

Христиане же считают Божьи заповеди, определяющие что есть добро, а что — зло, абсолютными, твердыми, безусловными. Библия говорит о Божьих заповедях, в частности, такими словами: «И изрек Бог (к Моисею) все слова сии, говоря: ... Не убивай. Не прелюбодействуй. Не кради» (Исх. 1,13-15). Эти и другие заповеди тверды и абсолютны.

Добрая, добродетельная жизнь — это жизнь в соответствии с замыслом Бога о мире и человеке, жизнь в соответствии с Его заветами, жизнь, приближающая людей к Богу. Зло же — это все то, что удаляет нас от Бога, прежде всего — наши грехи.

Зло исходит не от Бога, а от сатанинских сил и от человека, употребляющего свободу своей воли во зло. А отнять свободу Бог у нас не может, поскольку она представляет собой Его высший дар своим творениям, наделенным разумом.

Уже упоминавшийся выше Августин Аврелий утверждал, что зло имеет всецело отрицательную природу, Зло — это всего лишь неполнота, несовершенство, недостаточность бытия, отрицание добра, а не какая-нибудь самостоятельная отрицательная сила во вселенной. Августин связывает понятие зла как отрицания добра, отклонение от него, извращение воли творений, связанной с произвольным отпадением сатанинских сил и человека от Бога, — с идеей нравственного беспорядка, нарушения божественной гармонии. Причем зло, в конечном счете, влечет за собой не только страдание того существа, по отношению к которому совершен злой поступок, но и возмездие тому существу, которое совершило злой поступок. Можно сказать, что возмездие, по замыслу Бога, «встроено» в механизм греха: грех содержит в себе самонаказание! Злой поступок, конечном счете, обязательно будет наказан: причиняющий страдания другим и сам будет страдать!

Философ Лейбниц, живший в XVIII в., пришел к выводу, что в мире существуют три вида зла, которые с необходимостью присущи миру, созданному Творцом.

Первый вид он назвал метафизическим злом. В данном случае под злом понимается подверженность тварей страданию, связанная с их конечностью в пространстве и времени, то есть с тем, что они занимают небольшие объемы пространства и живут недолго.

Второй вид зла Лейбниц назвал физическим злом. Мод ним он понимает страдание разумных существ, подвергающихся наказанию как воспитательному мероприятию.

И наконец, третий вид зла — зло в собственном смысле слова — Лейбниц назвал нравственным злом. Под ним он понимает грех, сознательное нарушение Божьих заповедей.

Очень часто атеисты, выражая сомнение в христианском объяснении зла, говорят: ладно, пусть часть происходящего в мире зла объяснима действиями людей и демонов, употребляющих Божий дар свободы их воли во зло. Возможно, бедствия,

происходящие с людьми, Могут быть «списаны» на наследуемый людьми первородный грех — «отцы вкусили запретный плод, а у потомком оскомины...».

"Но как вы оправдаете, — обращаются атеисты к христианам, — землетрясения, тайфуны и тому подобные бедствия, в которых гибнут и получают увечья невинные животные? Последние, кстати сказать, не обладают свободой воли, не совершили «первородного греха» — за что же они-то страдают?.. Огромное количество бедствий, происходящих с живыми существами, нельзя подвести ни под один из указанных Лейбницем видов зла, в том числе и под метафизическое зло: разнообразные животные, проживающие в определенной местности, достаточно страдают от своих немощей, связанных с их ограниченностью в пространстве и времени. За что же им посылаются дополнительные бессмысленные страдания и преждевременная, до исчерпания запаса их жизненных сил, гибель в результате, скажем, извержения находящегося поблизости от их местопребывания вулкана? За что?..»

На этот вопрос нужно ответить словами Бога, сказанными Им нашему первопредку Адаму после вкушения последним запретного плода. «...Проклята земля за тебя», — сказал Господь Адаму (Быт. 3:17). Эти слова указывают на то, что наш фундаментальный первородный грех (ибо все мы согрешили во Адаме) послужил началом катастрофической порчи вселенной. И не нужно удивляться, что в такой — пораженной нашим первородным грехом — вселенной возможны и случаются и тайфуны, и извержения вулканов, и многое другое, несущее увечья и гибель... «Вся тварь совокупно стенает и мучится донныне» (Рим. 8:22) по нашей вине!

ОБ АБСОЛЮТНОСТИ БОЖЬИХ ЗАПОВЕДЕЙ

Твердую опору нашим представлениям о добре и зло дает вера Богу — вера в абсолютность Его заповедей...

Для христианина Бог — это абсолютное Добро, давшее нам абсолютные заповеди. К этим заповедям относятся все заповеди, данные Богом Моисею, — от заповеди, гласящей, что мы должны поклоняться только Ему, до заповеди, которая гласит, что мы ни в коем случае не должны завидовать другим людям, ни в коем случае не должны желать для себя ни жены ближнего, ни его имущества. В Ветхом Завете содержатся и другие заповеди. И среди них — важнейшие, а именно две заповеди любви. Первая из них говорит, что мы должны возлюбить Господа, Бога нашего, всем сердцем нашим, всею душою нашею, всем разумением нашим и всею крепостью нашею. А вторая предписывает нам любить ближнего нашего, как самого себя. Эти заповеди были повторены в Евангелии Господа нашего Иисуса Христа.

Божьи заповеди должны быть абсолютны для нас. Они должны быть абсолютными правилами нашего поведения. Они должны быть абсолютными ориентирами для нас в этом мире. Мы не должны подвергать их ни малейшему сомнению. Малейшее сомнение, малейшее колебание в данном случае — уже грех и, как его следствие, возможность гибели души. Ибо грех отделяет Нас от Бога, а отделение от Него — погибель для нас.

Очень поучительна в этой связи история соблазнения Евы змеем-искусителем. Я цитирую: «Змей был хитрее всех зверей полевых, которых создал Господь Бог. И сказал змей жене: подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю? И сказала жена змею: плоды с дерев мы можем есть, только плодов дерева, которое среди рая, сказал Бог, не ешьте их и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть. И сказал змей жене: нет, не умрете, но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло. И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его и ела; и дала также мужу своему, и он ел. И открылись глаза у них

обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковые листья, и сделали себе опоясания» (Быт. 3:1-7).

Так произошло наше падение. Так мы свершили первородный грех, ибо Адам с Евой, наши прародители, живут в нас...

В какой момент свершился первородный грех? Это не такой простой вопрос, как можно подумать. Во всяком случае он свершился до начала поедания плодов. Он свершился в мысли, в душе, в колебании мысли наших прародителей.

Для внимательного читателя ясно, что история падения первых людей началась с готовности Евы вступить в беседу со змеем. Эта история — история нашего грехопадения — началась с *отклика* Евы на первый, самый невинный по видимости, но самый важный в деле искушения вопрос змея. История нашего грехопадения началась с готовности Евы «приступить к обсуждению» дьяволова вопроса, который, напоминая, был сформулирован так: «*подлинно ли* сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю?»

Дьявол действовал как опытный провокатор, а Ева, а затем и Адам поддались на провокацию. Как действуют провокаторы? Как действуют соблазнитель и растлители людей? Какой хорошо действующий даже в наше время прием они обычно применяют? С помощью какого приема молодого человека, например, приобщают к наркотикам? Прием этот очень прост — заинтересовать и, так сказать, «взять на слабо». Молодежь очень часто примерно так провоцируют на бунт против родительского авторитета, против авторитета моральных принципов: «Ну что, маменькин сынок, слабо попробовать?». А «коготок увязнет — вся птичка пропадет».

Когда Ева откликнулась на коварный вопрос искусителя, когда она вступила с искусителем в беседу, она попала на крючок провокации — «коготок увяз...».

Причем создается впечатление, что она торопливо откликнулась, как бы поспешила навстречу греху. Я вижу след этой торопливости в ее словах «и не прикасайтесь к ним», то есть к плодам этого дерева. На самом же деле в запрете Бога нет этих слов. Он, Господь, ранен» сказал человеку лишь следующее: «от всякого дерева в саду ты будешь есть; а от дерева познания добра и зла, не ешь от него; ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь» (Быт. 2:16-17). Запрета на прикосновение к плодам в словах Бога нет! В этой связи возникает очень интересный вопрос: почему Ева при писала Богу слова, которые Он не произносил? Здесь мы можем только гадать. Я же склонен видеть в этих произнесенных ею «добавочных» словах проявление тайного желания Евы не только прикоснуться к ним, но и попробовать их на вкус. Возможно даже, что она сама не догадывалась о своем тайном желании, пока дьявол не заговорил с нею — причем повел беседу так, что ее желание из тайного стало явным, а затем и осуществилось.

Итак, Ева откликнулась на коварный вопрос искусителя. Но в чем же коварство вопроса змея, вопроса, который начинается словами «подлинно ли...»? Это коварство заключается в двух буквах, из которых составлена Частица «ли», призванная посеять хаос в головах Евы и Адама. В этом вопросе, в этой частице «ли» содержалась и нова провокации искусителя. Самым первым своим вопросом искуситель хотел заронить в душу Евы зерно сомнения в Боге, и ему это удалось. «Возможно, Бог и мог бы запретить есть плоды с любого дерева, что, конечно, нелепо, так как противоречило бы прежде данному разрешению есть от всякого дерева в саду, кроме дерева познания добра и зла. Значит, Бог мог бы сотворить нелепость?» — примерно такой сумбур возник, видимо, в голове и сердце нашей праматери после первого вопроса врага Бога и рода человеческого. Примерно такой же сумбур возникает и в нашей голове, и в нашей голове, когда мы грешим, нарушаем заповеди Божьи... Первородный грех уже был свершен в момент возникновения этого сомнения. А поедание плода — это уже не более чем логическое следствие. Действия нашего тела — это лишь последствия действий нашей души. Душа приказывает, тело выполняет!

Так зарождаются сомнения в Боге... Так зарождаются сомнения в абсолютности Божьих заповедей... Так мы грешим!..

Мы грешим, когда наши мысли, сердце и нравственные ориентации дwoятся, когда мы начинаем думать примерно так: «А нельзя ли чуть-чуть скорректировать Божью заповедь?». Нет! Нельзя! Нельзя никогда и ни при каких обстоятельствах! Как сказал апостол Иаков: «Человек с двоящимися мыслями не тверд во всех путях своих» (Иак. 1:8).

Добро и зло резко разграничены. Существует, тем не менее, точка зрения, согласно которой это разграничение не является таким уж резким. Такая позиция популярна среди некоторых философов и даже богословов, так сказать, «либеральных» богословов. Яркое выражение этой позиции содержится в знаменитой (на мой взгляд, незаслуженно знаменитой) поэме Гете «Фауст».

Герой поэмы — Фауст — это разочаровавшийся в жизни и утративший и смысл, ученый, к которому ловко «подворачивается» один из ловцов душ человеческих Мефистофель — черт среднего разряда (не сатана, но и не «мелкий бес»).

— Ты кто? — спрашивает его при первой встрече» Фауст.

На что Мефистофель дает очень характерный ответ:

— Я — часть той силы, что «без числа творит добро, всему желая зла».

Из дальнейшего текста поэмы выясняется, что эти слова не ложны и не являются лишь уловкой, то есть, по мысли автора, зло действительно может творить добро, Существует, так сказать, «доброе зло».

Другие авторы высказывают также мысль, что в дополнение к «доброму злу» существует и «злое добро». И первая мысль о существовании «доброего зла», и вторая — о существовании «злого добра» несомненно ложны с библейской, с христианской точки зрения. Перефразируя слова английского поэта Киплинга, мы можем твердо сказать: «Зло есть зло, добро есть добро — и вместе им не сойтись».

ЧУДЕСА

Многие считают, что научный взгляд на природу, мир в целом упраздняет понятие чуда. Говорят: «Чудес Не бывает!». Но верно ли это? Действительно ли чудеса Не происходят и не могут происходить? Действительно ли понятие чуда противоречит научному подходу к объяснению мира? И — что такое чудо? Попробуем найти ответы на эти вопросы...

Кстати, понятие чуда используется в человеческой речи в различных смыслах. Но сначала — несколько слов о научном подходе к миру...

Один из основных научных принципов подхода к миру — принцип (или закон) причинности. Его формулируют так: всякое событие в мире имеет свою причину. Всегда ли действует этот принцип? Не имеет ли он исключений? Иногда говорят, что всеобщая значимость принципа причинности опровергается случайными событиями. Случайное, говорят, это то, для чего мы не можем привести причинного объяснения. Однако в XIX в. французский математик и философ Курно дал такое объяснение понятия случайности, которое не только не противоречит идее всеобщей причинности, но прямо вытекает из этой идеи. Его разъяснение исходит из понятия причинного ряда. Причинный ряд — это такая последовательность событий, каждое из которых является следствием предыдущего события и причиной последующего. Простейший пример — жизнь человека или скажем, орла от рождения до смерти. Каждое событие этой жизни является следствием ее предшествующего события и причиной последующего. Случайность же, по мнению Курно, это — результат пересечения двух (или более) независимых друг от друга причинных рядов. В этой связи приведу пример, заимствованный мною из древнегреческой литературы.

Некий философ в ясный солнечный день гулял по берегу Эгейского моря. Устал. Сел отдохнуть. А был он, надо сказать, стар и лыс. Лысина поблескивала па солнце. В

это время над ним пролетал орел. В когтях он держал черепаху. Чтобы извлечь нежное черепашее мясо из-под панциря, орел обычно практиковал, так сказать, «прицельное бомбометание» — бросал черепаху на камень, панцирь разбивался, орел питался... И так летел орел, искал подходящий камень, увидел — что-то поблескивает (а поблескивала лысина нашего философа!), выпустил черепаху... Она попала точно... Философ испустил дух, но прежде успел что-то сказать о случайности... Может быть, примерно то же, что я говорю сейчас...

Вот пример пересечения двух независимых друг от друга причинных рядов — двух линий жизни - линии философа и линии орла. Ясно, что закон причинности при этом не нарушается. Перед нами действительно случайное событие — соприкосновение черепахи, брошенной с большой высоты, с лысиной философа. Но это случайное событие вполне объяснимо с помощью закона причинности. Мы это ясно понимаем.

Но подобные «пересечения» двух внутренне независимых друг от друга причинных рядов могут быть двух видов. Первый вид — неподготовленные (действительно случайные) пересечения. Именно такое, неподготовленное, пересечение произошло в описанной нами «трагедии на побережье». А второй вид пересечения независимых друг от друга причинных рядов — подготовленные пересечения. Представим себе такую ситуацию: заинтересованные лица подготавливают якобы случайную встречу двух других лиц, например, в некоторой компании. Причем эти два лица, встреча и знакомство которых «подстраиваются», ничего не знают о том, что они встретились совсем не случайно. И из этой, якобы случайной, встречи могут произойти важные события — например их женитьба...

Но разве Бог не может подготавливать подобные «случайные встречи»? Конечно же, может Бог может направлять и видоизменять события в мире без нарушения закона причинности. Бог может направлять течение событий так, как это соответствует его промыслу, без нарушения причинных связей. И так, мы подошли к первому пониманию чуда как сверхъестественного вмешательства Бога в жизнь мира без нарушения закона причинности. Эти чудеса не всегда легко заметить — они «не бросаются в глаза». Но верующие люди знают, что такие чудеса происходят очень часто. Посредством подобных чудес, в частности, Бог создает благоприятные обстоятельства для нашего прихода к вере в Него - для нашей встречи с Ним...

Но существует и другое понимание чуда как события, принципиально не объяснимого пересечением естественных (земных) причинных рядов. В этом случае имеется в виду непосредственное (не «замаскированное» под случайность) Божье воздействие на нашу жизнь. Таковы, например, чудесные исцеления — по молитве к Богу — по молитве собственной или молитве Церкви... Подобные события можно назвать «чудесами в чистом виде». Подобные чудеса — это ответ Божьей благодати на человеческую просьбу. Иногда же подобные чудеса являются знаками, данными Богом людям для привлечения их внимания. Их можно также рассматривать как «Божью подпись», подтверждающую истинность нашей христианской веры. О многих чудесах такого рода говорится в Священном Писании. Многие чудеса такого рода и донныне происходят в христианском мире.

В подобных случаях действие закона причинности как бы приостанавливается. Но возможно ли это? А почему нет? Господь утвердил закон причинности для нашего мира, Он же может иногда и приостанавливать его действие. Самый яркий пример подобного приостановления действия закона причинности в нашем мире — воскресение Иисуса Христа.

Чудо — это обнаружение сверхъестественного, Божьего, мира в нашем мире. Настоящая вера не боится чудес. Как образно говорил один католический епископ: «Если бы мне Священное Писание открыло, что не кит проглотил Иону, а, наоборот,

Иона проглотил кита; я и тогда поверил бы Слову Божию». Таково правильное, христианское отношение к чуду.

Бог может все — Он всемогущ! Он создал наш мир. Наш мир — Его творение. Он — наш хозяин. А разве не волен хозяин производить перемены в своем хозяйстве? Поэтому Бог вполне может вмешиваться в события нашего мира из Своего — высшего — мира... Бог все может! «Поэтому, — справедливо пишет один христианский автор, — очень странно, что иногда даже верующие как бы боятся чудес. Наоборот, нужно было бы бояться, если бы чудес не было! Тогда можно было бы усомниться: да точно ли, что существует иной, Божий, мир? Чудеса — это абсолютно неизбежные проявления сверхъестественного, Божьего мира... Если мы сомневаемся в чудесах, то тем самым мы лишь обнаруживаем свое маловерие в Бога».

Один православный архиерей в своих воспоминаниях рассказывает такой случай. К нему пришел молодой еврей, студент высшего учебного заведения, с просьбой разрешить ему креститься — принять христианство. Дело, по-видимому, происходило до революции. Поэтому архиерей удивился и по обычаю того времени (т.п. подробно расспрашивать студента о мотивах такого необычного для евреев намерения. Среди других он задал ему и такие вопросы:

«— А не смущает ли вас, что мы, верующие христиане, допускаем множество Божьих тайн и чудес? Не кажется ли вам, что это противоречит нашему уму? Не кажется ли вам, что это противоречит законам нашего мира? А если противоречит, то не ставится ли тем самым под сомнение иной, Божий мир?»

Студент на эти вопросы ответил, что это его не смущает и не пугает.

«— А почему? — продолжил спрашивать пытливый архиерей.

— Так должно быть, — сказал студент. — Там, где начинается сверхъестественный мир, на этой грани кончаются законы данного, естественного мира».

Архиерей поразился его умному ответу. Ответ, действительно, умный и правильный. И мы точно так же должны относиться к чудесам: вера в Бога и в иной, Божий, мир предполагает веру в чудеса. Может ли Иной, Божий, мир вмешиваться своими законами, «моим действием в наш мир? А почему нет? Божий мир несопоставимо выше и могущественнее привычного для нас мира. А высшее может вмешиваться в низшее.

Атеисты говорят, что чудеса непостижимы, потому что их нельзя объяснить с помощью науки. И делают отсюда поспешный и непродуманный вывод, что «чудес не существует». В самом деле, чудеса непостижимы нашим, — земным, — разумом. Но отсюда не следует, что их нет и быть не может! Из верной посылки атеисты неверный вывод. Многое непостижимо для науки и тем не менее оно, несомненно, существует. Из непостижимости чего-то отнюдь не следует несуществование этого. Например, вряд ли когда-нибудь наука точно узнает, как наша душа соединена с нашим мозгом, а ведь это самоочевидная истина: наша душа каким-то таинственным образом соединена с нашим мозгом. (Ученые правда, говорят не о душе, а о "психике", но суть вопроса от этого не изменяется.)

Если мы верим в Бога, то мы должны верить и в чудеса Божьи.

ПОЧЕМУ МЫ НЕДОВОЛЬНЫ НАШЕЙ ЖИЗНЬЮ?

Мы очень часто бываем недовольны нашей жизнью, судьбой, людьми, которые нас окружают. Почему это происходит? В чем источник нашего недовольства? , — Я твердо убежден, что основа недовольства жизнью находится в нас самих, а не в людях, которые нас окружают, не в мире, в котором мы живем. «Все в тебе», то есть «все в тебе», как совершенно справедливо говорил хороший знакомый и друг Льва Толстого крестьянин Сютаев. Все в тебе. Поэтому, если ты принимаешь этот мир как Божье

творение, тебе хорошо в нем, ты доволен своей жизнью и судьбой, ибо разве может быть плохо в единстве с Богом? «У солнышка — тепло, у матери — добро» — говорит русская пословица. Добро, красота и любовь, которых, несомненно, очень много в мире, — все это от Бога. Поэтому, если ты живешь в Боге, в глубоком единении с нашим Творцом, с любящим нас Отцом, тебе, несомненно, будет очень хорошо жить. Это совершенно не значит, что ты никогда не будешь горевать, печалиться, страдать. Несомненно, будут и печали, и страдания, и горести, но они, по верному слову А.С. Пушкина, будут светлы. Они будут просветлены нашей любовью к Богу, и особенно Его любовью к нам. Божья любовь к нам постоянна и неизменна. Наша же любовь к Нему очень часто непостоянна и переменчива. Поэтому «все в тебе»: будешь ли ты счастлив и доволен своей жизнью — зависит только от тебя самого. Если ты станешь постоянной величиной в своей любви к Богу, то будешь неизменно счастлив. Если же ты будешь переменчив в отношении Бога, то и счастье твоей жизни в Боге будет переменчиво. И в данном случае, как и во многих других, «что сеем, то и пожинаем».

Замечательный пример постоянства жизни в Боге явил еврейский мудрец по имени Зуся. Это был очень простой и чистый сердцем человек. Жил он в XVIII в. в Люблине. Христианином он не был, он исповедовал иудейскую веру. Но по своему отношению к Богу, по своему пониманию Его, он, как мне кажется, был гораздо ближе к подлинно единому Богу, чем многие «номинальные» христиане, которые исповедуют Иисуса Христа лишь устами, сердце же очень далеко отстоит от Него. Зуся всей своей жизнью выполнял завет Иисуса Христа: «Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18:3). Детскость, простота и чистота сердца таких людей часто воспринимаются окружающими как юродство, умственная неполноценность. Раньше их называли «дурачками». Зуся был из таких... Он не мог учиться, поскольку первое же упоминание Бога в самом начале Библии приводило его в такое восторженное состояние, что он мешал другим мальчикам изучать Священное Писание. Учитель был вынужден выгонять его из класса. И на улице его гнали от себя люди, поскольку он и им мешал своими восторгами. Тогда он забирался в хлев и там, никому не мешая, продолжал вопить вне себя от радости: «И сказал Бог!»... Так он и жил, не продвинувшись в изучении словесной, письменной и формальной мудрости, но восприняв возможную для него полноту Божьей мудрости непосредственно в свое сердце. Люди над ним смеялись... Он постоянно чем-нибудь болел, был беден. Но подлинно религиозные люди со временем стали уважать и ценить его. И однажды Бер Дов, его бывший учитель, у которого он так и «не научился» библейской мудрости, сказал своим ученикам: «Если бы вы поняли одно слово Писания так, как Зуся, не было бы нужды учить вас»...

Приведу еще один пример, к Бер Дову пришли с вопросом: «Как понимать слова Писания, что надо принимать кислое как сладкое?». Бер Дов же на это сказал: "Идите, спросите об этом у Зуси». Те пошли и нашли Зусю, сидящим на ступеньках синагоги. Задали свой вопрос. Зуся подумал и сказал им в ответ: «Вы совершенно напрасно ко мне обратились. Я в жизни не встречал ничего худого»... Вот так, он жил в Боге, а в Боге ничего плохого!

Я специально привел пример боговдохновенной мудрости, который был явлен праведной жизнью не христианского, а иудейского мудреца, чтобы показать, что мудрецы и других, не христианских религий, могут являть собой, своей праведной жизнью, мыслями и делами примеры подлинно христианской мудрости. Почему такое возможно? Потому, что все подлинно мудрое, подлинно красивое и доброе в мире исходит от единого Бога, возможная для человека полнота постижения Которого, конечно же, дается лишь в христианстве — во Христе Иисусе. Бог един. Он и только Он! — источник подлинной мудрости. Поэтому все проявления подлинной мудрости являются проявлениями христианской мудрости.

Все люди произошли от единого корня — Адама, который непосредственно общался с триединым Богом — Отцом, Сыном (Иисусом Христом) и Духом Святым. Другими словами, когда Адам пребывал в раю, он жил в полноте Божьей истины, а значит, в полноте Христовой истины. Адам и Ева, как мы знаем, пали, согрешили против Бога, и их потомство было рассеяно по лицу Земли. Все народы Земли имеют единое происхождение. И у всех, я убежден, в той или иной степени сохранилась прапамять — родовая память о том времени, когда они — во Адаме — пребывали в раю. Насколько мудрецы разных народов вспоминают что-то из той полноты истины, которой они обладали во Адаме до его грехопадения, настолько они подлинно мудры. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в своей глубинной мудрости духовные учителя разных стран, времен и религий очень часто сходятся. Отсюда, конечно же, не следует, что правы лжеучителя-окультисты, которые говорят, что не имеет значения, какому богу молиться, если в основе различных религий лежит одна вечная истина. Нет, имеет огромное значение, молимся ли мы единому Богу, Который явился людям во Святой Троице, Который в Своей полноте явился перед людьми во Христе Иисусе, или же мы поклоняемся более или менее слабым отголоскам, большим или меньшим фрагментам этой единой и единственной Полноты.

Здесь, как мне кажется, уместно такое сравнение. Представьте себе, что вы голодны, и вам предлагаются различные варианты пищи, в которых сочетаются доброкачественные и недоброкачественные продукты. Причем среди недоброкачественных продуктов попадаются и ядовитые, смертельные. Эти варианты содержат от всецело ядовитой через более или менее полезную до всецело полезной пищи, причем по видимой красоте оформления вредная пища может превосходить полезную. Если вы в состоянии отличить полезную пищу от вредной, не обращая внимания на видимую красоту, то есть если вы в состоянии отличить суть от внешности, то какую пищу вы выберете? Ответ очевиден.

Так вот: христианство — это единственно полноценный вариант духовной пищи, единственная полностью доброкачественная духовная пища, ибо полнота истины и спасения — только во Христе Иисусе!

РАДОСТЬ И СЧАСТЬЕ ЖИЗНИ КАК СВИДЕТЕЛЬСТВА В ПОЛЬЗУ БЫТИЯ БОГА

У Ивана Алексеевича Бунина, который первым из русских писателей в 1933 г. был удостоен Нобелевской премии по литературе, есть замечательное стихотворение. Звучит оно так:

*И цветы, и шмели, и трава, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной...
Срок настанет — Господь сына блудного
спросит:
«Был ли счастлив ты в жизни земной?»
И забуду я все — вспомню только вот эти
Полевые пути меж колосьев и трав —
И от сладостных слез не успею ответить,
К милосердным Коленям припав.*

Это стихотворение — благодарение Богу за моменты счастливой, радостной жизни, которые даны Им людям, всем нам. Это стихотворение — благодарение Богу за высшую полноту жизни, за высшую полноту счастья жизни. Это стихотворение — благодарение Богу за проблески ясной и радостной светоносности рая среди смуты и темноты нашей повседневной безблагодатной жизни.

Такие проблески были и в моей жизни. Поделюсь воспоминанием об одном из них.

Раннее детство — мне примерно шесть лет. Я гуляю летом с кем-то из старших на опушке мелкого соснового леса. Сухой яркий солнечный день разгара лета... Радостный день... «Тепло, но не жарко», — как говаривала бабка одного из моих приятелей. «Благорастворение воздушных»... Мне весело и радостно от этого дня и этого солнца... Разговариваем... Мой собеседник рассказывает, что все вещи мира — и люди, и деревья, и камни, и трава, состоят из одинаковых маленьких частичек, являются комбинациями этих частичек. Наверное, и слово «атомы», было произнесено, но я не запомнил... Так мой собеседник пытался объяснить азы материализма, основы школьной физики. Но я эту «материалистическую» информацию воспринял религиозно, как откровение о всеединстве мира, о том, что все вещи мира самым тесным образом внутренне взаимосвязаны друг с другом. Я до сих пор прекрасно помню внезапное радостное, даже ликующее чувство, которое охватило меня после выслушивания этой, материалистической проповеди. Я всем сердцем, всю душой понял, как это хорошо, как это правильно и истинно, что и я, и человек, с которым я говорил, и сосенка, и камень, и пожухлая травинка — суть одно, как это радостно, что все мы — все вещи мира, являемся органическими, глубоко родственными друг другу частями единого живого мирового целого. По существу я понял, что все в этом мире — живое! А ведь слова моего собеседника были совсем про другое. Это были слова про механическую, машинообразную, материалистическую организацию мира, он говорил, что мир — это механизм, мертвая машина, а я понял, что мир — это единый живой организм. Его слова содержали смысл, который был прямо противоположен тому, что я в них услышал и воспринял. Вот такое воспоминание...

«Да, — возможно, скажет кто-нибудь, — бывают такие светлые и радостные моменты в жизни людей. Но почему их так ничтожно мало? Почему подавляюще большую часть нашей жизни мы стенаем и мучаемся? ». Это правильные сетования... правильные вопросы. Но это вопросы и сетования человека, который, видимо, пока еще не стал сознательным христианином или же, возможно, забыл нечто очень важное из того, что говорит Библия. А она нам говорит, что в мире, каковым он стал после грехопадения наших прародителей, после нашего грехопадения, потому что наши прародители живут в нас (в их потомках), страдания и скорби неизбежны: ибо «вся тварь (то есть все сотворенное Богом. — *В.К.*) совокупно стенает и мучится доныне» (Рим. 8:22) по нашей вине, и нам не на кого пенять, и мы не имеем ни малейшего основания сетовать на Творца, что наш мир «недостаточно хорош» для нас. Мы сами превратили его в такой, что мы же им недовольны! И, кстати сказать, неуклонно продолжаем своими грехами ухудшать его. Отсюда современные беды: катастрофическое ухудшение состояния природы, падение нравственности...

Но Бог любит нас, Он продолжает любить нас, Он не может не любить нас, не любить Свое творение, ибо Он есть Любовь... И по своей любви к нам Он постоянно и повсеместно являет нам вполне определенные знаки Своего присутствия в мире — Он постоянно открыт нам. И не Его вина, что люди не хотят открыться Ему, не хотят открыть Ему свое сердце, войти в общение с Ним, вернуться к любящему их Отцу.

Бог не может не любить нас, но из уважения к нашей свободе не может «навязывать» нам Свою любовь, не может «насильно» вернуть нас к Себе. Он хочет, чтобы мы свободно вернулись к Нему — покаяться в грехах, перестали грешить и вернулись к Нему. Он хочет, чтобы мы вернулись в тот рай, который Он создал для нас, ибо рай — это не что иное, как быть рядом с Богом, постоянно ощущать Его присутствие, возгревать душу лучами Его славы. Поэтому Он не навязчиво, но в то же время систематически напоминает нам о себе. Он напоминает нам о Себе состояниями природы, дивным видимым устройством мира. Видимое говорит о невидимом — природа и ее состояния говорят нам о Боге: «Ибо невидимое Его, вечная сила Его и

Божество, от создания мира чрез рассматривание творений видимы, так что они безответны», — пишет апостол Павел (Рим. 1:20).

«Так что они безответны»... Кто эти самые «они», которые безответны? И что значит «безответны»? Этими «они» являются все люди, которые принципиально отказываются видеть в высшей степени ясные свидетельства Божьего существования, Его присутствия в мире. А что означает слово «безответны»? Оно означает — «не имеют оправдания». Так что смысл этого фрагмента можно выразить такими словами: хотя Бог и невидим непосредственно — не видим очами нашего телесного зрения, — тем не менее, Он наияснейшим образом свидетельствует о Своем существовании, эти свидетельства перед нами всегда и повсюду. Поэтому люди, которые говорят, что они не верят в Бога потому, что они не видят Его, не имеют ни малейшего оправдания в своем неверии. Вслед за процитированным отрывком из Послания к римлянам идет объяснение апостолом того, почему, по какой причине многие люди не видят очевидного. Люди не видят очевидного потому, что они «осустились в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце: называя себя мудрыми обезумели» (Рим. 1:21,22).

О РАЗЛИЧНЫХ ЖИЗНЕННЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ, ИЛИ «Я НЕ ЗНАЮ, ХОРОШО ЭТО ИЛИ ПЛОХО...»

Есть такая старая китайская притча... Жил в одном селении бедный крестьянин — у него была лишь одна единственная лошадь-кормилица. И вот однажды лошадь украли. Узнав об этом, пришли к крестьянину односельчане посочувствовать в его утрате. А он, выслушав соболезнования, говорит: «Спасибо вам за сочувствие в том, что вы считаете моим несчастьем, но лично я не знаю, хорошо это или плохо, что у меня лошадь украли». Удивились односельчане, покачали головами и разошлись. Через некоторое время украденная лошадь вернулась к крестьянину — сама прибежала, да еще табун прекрасных жеребцов за собой привела. Узнали про это в деревне и опять пришли к крестьянину, чтобы поздравить с неожиданным приобретением. Выслушал он их, поблагодарил и говорит: «Сам-то я не знаю, хорошо это или плохо, что у меня теперь много лошадей». Вновь удивились односельчане, покачали в недоумении головами и разошлись. Через некоторое время единственный сын крестьянина стал объезжать одного из новых жеребцов, не удержался, упал и сломал себе ногу. Снова пришли соседи выразить сочувствие. Опять выслушал их крестьянин, поблагодарил и сказал: «Я вообще-то не знаю, хорошо это или плохо, что мой сын покалечился». В очередной раз удивились соседи, в недоумении покачали головами и разбрелись. Вскоре началась война, и всех пригодных к военной службе парней забрали на войну, а сына нашего героя не забрали. Односельчане при случае поздравили крестьянина с тем, что ему повезло. И опять он сказал, что не знает, хорошо это или плохо. И опять удивились соседи. Война была жестокой, и все юноши из этой деревни погибли на ней. А сын крестьянина, выздоровев, стал лучшим женихом деревни и женился на самой красивой и богатой девушке в округе. В который раз пришли односельчане поздравлять, и вновь крестьянин сказал, что он не знает хорошо или плохо для него то событие, с которым его поздравляют. Эту историю можно продолжать до бесконечности...

Вывод, я думаю, ясен: не нужно торопиться горевать или радоваться по поводу тех или иных событий в нашей жизни. То, что на первый взгляд выглядит как повод для скорби, вполне может обернуться радостью, и, наоборот, выглядящее радостным событием может обернуться скорбью. Нужно максимально воздерживаться от суждений и эмоций по поводу происходящего с нами. Нужно стремиться быть максимально независимыми от внешних для нас событий, не полагаться на «удачу» и не горевать по поводу того, что представляется нам «неудачей».

Нельзя прожить достойную мужественного человека жизнь, если она в существенной степени зависит от внешних обстоятельств. Нужно стремиться к власти над своей жизнью. Поскольку мы не можем обрести власть над внешними обстоятельствами, то должны стремиться к власти над собой. Лишь на этом пути, на пути воспитания себя в добродетели, мы можем обрести максимально возможное для нас счастье.

Эти мысли находим в античной философии, в частности древнеримский философ-стоик Эпиктет (I — II вв. по Р.Х.) на вопрос о том, чем должен разумный человек руководствоваться в своей жизни, отвечал, что разумный человек должен «получше устраивать то, что зависит от него, а всем остальным пользоваться так, как оно есть по своей природе».

«Как же оно есть по своей природе?» — вопрошал Эпиктет и отвечал: — «Как хочет Бог».

Далее он пояснял: «Чем же следует руководствоваться в жизни? Да чем иным, как не знанием того, что мое и что не мое, что в моей возможности и что не в моей возможности? Я, например, должен умереть. Так разве вместе с тем и стенать? Я должен быть закованным. Но разве вместе с тем и скорбеть? Быть изгнанным. Так разве кто-нибудь мешает мне вместе с тем смеяться и не поникать духом? «Открой тайну», — предлагает он сам себе требование некоего возможного истязателя. И сам же себе отвечает: — «Нет. Это ведь зависит от меня». — "Но я закую тебя», — продолжает он воображаемый диалог с этим истязателем от его имени. И отвечает — уже от своего имени: — «Человек, что ты говоришь? Меня? Ты закуешь мою ногу, а мою свободу воли и Зевс не может одолеть». — «Я брошу тебя в тюрьму». — «Бренное тело (ты бросишь)». — «Я обезглавлю тебя». — «И Когда же я говорил тебе, что только моя голова неотрубаема? ». Вот к чему следовало бы приучать себя занимающимися философией, — заканчивает свое рассуждение Эпиктет, — вот о чем писать каждый день, вот в чем упражняться".

Предельно кратко суть рекомендаций Эпиктета Можно выразить французской поговоркой: «Делай, что должно — и пусть будет, что будет!»

В Библии большое значение уделяется достойной жизни человека. В частности, рекомендации для счастливой жизни Эпиктета «как в коробочку» укладываются в Заповеди блаженства Иисуса Христа. Но они построены все же «на песке» — на песке своеволия человека, и поэтому сами по себе, то есть при опоре лишь на своеволие человека, едва ли исполнимы. Попробуйте-ка жить, полагаясь исключительно на себя! Едва ли получится... Рекомендации же Иисуса Христа построены на твердом каменном фундаменте — на фундаменте веры в Бога и веры Богу. И поэтому они вполне исполнимы каждым человеком, но при выполнении одного неперемного условия — веры человека Богу, нашего абсолютного доверия Иисусу Христу, Который взял на Себя и несет все наши немощи. С Его помощью мы действительно сможем жить в соответствии с Заповедями блаженства, мы действительно будем счастливы.

НЕ ГОНИТЕСЬ ЗА «ЧИСТЫМ» СЧАСТЬЕМ!..

В 50-е гг. XX в. было сделано очень интересное открытие. Некий западный ученый изучал на крысах функции мозга.

Известно, что современная физиология часто использует животных в качестве «моделей» человека. Это связано прежде всего с тем, что бессловесные живые существа не могут возразить против изуверских экспериментов, которые производят над ними пытливые исследователи. Животных режут, вживляют в организм электроды и т.д. В результате подобных действий получают некоторые результаты — закономерности поведения подопытных тварей в более или менее тщательно контролируемых экспериментальных условиях. Эти результаты затем «переносят» на человека, то есть говорят: «И у человека в данном отношении должно наблюдаться

примерно то же, что и у животных». Если это кажется нужным, то исследования продолжают на человеке, с которым все же стараются обходиться не столь изуверски-бесцеремонно, как с животными. Нас с вами в какой-то степени защищают «права человека». Впрочем, далеко не всегда защищают: изуверы от государства и науки вполне могут не считаться с этими правами, нарушать их. Тому есть очень много примеров в новейшей истории.

Возвращаемся, однако, к ученому, который на крысах изучал функции мозга. Свои опыты он ставил с помощью электродов, которые вживлялись в различные участки мозга крысы. В ходе изучения совершенно случайно в мозге крысы был обнаружен центр, который позже был назван «центром удовольствия». Когда на этот центр через электрод действовал электрический ток, крыса самым явственным образом испытывала удовольствие. Животных затем поместили в клетки, где они сами могли подвергать себя воздействию электрического тока — сами могли стимулировать электричеством соответствующий электрод, вживленный в мозг. Эти стимуляция осуществлялась путем нажатия на соответствующий рычаг в клетке. Крысы — очень умные животные, и они быстро сообразили, как можно предельно простым образом получать, так сказать, «бесплатное удовольствие», и очень быстро к нему пристрастились. Они столь усиленно начинали самостимулироваться, что даже забывали об удовлетворении простейших и важнейших жизненных потребностей о еде и сне. Бывали даже такие случаи, когда крысы-матери (а нужно сказать, что крысы очень заботливо относятся к своему потомству) ради получения пустого и бесплодного удовольствия бросали своих детей. Крысы доводили себя буквально до изнеможения и даже могли умереть от передозировки удовольствия — умереть, так сказать, «от удовольствия», «от чистой радости», «от счастья»...

Подобного же «чистого счастья», к сожалению, очень часто ищут и люди — алкоголики и наркоманы. И они его, конечно же, находят в различных ядах — в алкоголе и наркотиках. Но вместе с этим убогим счастьем они очень быстро находят и свою нравственную и физическую смерть. Поиски «чистого счастья, как такового», бессмысленного счастья — это путь к гибели души и тела: сначала души, а затем и тела. Алкоголики и наркоманы гибнут рано.

Мы в своей жизни должны искать не «чистого», то есть бессмысленного, счастья, а осмысленности жизни во всей ее полноте. Можно даже сказать, что наиболее полноценное счастье — это «побочный продукт» осмысленной жизни, которая устремлена к высокой цели — посвящена созидательной деятельности. Лишь на пути созидательной деятельности мы обретаем подлинное счастье как радостную полноту жизни, причем совсем не обязательно в окружении так называемых «благоприятных жизненных обстоятельств», то есть когда мы, скажем, здоровы, молоды и богаты. Иначе говоря, бывает и так, что казалось бы, самые неблагоприятные жизненные условия, крайние невзгоды могут увеличивать счастье человека, поднимать его жизненный тонус, обострять чувство радостного приятия жизни. В конечном счете, быть счастливым — это значит принимать жизнь во всей ее полноте со всеми ее радостями и горестями.

Бывает и так, что в некоторых неблагоприятных, даже трагических, жизненных обстоятельствах наблюдается что-то вроде прямопропорциональной зависимости между неблагоприятными жизненными обстоятельствами и общим счастливым состоянием человека: чем более неблагоприятны жизненные обстоятельства, тем счастливее человек.

Именно подобную ситуацию с Пьером Безуховым описывает Лев Толстой в «Войне и мире». Речь идет о времени пленения Пьера французами: «Прошло четыре недели с тех пор, как Пьер был в плену. В разоренной и сожженной Москве Пьер испытал почти крайние пределы лишений, которые может переносить человек; но, благодаря своему сильному сложению и здоровью, которого он не сознавал до сих пор,

и в особенности благодаря тому, что эти лишения подходили так незаметно, что нельзя было сказать, когда они начались, он переносил не только легко, но и радостно свое положение. И именно в это-то самое время он получил то спокойствие и довольство собой, к которым он стремился прежде... В Плену Пьер узнал не умом, а всем существом своим, жизнью, что человек сотворен для счастья, что счастье и нем самом, в удовлетворении естественных человеческих потребностей, и что все несчастье происходит не от недостатка, а от излишка. Он узнал еще новую утешительную истину — он узнал, что на свете нет ничего страшного. Он узнал, что как нет положения, в котором бы человек был счастлив и вполне свободен, так и нет положения, в котором он был бы несчастлив и несвободен. Он узнал, что есть граница страданий и граница свободы и что эта граница очень близка; что тот человек, который страдал оттого, что в розовой постели его завернулся один листок, точно так же страдал, как страдал он теперь, засыпая на голой, сырой земле, остужая одну сторону и пригревая другую; что, когда он, бывало, надевал свои бальные узкие башмаки, он точно так страдал, как теперь, когда шел уже босой совсем (обувь его давно растрепалась), ногами, покрытыми болячками... Теперь только Пьер понял всю силу жизненности человека и спасительную силу перемещения внимания, вложенную в человека, подобную тому спасительному клапану в паровиках, который выпускает лишний пар, как только плотность его превышает известную норму... Все мечтания Пьера теперь стремились к тому времени, когда он будет свободен. А между тем впоследствии и во всю свою жизнь Пьер с восторгом думал и говорил об этом месяце плена, во время которого он почувствовал новое, не испытанное им ранее чувство радости и крепости жизни... И чувство это не только не покидало его во все время плена, но, напротив, возрастало в нем по мере того, как увеличивались трудности его положения».

Как говорится: «Не было бы счастья, да несчастье помогло!». Пьер в плену понял, что его жизнь, как таковая, самодостаточна. Но мы должны понимать, что отсюда совершенно не следует, что наша жизнь является самодостаточной изначально и сама по себе. Иначе говоря, из самодостаточности нашей жизни совершенно не следует, что она сама себя произвела в качестве именно таковой — самодостаточной.

Самодостаточность нашей жизни — это ее самоценность и свобода к самоопределению. Свободной к самоопределению и самоценной нашу жизнь создал наш Творец!.. Ранее я сказал, что подлинно счастлив лишь тот человек, который занят созидательной (творческой) деятельностью. Если это действительно так, то какой же созидательной деятельностью был занят Пьер Безухов в плену, когда он, казалось бы, был обречен на полное внешнее бездействие и несвободу? Предельно краткий ответ таков: Пьер воссоздал себя как человека. Он восстанавливал себя как внутренне свободное, самоценное и уникальное Божье творение, был в процессе восстановления (очищения) в себе образа Божия и замысла Бога о нем. Именно этот творческий процесс восстановления в себе Божьего замысла о нем и нашел свое выражение в испытанном им чувстве радости и крепости жизни.

ЕСТЬ ЛИ В ЖИЗНИ СЧАСТЬЕ?

Можем ли мы быть счастливы, пока живем на земле? Вряд ли, — отвечает царь Соломон в «Книге Экклезиаста» (далее идет цитата в переводе С.Аверинцева):

Ибо, участь сынам человека и участь скоту

— Одна и та же им участь: Как тому умирать, так умирать и этим,

И одно дыханье у всех, и не лучше скота человек:

Ибо все — тщета. Все туда же уходит,

Все — из праха, и все возвратится в прах;

Кто знает, что дух человека возносится ввысь,

А дух скота — тот вниз уходит, в землю?

.....

*И еще я увидел все угнетение, творимое под солнцем:
Вот слезы угнетенных, а утешителя нет им,
И в руке угнетателя — сила, а утешителя нет им!
И прославил я мертвых, что умерли давно,
Более, чем живых, что живут поныне;*

*Но больше, чем тем и другим, благо тому, кто
совсем не жил,
Кто не видел злого дела, что делается под солнцем.
Поглядел я на весь труд, а весь успех работы —
Зависть человека к другому человеку;
Это — тоже тщета и ловля ветра:*

*Глупец сложит руки, а зависть себя пожирает!
Лучше покоя на одну ладонь,
Чем полные горсти тщеты и ловли ветра.*

Вот такие слова — правдивые, сильные и очень горькие.

Л вот что пишет древнеегипетский автор произведения "Спор разочарованного со своей душой". Время написания этого «Спора...» неизвестно, но, видимо, не позже времени написания «Экклезиаста».

— Кому мне открыться сегодня? —

Братья бесчестны,

Друзья охладели.

Кому мне открыться сегодня?

Алчны сердца,

На чужое зарится каждый.

Кому мне открыться сегодня?

Раздолье насильнику.

Вывелись добрые люди.

Мне смерть представляется ныне

Исцеленьем больного,

Исходом из плена страданья.

А.С.Пушкин категорически заявляет:

На свете счастья нет, —

Но есть покой и воля...

Заявление русского поэта все же оптимистичнее, чем Соломона и древнего египтянина.

Философом, который наиболее энергично и аргументированно отстаивал мнение, что жизнь ничтожна и горестна, был немецкий мыслитель Артур Шопенгауэр (1788 — 1860). Он приложил значительные усилия на поиск доказательств того, что наша жизнь — это почти сплошные несчастья. Счастье же, по его мнению, — это не более чем краткие мгновения избавления от одного несчастья при переходе к другому, очередному несчастью. Лишь мгновения перехода от несчастья к несчастью составляют наше бедное человеческое счастье — считает Шопенгауэр.

Например, у меня сильно болит зуб. Я несчастен, страдаю и не могу думать ни о чем другом, кроме зубной боли. И вдруг — через некоторое время — боль отступает и, наконец, прекращается. И меня захлестывает радость — наконец-то мое мучение прекратилось! Но эта радость длится очень недолго — лишь до того мгновения, когда меня начинает одолевать очередная забота, может быть, не такая мучительная, как зубная боль, но тем не менее прогоняющая чувство радости от прекращения зубной боли.

И еще немного о пессимистических взглядах на возможность счастья. Сторонники пессимистического отношения к жизни считают, что сумма зла в мире превосходит сумму добра в нем. По этой теории мы, пока живем, обречены действовать. А любое действие представляет собой усилие, которое направлено на обладание тем, чего мы не имеем, и из-за отсутствия чего мы испытываем большие или меньшие лишения и страдания.

С пессимистической точки зрения, вся активная жизнь человека представляет собой почти непрерывное страдание: человек работает, чтобы зарабатывать деньги; затем он тратит эти деньги, чтобы получить то, чего он не имеет. На смену одному лишению, которое ему удалось устранить, приходит следующее; значит, нужно опять зарабатывать деньги и т. д...

Жизнь, согласно пессимистической теории, является чем-то вроде изнуряющего безостановочного бега белки в колесе... Когда бег прекращается, колесо останавливается, и мы умираем, так и не успев ни разу отдохнуть.

Как христианину относиться к этой теории? Напоминаю, что эта теория, правда в смягченном виде, содержится в ветхозаветной «Книге Экклезиаста». Преобладающий тон этой книги — глубокая меланхолия, печаль, скорбь: жизнь — это не более чем "суета сует и ловля ветра"... Как относиться к этому умонастроению премудрого Соломона? Его, на мой взгляд, извиняет то, что он жил примерно за 1000 лет до Иисуса Христа и не Мог иметь твердой уверенности в загробной жизни, которую дает нам только Христос. Но я убежден, что он хотел обрести эту уверенность, поэтому "Экклезиаста" можно считать выражением страстного желания Соломона, а в его лице и всего человечества, обрести Спасителя, найти подлинное счастье в обретении Спасителя.

С приходом к нам Иисуса Христа суетность нашей жизни уже не является неизбежным уделом, неизбежной судьбой. Со Христом в наш мир вошла реальная возможность чистой радости и возвышенного, подлинного счастья — счастья жизни во Христе.

Кстати, Сам Иисус ни разу не употребил слово «суета» в качестве характеристики земной жизни. И лишь один раз Он использовал слово «суетиться»: предостерег Марфу, чтобы она не «суетилась о многом», то есть не разменивалась на мелочи (Лк. 10:41). Иисус всегда учил радости. Слово «радость» — это ключевое слово Нового Завета. И во Христе человечество обрело свою самую большую радость — радость возможности полной, славной, подлинно счастливой жизни.

Но христианство, конечно же, не может отрицать того, что в жизни каждого человека много несчастий, огорчений и страданий. Тем не менее, христианское мировоззрение, в конечном счете, оптимистично: счастье жизни во Христе Иисусе вполне достижимо и не только в будущей (загробной), но и в земной жизни. Бытовая несчастливость в земной жизни — это следствие нашего грехопадения во Адаме. Повседневные горести и скорби неизбежны, но Иисус говорит нам, что они некоторым образом превращаются в свою противоположность — в необходимое условие достижения блаженства, то есть счастья. Наши горести и скорби превращаются в необходимое условие достижения счастья во Христе Иисусе, если мы принимаем их на себя как наш крест — как искупительный крест страданий.

О ВОЗМОЖНОСТИ ЖИТЕЙСКОГО СЧАСТЬЯ

Как я говорил, существует пессимистический взгляд на мир и на возможность достижения счастья в этой жизни. Но так ли уж плохи наши дела? Обречены ли мы на несчастья? Думаю, что наши дела не столь печальны, и никакой «обреченности» человека на несчастья нет.

Польский философ Владислав Татаркевич в своей книге под названием «О счастье и совершенстве человека» (М., 1981) вполне убедительно показывает, что в нашей жизни возможны, по крайней мере, четыре варианта счастья. Эти варианты описываются им как четыре основных смысла, которые мы вкладываем в слово «счастье».

Первый смысл слова «счастье» является, так сказать, житейским. В данном случае мы понимаем под счастьем благоприятные для нас обстоятельства — удачу, везение и т. п. В этой связи можно вспомнить размышления пса Шарика из повести М.Булгакова «Собачье сердце»: «Так свезло мне, так свезло, просто неопишимо свезло. Утвердился я в этой квартире. ... Правда, голову всю исполосовали зачем-то, но это до свадьбы заживет. Нам на это нечего смотреть».

Второй смысл слова «счастье» Татаркевич называет психологическим и имеет в виду приятные переживания — интенсивную радость, блаженство, упоение и т. п. В качестве примера припоминается фрагмент юмористической «Песни о сентиментальном боксере» Владимира Высоцкого: «И думал Буткеев, мне челюсть кроша: // И жить хорошо, и жизнь хороша!». Мы, однако, помним, чем закончился этот поединок — Буткеев, в Конечном счете, потерпел поражение. Итак, счастье — это приятные переживания.

Третий смысл является сугубо философским. В данном случае под счастьем понимается высшее благо, которое доступно человеку. Подобного понимания счастья придерживались античные философы. Что они имели в виду, когда говорили о высшем благе? Самые разные вещи, например разумность и внутреннюю свободу человека при внешней покорности судьбе, житейским обстоятельствам.

Подобного понимания счастья придерживались, например, философы-стоики. Они утверждали, что все вещи подразделяются на два разряда — на зависящие от нас и не зависящие от нас. В зависящих от нас вещах мы должны мужественно исполнять свой долг, чего бы нам это ни стоило. А не зависящие от нас вещи и обстоятельства мы должны игнорировать, и тем более не полагаться на них, не строить своих жизненных планов, полагаясь на них. Например, от меня зависит, буду ли я честен и верен своему слову в обязательствах перед людьми. Поэтому я должен быть честным и верным своему слову во что бы то ни стало. С другой же стороны, от меня совершенно не зависит, получу ли я богатое наследство, а также буду ли я иметь превосходное здоровье. Поэтому я должен игнорировать подобные вещи — богатство, здоровье, мою внешнюю привлекательность, и не полагаться на них. Ради достижения высшего блага разумности и внутренней свободы нужно преодолевать стремление к чувственным удовольствиям, нужно отрешаться от привязанностей к внешнему миру и его благам, нужно развивать внутренние добродетели — честь, совесть, верность. Результатом подобных усилий должно быть достижение внутренней свободы, независимости от внешних, благоприятных или неблагоприятных для нас обстоятельств. Так рассуждал, например, великий греческий философ-стоик Эпиктет.

Подобные рассуждения, как это легко заметить, очень близки предписаниям христианской морали: «Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей; ибо все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира (сего). И мир проходит, и похоть его, а исполняющий волю Божию пребывает вовек» (1 Ин. 2:15-17).

Таков третий, философский, смысл понятия «счастье» — под счастьем понимается высшее благо, которое доступно человеку. Ясно, что, с точки зрения этого третьего понимания, счастьем христианина должна быть жизнь во Христе, ибо для нас именно Иисус Христос является высшим благом.

И наконец, последний, четвертый основной смысл слова «счастье». Он одновременно и житейский, и философский. Под счастьем в данном случае понимается удовлетворение жизнью в целом — общий положительный баланс нашей жизни. Я приведу два примера счастливых в этом смысле жизней. Первый — из Ветхого Завета — кончина патриарха еврейского народа Авраама. Библия говорит о ней такими словами: «Дней жизни Авраамовой, которые он прожил, было сто семьдесят пять лет. И скончался Авраам, и умер в старости доброй, престарелый и насыщенный жизнью, и приложился к народу своему. И погребли его Исаак и Измаил» (Быт. 25:7-9). Достойная жизнь — достойная смерть... Второй же пример — из Нового Завета — слова апостола Павла, которыми он во Втором послании к Тимофею подводит итог своей жизни. Он пишет: «Я уже становлюсь жертвою, и время моего отшествия настало. Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил; а теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия, в день оный; и не только мне, но и всем возлюбившим явление Его» (2 Тим. 4:6-8). И Авраам, и апостол Павел — это, несомненно, счастливые люди, жизнь которых была наполнена самоотверженным добросовестным служением своему призванию, служением Богу. Общие «балансы» их жизней, конечно же, в высшей степени положительны.

Таковы основные разновидности счастья, вполне доступного нам. В завершение перечислю некоторые общие житейские и психологические соображения относительно счастья и несчастья, почерпнутые мною из книги Татаркевича:

— утверждение о «недостижимости счастья» — это результат недоразумения и многозначности понятия счастья;

— от обычного состояния человека до счастья не дальше, чем до несчастья;

— счастье относительно;

— будущее для счастья важнее, чем настоящее;

— полное несчастье столь же редко, как и полное счастье;

— люди на самом деле гораздо меньше заботятся о своем счастье, чем им самим кажется;

— люди тем скорее обретают счастье, чем меньше о нем думают. В связи с последними двумя пунктами нужно отметить вот что: наше счастье тем полнее, чем меньше мы думаем о его достижении. Наиболее полное счастье — это, можно сказать, «побочный продукт» жизни, которая посвящена достижению высокой духовной цели.

ВСЕГДА ЛИ МЫ ЗНАЕМ, ЧТО ДЛЯ НАС ЛУЧШЕ?

У великого датского сказочника Ганса Христиана Андерсена есть сказка «Калоши счастья». В ней рассказывается о том, как самонадеянная фея Счастья решила облагодетельствовать людей, подкинув им специальные калоши. Эти калоши «обладают свойством переносить каждого, кто наденет их, в то место или в условия того времени, которые ему больше всего нравятся. Все желания человека относительно времени или местопребывания будут таким образом исполнены, и человек станет наконец воистину счастливым!» — говорит фея Счастья.

Суть ее наивного замысла можно выразить такими словами: если желания человека будут исполняться, то человек будет счастлив. Там же присутствовала другая, более мудрая, фея Печали, которая, услышав от первой феи о ее замысле, сказала: «Как бы не так! Твои калоши принесут человеку, который наденет их, истинное несчастье, и он благословит ту минуту, когда избавится от них!». И, конечно же, фея Печали оказалась совершенно права. Разные люди надевали эти калоши. То, что они желали,

немедленно исполнялось. И все они приходили в состояние ужаса от этого исполнения и в полном соответствии с пророчеством феи Печали благословляли ту минуту, когда избавлялись от этих калаш. Вывод: мы далеко не всегда знаем, что для нас лучше, а что хуже и не всегда желаем исполнения именно того, что, действительно, нужно для нас, и очень часто желаем того, что не только не осчастливит нас, но, наоборот, ввергнет в горести и несчастье.

Если бы человек действительно получил возможность, так сказать, «полностью распорядиться своей судьбой», то в большинстве случаев он «дораспорядился» бы до крайне несчастных для себя ситуаций. Поэтому, слава Богу, что далеко не все наши желания исполняются, слава Ему, что Он не пускает нашу жизнь, так сказать, «на самотек нашего произвола», слава Ему, что Он контролирует нашу жизнь, нашу судьбу. Народная мудрость, понимая это, выразила Божий промысел о нашей жизни пословицей — «Человек предполагает, а Бог располагает!».

Бог гораздо лучше нас знает, что нам действительно нужно, и поэтому всегда ставит нас в такие жизненные обстоятельства, которые наиболее душеполезны для нас, для нашей души. Хотя наиболее душеполезные для нас обстоятельства вполне могут быть весьма скорбными, тесными и тягостными для нашего тела, например обстоятельства телесных лишений и немощи.

Борис Викторович Раушенбах, наш выдающийся соотечественник, академик и герой труда, работавший в области космонавтики, верующий человек, в своих воспоминаниях, написанных незадолго до кончины, убежденно свидетельствует, что всегда чувствовал, правда, зачастую, так сказать, «задним числом», что его по жизни ведет какая-то Высшая сила, благожелательно к нему настроенная: «В моей судьбе не было ни одного события, менявшего жизнь к худшему. Даже самые неприятные вещи, которые со мной приключались, вели к удаче».

Замечу, что среди вещей, которые Борис Викторович мягко называет «неприятными», было и четырехлетнее содержание (с 1942 по 1946 г.) в сталинском концентрационном лагере «как немца», то есть «за национальность». В течение первого года заключения около половины его сокамерников скончались от истощения, и он сам был настолько истощен, что валился на землю от порыва ветра.

Раушенбах продолжает: «На протяжении всей моей жизни, которая началась почти с началом XX в., со мной часто происходили странные вещи — как только грянет крупная неприятность, потом выясняется, что это был единственный путь к спасению».

Подобные свидетельства содержатся и в «Архипелаге ГУЛАГ» Александра Солженицына: и его заключение, и тяжелейшая болезнь, перенесенная им, и военные испытания — буквально все, казалось бы, самые страшные события, от которых он сам в то время, когда они происходили, с ужасом отвращался, — оказывалось впоследствии промыслительным. Я думаю, что если каждый из нас попробует всерьез осмыслить ход своей жизни, то он придет точно к таким же выводам.

Наша жизнь складывается в определенный «рисунок», который выражает замысел и промысел Бога о нас! Бог — это самый гениальный Художник! Он воплощает Свой замысел о мире, в частности, рисунками наших жизней. Каждый из нас со всей нашей жизнью — это, если можно так выразиться, «штучная продукция» Господа Бога! И лучшего «рисунка» нашей жизни, чем Он предначертал нам, мы не можем изобрести! Буквально все важнейшие события нашей жизни имеют промыслительное значение, поэтому не нужно спорить с Богом в его замыслах о нас. А что нужно? Нужно, я убежден, смиренно, с радостью и благоговением принимать Его волю, Его замысел о нас.

Когда мы произносим слова Молитвы Господней («Отче наш...») и говорим: «Да будет воля Твоя...», мы должны молиться о том, чтобы Божий замысел о нас воплотился в нашей жизни наиболее полным образом. Но Господь — не диктатор: Он

не может насильно навязать нам Свой замысел о нас и обойтись без нашего свободного соучастия, поэтому немаловажна и наша доля в этом воплощении. Мы должны быть сотрудниками с Богом в деле построения нашей жизни. Жизни различных людей, как мы прекрасно знаем, складываются самым разнообразным образом. Мы существенно отличаемся друг от друга характерами и дарованиями, и живем мы в очень различных обстоятельствах. «Рисунки» наших жизней сильно различаются. Отсюда, естественно, возникает вопрос: существует ли нечто такое, к чему Творец призывает, тем не менее, каждого из нас? Ответ, я убежден, утвердителен: Бог призывает каждого из нас, к святости: «Освятитесь и будьте святы, ибо Я свят», — взывает Он к нам (Лев. 11:44). Но каким образом мы можем достойно ответить на этот призыв? Что мы должны делать, чтобы стать святыми? А делать мы должны то же самое, что мы должны делать для того, чтобы стать счастливыми, — мы должны выполнять «Заповеди блаженства».

Слово «блаженство» означает то же самое, что и слово «счастье». «Заповеди блаженства» — это христианские заповеди счастья. Напоминаю их: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство небесное? Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся. Блаженны милостивые, ибо мни помилованы будут. Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят. Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими. Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня; радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас» (Мф. 5:3-12). Так говорит Иисус!

ОТ ВНЕШНЕГО — К ВНУТРЕННЕМУ

У Николая Заболоцкого есть замечательное, пронзающее душу, очень глубокое и христианское по своему характеру стихотворение «НЕКРАСИВАЯ ДЕВОЧКА».

*Среди других играющих детей
Она напоминает лягушонка.
Заправлена в трусы худая рубашонка,
Колечки рыжеватые кудрей
Рассыпаны, рот длинен, зубки кривы,
Черты лица остры и некрасивы.
Двум мальчуганам, сверстникам ее,
Отцы купили по велосипеду.*

*Сегодня мальчики, не торопясь к обеду,
Гоняют по двору, забывши про нее.
Она ж за ними бегаёт по следу.
Чужая радость так же, как своя,
Томит ее и вон из сердца рвется,
И девочка ликует и смеется,
Охваченная счастьем бытия.
Ни тени зависти, ни умысла худого*

*Еще не знает это существо.
Ей все на свете так безмерно ново,
Так живо все, что для иных мертво!
И не хочу я думать, наблюдая,
Что будет день, когда она, рыдая,
Увидит с ужасом, что посреди подруг
Она всего лишь бедная дурнушка!*

Мне верить хочется, что сердце не игрушка,

Сломать его едва ли можно вдруг!

Мне верить хочется, что чистый этот пламень,

Который в глубине ее горит,

Всю боль свою один переболит

И перетопит самый тяжкий камень!

И пусть черты ее нехороши

И нечем ей прельстить воображенья, —

Младенческая грация души

Уже сквозит в любом ее движенье.

А если это так, то что есть красота

И почему ее обожествляют люди?

Сосуд она, в котором пустота,

Или огонь, мерцающий в сосуде?

Ответ поэта предельно ясен: красота — это, конечно же, огонь, мерцающий в сосуде, а не сосуд, возможно, внешне привлекательный, но пустой внутри.

По существу поэт вопрошает вот о чем: что в нас важное, ценнее — телесная оболочка или же наша душа? Наша «форма» или наша суть, наше содержание? Конечно же, наша душа для нас должна быть гораздо ценнее тела!.. Душа наша — это нечто вечное, неразрушимое, это то, что после смерти тела уйдет к Богу и будет пребывать с Ним в непрекращающейся райской радости.

Да, наша душа будет радоваться в раю, рядом с Богом, но при одном непременном условии: если она еще здесь, в этой земной жизни, уже выбрала Бога, а не его противника, если она приняла в себя Бога, покалась в грехах и приняла предоставила Иисусу Христу ведущее, Пасторское место. Наша душа должна стать овцой, а Иисус — ее Пастырем, и Он приведет нашу душу, на райские пажити!

В этой связи вспоминаются слова замечательного 22 псалма Давида: «Господь — Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться: Он покоит меня на злачных пажитях и водит меня к водам тихим, подкрепляет душу мою, направляет меня на стези правды ради имени Своего. Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной; Твой жезл и Твой посох — они успокаивают меня».

Да, так будет, если мы предоставим центральное место в нашей душе Иисусу Христу. Но прежде мы должны поверить как в то, что у нас есть душа, так и в то, что она бессмертна. Очень многие люди, к сожалению не верят в это. Они часто говорят в свое оправдание, что не могут поверить в это. Но это неправда! Неверно, что люди «не могут» поверить в то, что у них есть бессмертная душа, как и в то, что, существует Бог. Но верно то, что они не хотят поверить в это, потому что греховная увлеченность жизнью своего телесного сосуда, жизнью своей плоти препятствует их вере.

Вера в бессмертную душу и в то, что Бог, несомненно, существует, означает, что мы — наша душа — перед Богом в вечности будем держать ответ за все содеянное в нашей земной жизни. Поверить в то, что у нас есть бессмертная душа, значит заранее согласиться на нелицеприятный суд Божий над нами, над нашей земной жизнью, значит быть готовым понести наказание за грех — наказание в вечности. Но многим людям страшно впасть в руки Бога живого! Поэтому они упорно закрывают глаза своей души на саму себя, более того, они забывают об огне жизни своей души, перестают его поддерживать добрыми, бескорыстными деяниями. Они не любят Бога и ближнего, тяжело грешат, и огонь постепенно затухает... И там, где раньше горел огонь духа, остаются лишь пепел и остывшие угли. Душа перегорает, выгорает, умирает, очень часто еще при телесной жизни человека.

Такова, неизбежно, судьба человека, который видит смысл жизни лишь в жизни телесной оболочки, а не в жизни своей души, видит смысл жизни в сосуде, а не в огне, который заключен в нем. Эти люди терпят полный и окончательный крах в своей жизни.

Наше тело можно также уподобить одежде нашей души. Одежда изнашивается со временем. «Не гордись тряпка — ветошкой станешь!» — говорит русская пословица. Ветошку выбрасывают или сжигают.

В этой связи мне вспоминается замечательная, но страшная работа великого французского скульптора Огюста Родена, которая называется «Прекрасная Ольмьер». Эта «Прекрасная Ольмьер» когда-то в молодости была куртизанкой, то есть была блудницей. Время прошло, тело износилось... И вот изношенную, но когда-то прекрасную телесно, Ольмьер скульптор изобразил в виде понуро сидящей, внешне отвратительной старухи преклонного возраста. От этой скульптуры исходит тяжелое ощущение полнейшей, абсолютной безнадежности... Перед нами — изношенная «ветошка», которую ждет огонь, но не тот огонь, которым горит жизнь нашей души, а огонь геенны.

Да не будет этого с нами! Но чтобы подобное не произошло с нами, с нашей душой, мы должны неустанно заботиться о поддержании огня жизни духа в душе — питать этот огонь горючим нашей веры в Иисуса Христа, нашей веры Иисусу Христу. Мы должны быть Его верными последователями!

О ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВЕ НАШЕЙ ЖИЗНИ

Когда человек строит здание, он старается возвести его на прочном, надежном фундаменте. Нашу жизнь мы строим так, как строят здания. Мы свободны в своем строительстве — проектировании здания нашей жизни, в выборе материалов, из которых мы ее строим. Но все наши строительные усилия пойдут прахом, если наше сооружение не будет основано на прочном фундаменте. На каком фундаменте, на какой основе мы возводим здание нашей жизни? Задумываемся ли мы об этом? Подозреваю, что едва ли найдется хотя бы один человек, который никогда не задумывался о домостроительстве своей жизни. Все мы время от времени прикидываем возможные линии нашей будущей жизни и выбираем из этих линий те, которые представляются наиболее подходящими, наиболее желательными для нас. Все мы на что-то рассчитываем, на что-то надеемся, ставим перед собой какие-то более или менее долговременные задачи и цели. Мы хотим прочного положения уже сейчас, в настоящее время. И мы очень хотели бы иметь какие-либо гарантии на прочное, устойчивое, безопасное будущее. Человек не может не рассчитывать своего будущего. Он не может не желать себе хорошего будущего. Он не может не желать себе устойчивого, надежного и, не побоюсь этого слова, более или менее комфортного будущего. Подобные желания и стремления сами по себе ничуть не предосудительны, они естественны, нормальны.

Но люди существенным образом отличаются друг от друга в том отношении, насколько далеко они склонны заглядывать в свое будущее, хотя бы в самых общих его чертах. Многие, к сожалению, предпочитают не заглядывать далеко вперед, а живут по принципам: «Хоть день — да наш!», «Куда кривая выведет!» Жизнь таких людей случайна, хаотична, безответственна и очень часто нелепа, ее можно уподобить движению щепки в бурном весеннем ручье — движением воды полностью определяется путь этой щепки. Проплывет она свое расстояние, а потом сгниет в мусорной куче среди подобных ей щепок и прочего мусора.

Такие люди строят дом своей жизни, так сказать, «на авось» — авось устоит, авось пронесет нелегкая. Я думаю, что подобного «домостроителя жизни» вполне

можно уподобить человеку, который строит свое жилище без плана, из любого случайно подвернувшегося материала: попался кирпич — он идет в дело, попался булыжник — тоже идет в дело, попалось бревно — и оно туда же. Если же это воображаемое строительство дома происходит зимой, то и глыба льда, и смерзшаяся куча навоза тоже вполне могут пригодиться при возведении стен этого здания. Но подует ветер или пригреет весеннее солнышко, и хаотичная постройка легко обрушится и вполне может завалить своими обломками горе-строителя. И далеко не всегда из-под этого завала можно выбраться живым. Очень часто так и происходит с подобными горестроителями своей жизни. Такова одна крайность человеческого домостроительства.

Но есть и другая, прямо противоположная ей крайность: люди, которые в своем жизнестроительстве полностью, всецело, исключительно полагаются лишь на свои силы, на свой разум, свои способности, свои ресурсы. Я думаю, что такие жизнестроители — конечно же, более разумны, чем горежизнестроители, о которых я говорил раньше. Но и этих людей, которые тщательно планируют и прогнозируют свою жизнь, часто ожидает жизненный крах, причем зачастую неожиданный. Крах жизненных усилий осмотрительных людей бывает для них тем неожиданной, чем тщательнее они планировали и рассчитывали свою жизнь, чем серьезней они трудились, чем упорнее, настойчивее и трудолюбивее они были.

Именно о подобных людях, об ожидающем их жизненном крахе Спаситель говорит нам в притче о безумном богаче: «Смотрите, берегитесь любостяжания; ибо жизнь человека не зависит от изобилия его имения. И сказал им притчу: у одного богатого человека был хороший урожай в поле; и он рассуждал сам с собою: "что мне делать? Некуда мне собрать плодов моих". И сказал: "вот что сделаю: сломаю житницы мои, и построю большие, и соберу туда весь хлеб мой и все добро мое. И скажу душе моей: душа! много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись". Но Бог сказал ему: "безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?" Так бывает с тем, кто собирает сокровище для себя, а не в Бога богатеет» (Лк. 12:15-21).

Таковы две основных крайности в нашем отношении к планированию течения нашей жизни. Большинство же людей, я думаю, располагаются где-то между двумя упомянутыми крайностями: они стремятся рассчитывать свое будущее, но не слишком тщательно, не слишком подробно. Видимо, это наиболее разумная позиция, с житейской точки зрения.

Но и разумная житейская позиция вполне может нас подвести, и она не дает нам надежного фундамента для строительства нашей жизни, ибо житейский опыт, житейская мудрость рекомендуют нам строить наши расчеты на будущее на основе прошлого опыта. Но что такое прошлый опыт? Это не более чем простое обобщение того, что было, некоторая совокупность привычек. Но чем более мы устоялись в наших привычках, тем неожиданнее для нас окажется ситуация, когда привычные действия и расчеты не дадут результата, которого мы ожидали на основе прошлого опыта. Например, случай обобщения — «все лебеди белы». Люди очень долгое время видели лишь белых лебедей, и тем неожиданнее для них было увидеть черного лебедя.

Так и мы: чем дольше живем, тем более привыкаем к жизни и «располагаем жить» и дальше, тем неожиданнее и катастрофичнее для нас окажется однажды встреча лицом к лицу с необходимостью умереть.

Но мы не можем не планировать свою жизнь, не возводить здания нашей жизни. Как же нам быть? Как поступать? Я думаю, что правильный ответ таков: нужно строить свою жизнь на самом надежном фундаменте — на вере Богу, на вере Иисусу Христу, Который говорит, что всякого, кто слушает Его слова и (это очень важно) исполняет их, Он уподобляет человеку благоразумному, построившему дом свой на камне; и пойдет дождь, и разольются реки, и подуют ветры, и устремятся на дом тот; и он не упадет,

потому что основан был на камне. А всякого, кто не слушает Его слов и не исполняет их Иисус, в свою очередь, уподобляет человеку безрассудному, который построил дом свой на песке; и пойдет дождь, и разольются реки, и подуют ветры, и устремятся на дом тот; и он упадет, потому что основан был на песке (см.: Мф. 7:24-27).

О НЕУКЛОННОСТИ ПРОГРЕССА В ЖИЗНИ ДУХА: БУДЬТЕ ТЕРПЕЛИВЫ И ВЕРЬТЕ БОГУ

Вникнем в одну из притч Господа нашего Иисуса Христа.

И сказал: Царство Божие подобно тому, как если человек бросит семя в землю, И спит, и встает ночью и днем, и как семя всходит и растет, не знает он; Ибо земля сама собою производит сперва зелень, потом колос, потом полное зерно в колосе; Когда же созреет плод, немедленно посылает серп, потому что настала жатва (Мк. 4:26-29).

Эта притча содержится только у Марка. В ней говорится, что Царство Божие — это полнота осуществления Божьей власти.

В вечности, если можно так выразиться, Царство Божие существует «всегда», ибо Бог — это Абсолютный Суверен (Абсолютный Царь) Своего царства — Царь от века. Вечность — это местопребывание Бога. Во времени же — в нашем, тварном мире — Царство Божие устанавливается постепенно, как бы произрастает, растет, об этом и говорит данная притча.

«Да приидет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле как на небе» — эти слова «Молитвы Господней» выражают ту же идею — идею постепенного воцарения Бога в тварном мире. Этот процесс постепенного воцарения Бога в нашем, тварном мире имеет свое начало. Этим началом является, конечно же, земная жизнь Иисуса Христа. Процесс воцарения Бога в нашем мире имеет также свое завершение, которым будет второе пришествие Христа. Земная жизнь Иисуса Христа — это, образно говоря, время «бросания семени в землю». А Его второе пришествие — время «жатвы», нашего отчета перед Богом.

Притча также говорит о том, что Царство Божие — это Церковь в процессе роста, Церковь, как собрание верующих.

Церковь растет... Этот процесс совершается на первый взгляд незаметно для тех, кто изо дня в день наблюдает за этим ростом. Если я каждый день после посева семян буду ходить на поле, где я их посеял, то я не буду замечать существенных изменений. Но если я буду посещать это поле через неделю, то изменения будут заметны.

Эта «незаметность» процесса роста Церкви, кстати сказать, может дать повод к соблазну пессимистической оценки успешности дела Христова на земле. Так, поддавшись этому соблазну, русский философ Николай Бердяев говорил в свое время, что «христианство не удалось». Долговременное и постепенное изменение очень часто воспринимается как неизменное состояние. «Незаметность» долгоидущего процесса, восприятие его как некоей совокупности статических состояний выдающийся русский историк и этнолог Лев Николаевич Гумилев охарактеризовал как «абerrацию состояния», то есть искажение в восприятии процесса, состоящее в том, что этот процесс воспринимается как неизменное состояние.

А по поводу заметности изменений на больших временных интервалах мне вспомнились слова Л.Н.Толстого, сказанные им о Московском Кремле: «Я часто думал и говорил, что прогресса в общественной жизни нет. Но сейчас я думаю, что я был не прав. Ведь всего каких-то 200 лет тому назад вдоль этих самых стен на кольях гнили головы стрельцов. А сейчас хотя бы этого нет!»

«Зерно» же, брошенное в землю и «погибшее», чтобы дать жизнь другим зернам, в притче, которую мы сегодня рассматриваем, это, конечно же, Иисус Христос, Который принес Себя в жертву ради нас. А «урожай», соответственно, — это полнота Церкви, Главой которой является воскресший Иисус.

Анализируемая притча коротка. Но она очень многому учит нас:

1. Она говорит нам, что человек сам по себе — без Бога, без Его помощи, поддержки и водительства — беспомощен («нищ, сир, слаб и убог»). Не крестьянин возвращает семя, он даже не знает закона его роста. Секрет жизни содержится в самом семени. Человек не знает и, Я думаю, никогда не узнает глубинной тайны жизни. Человек не может сотворить ничего в том же смысле, в каком творит Бог. Человек, конечно, может открыть, изменить вещи, может усовершенствовать их, но сотворить не может. Мы не можем создать Царствия Божия, оно принадлежит Богу.

Попытки людей построить то или иное «совершенное общество на земле без Бога, уповая лишь на собственные силы, обречены на неудачу. Неудивительно поэтому, что результатом таких попыток была, в лучшем случае, казарма, а в худшем — концлагерь. Об этом говорится в Пс. 126:1: «Если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его». Да, мы сами, без Бога не Можем создать Царствия Божия, но мы можем либо способствовать его приближению, либо же препятствовать ему. Иначе говоря, скорость его наступления в какой-то степени зависит от нас. Мы не обречены на пассивность. Мы — не марионетки в Божьих руках. Мы — соучастники с Богом, соратники с Ним, соучастники в деле наступления Царствия Божия. Но ведущей силой в этом деле является, конечно же, Бог.

2. В этой притче говорится, что Царствие Божие неуклонно приближается — точно так же как и в природе рост и развитие очень часто совершаются, хотя и незаметно для глаза, но, тем не менее, непрерывно и неизбежно...

3. Притча говорит нам также о том, что будет конец мира — наступит день жатвы, великий день подведения итогов нашей земной истории, великий день последнего Божьего суда, день, в который Сеятель (Иисус Христос) соберет урожай, сохранит (для жизни вечной) полноценное зерно (праведников) и обречет на уничтожение (на муку вечную) сорняки (грешников), точнее, они сами себя своей предшествующей жизнью обрекают на муку вечную: «И пойдут сии в муку вечную, а праведники в жизнь вечную» (Мф. 25:46).

Некоторые либеральные богословы, как и некоторые христианские философы, говорят, что идея вечных адских мук якобы несовместима с убеждением, что Бог есть любовь. Они задаются таким вопросом: почему человек, который грешил в своей земной жизни конечное (ограниченное) время, должен компенсировать («отрабатывать») свои грехи в аду бесконечное (неограниченное) время — целую вечность? Например, Н.Бердяев, в частности, даже называл христианское понимание ада «садистским». Что на это сказать? Бог не садист. Садистами (по отношению к самим себе) являются люди, которые добровольно, по своей воле ввергают себя своими смертными грехами в ад, то есть свободно выбирают ад. А Бог не может отнять Своего высшего дара людям — свободы. Он уважает нас и любой наш выбор. Он не может насильно спасать нас, силой вводить людей в рай, иначе Он не был бы Богом, а мы не были бы людьми. Бог не большевик. Это большевики после революции 1917 г. заявляли российскому народу: «Мы насильно загоним вас в рай светлого коммунистического будущего железной метлой пролетариата!» — и «загнали» в концлагерь.

Рассматриваемая притча призывает нас: к *терпению* в ожидании Божьего пришествия; к *надежде* на Бога — пессимизм и отчаяние ни при каких обстоятельствах не должны овладевать душой христианина; и наконец, она призывает нас к готовности — к *постоянной готовности* встретить вернувшегося к нам Иисуса Христа.

РЕЛИГИОЗНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Я вспоминаю, если можно так выразиться, грустную юмористическую картинку из американского христианского журнала: пожилой мужчина, читающий газету, С возмущением говорит по поводу прочитанного, судя по всему, своей супруге: «Ты только подумай! В школе опять стреляют! И куда смотрит Господь Бог!!!» На что супруга вполне резонно отвечает: «А что Он может поделать, ведь Его уже давно выгнали из школы».

Я правда, добавил бы, что Бог изгнан не только из школ, но и из очень многих семей. В семье и школе перестали давать детям религиозное (нравственное, христианское) образование и воспитание. А это, я думаю, является одной из важнейших причин безнравственного и даже преступного поведения детей, а затем и взрослых. Я не хочу, конечно, сказать, что дети виноваты в безнравственности и преступности взрослых. Наоборот, в конечном счете, безнравственность и преступность взрослых является причиной безнравственности и преступности детей, которые со временем становятся безнравственными и преступными взрослыми, если, конечно, доживают до взрослости, а не умирают подростками, скажем, от передозировки наркотиков. К сожалению, нравственное растрение в нашем обществе дошло до того, например, что по государственному радио я не раз слышал трансляцию «молодежной» песенки явно наркоманического характера, в которой рефреном повторялся припев: «Буду умирать молодым... Буду умирать молодым...». Эта песенка по существу представляла собой ритмизованную мелодическую пропаганду (точнее, почти неприкрытое внушение) наркоманического образа жизни — апологию наркомании. Когда слышишь такое по радио, хочется воскликнуть: «Куда смотрит государство? Почему оно столь преступно равнодушно к нравственному здоровью своих граждан, а значит, и к своему собственному будущему? Почему оно с такой преступной легкостью отказалось от нравственного контроля за деятельностью даже своих собственных средств массовой информации — радио, телевидения, печати? Ведь гнилые и преступные граждане — это гнилое и преступное общество, которое обречено на гибель! Из гнилых бревен не сложишь добротного строения».

Вот такой порочный круг безнравственности: безнравственные взрослые, так сказать, «передают эстафету» безнравственности своим детям, которые, становясь взрослыми, в свою очередь, передадут ту же самую «эстафету» уже своим детям... Вот такая погибельная гонка поколений! Почему так происходит? Я думаю, что совершенно точный ответ на этот вопрос дает пословица: «Люди Бога забыли, оттого и все!» Я считаю этот диагноз абсолютно верным. Забвение Бога — это самая важная причина всех нравственных «перекосов» и преступлений нашего времени. Отсюда вытекает такой вывод: если мы хотим нравственного оздоровления общества и нашей жизни, если мы хотим лучшего будущего для наших детей, то должны вернуться к Богу. Но как вернуться к Нему? Очень просто: покаяться перед Ним и смиренно пригласить Его вернуться в наши семьи и в школы. Что касается наших семей, то здесь все зависит от нас: если мы попросим Бога вернуться к нам, то Он, конечно же, вернется. Препятствия к возвращению Бога в семьи не в Нем, а в нас. И устранять эти препятствия мы должны сами, своими усилиями. Иначе говоря, начальное религиозное воспитание наши дети могут и должны получать в своей семье и в воскресных церковных школах. Что же касается государственных школ, то здесь не обойтись без доброй воли государства, ибо от него зависит, будет ли Бог допущен (возвращен) в учебные заведения.

Я твердо убежден, что нужно, хотя бы на факультативной, добровольной основе по согласованию как с родителями школьников, так и с самими школьниками, дать детям возможность получать в школах религиозное образование, дать им возможность изучать Библию. Конечно, нельзя забывать, что наша страна многонациональна и

многорелигиозна. Поэтому, скажем, в традиционно исламских регионах школьники должны получить доступ к Корану. Все великие религиозные традиции в области морали учат одному и тому же.

Перед религиозным образованием, я думаю, стоят две основные цели. Во-первых, нужно расширять взгляд учащихся на мир, нужно научить их видеть за видимым миром мир Иной — невидимый, Божий мир. Во-вторых, нужно воспитывать их в понимании абсолютных нравственных ценностей, норм. Я убежден, что успешное достижение второй цели в качестве своей необходимой основы предполагает достижение первой цели, то есть предполагает, что мы уже твердо верим в существование высшего Божьего мира.

Иначе говоря, лишь в том случае, если мы научимся прозревать за видимостью нашего мира мир Иной — Высший, Божий Мир, — мы сможем уверовать и в абсолютность нравственных ценностей и норм. Если мы будем твердо убеждены в существовании Высшего, Божьего мира, то мы будем твердо убеждены и в том, что моральные заповеди абсолютны, ибо они исходят от высшего для нас авторитета — от Самого Бога.

Поясняю смысл только что сказанного на примере христианского понимания нравственности. Основа этого понимания содержится в следующих евангельских словах: «Иисус сказал...: "возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим": сия есть первая и наибольшая заповедь. Вторая же подобная ей: "возлюби ближнего твоего, как самого себя" (Мф. 22:37-39). «Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» (Мф. 7:12). Последний стих совпадает по смыслу с так называемым «золотым правилом этики». Это правило было известно людям уже с незапамятных времен. О нем говорили китайцы Конфуций и Лао Цзы, древнеиндийские мудрецы, древнегреческие философы, в частности Сократ...

В приведенных мною цитатах из Нового Завета очень хорошо представлена, так сказать, «трехуровневость» христианского понимания морали. Первый высший уровень — «Возлюби Господа Бога...». Он представляет собой апелляцию к Богу как высшему Авторитету для нас. Второй уровень — «Возлюби ближнего твоего...» — это принцип нашего отношения к людям, заповеданный нам Богом. И наконец, третий уровень — это «золотое правило», суть которого можно выразить такими словами: делай другому то, что хочешь, чтобы делали тебе. Это правило выражает собой конкретизацию принципа о любви к ближнему, которая логически выводима из двух предыдущих уровней — из более фундаментальных заповедей. Высшей же основой христианской нравственности, повторяю, является первый уровень — веры, абсолютного доверия Богу, ибо любовь к Нему предполагает абсолютное доверие.

НА КОГО МЫ СЕРДИМСЯ, КОГДА НАМ КАЖЕТСЯ, ЧТО МЫ СЕРДИМСЯ НА ДРУГИХ ЛЮДЕЙ

Древнеримская поговорка гласит: «Юпитер, ты сердишься, значит, ты не прав!» Смысл ее таков: излишняя горячность в споре выдает неправоту человека. Каково происхождение этой поговорки?.. Ее истоком является одно из сатирических сочинений древнегреческого писателя Лукиана. Верховный языческий бог древних греков Зевс (Юпитер) спорит с героем-титаном Прометеем. Когда разгневанный Юпитер, будучи не в силах убедить Прометея в своей правоте, в гневе хватается за одну из своих громовых стрел, чтобы испепелить его, он как раз и произносит: «Юпитер, ты сердишься, значит, ты неправ!»

Зададимся вопросом: на кого сердился Юпитер, когда ему казалось, что он сердится на Прометея? Наиболее очевидный ответ: Юпитер сердился на Прометея. Но

этот ответ не является полным, исчерпывающим. Юпитер сердился не только на Прометея, но и на самого себя, на свою беспомощность, а возможно, и на свою внутреннюю неправоту в споре. Возможно даже, что он гораздо больше сердился именно на себя, чем на Прометея. Очень часто подобным образом обстоит дело и с нами: нам кажется, что мы сердимся на других людей, а на самом деле сердимся на самих себя. Наш гнев очень часто представляет собой не что иное, как более или менее «удобную» для нас переориентацию нашего недовольства собою, стрелу нашего гнева, которую, мы должны были бы метнуть в самих себя, но направляем в сторону ближнего.

Быть недовольным самим собой по тому или иному поводу — это очень часто неприятное, даже мучительное, чувство, поскольку связано с ощущением собственного недостойства, ущербности, неполноценности, вины.

У датского художника-карикатуриста Херлуфа Бидструпа есть такая последовательность рисунков — как бы отдельных кадров мультфильма. На первом рисунке изображено, как начальник кричит и топает ногами на своего подчиненного, то есть всячески унижает его. Тот вынужден терпеть, не возражая, — с начальством не поспоришь! Но агрессия начальника, естественно, вызывает встречное агрессивное движение в душе подчиненного: в нем вскипает и накапливается сгусток агрессии, которую он не может обратить на своего начальника. С тем он и выходит из кабинета начальника. В душе у него все кипит, он унижен и возмущен поведением своего шефа, а также, что для него, видимо, менее заметно, он недоволен собой, ибо ущемлено его чувство собственного достоинства: его унизили, а он оказался неспособен постоять за себя. Он ощущает себя виноватым перед собой — перед внутренне присущим каждому из нас чувством своего достоинства, нашей ценности в собственных глазах. Это чувство, видимо, говорит ему: «Эх ты, не смог постоять за себя!». Далее события разворачиваются таким образом: разозленный, нахмуренный подчиненный выходит на улицу с целью прогуляться и снять психологическое напряжение. Приходит в парк, садится на скамейку... Вскоре на ту же скамейку подсаживается подросток с транзисторным приемником, из которого несется оглушительная молодежная музыка. Наш герой решительно требует уменьшить!, звук. Юнец дерзко возражает, а наш герой с наслаждением дает подростку хорошую затрещину и — это видно по рисунку — сразу же успокаивается: он разрядился. Он-то «разрядился», а подросток, в свою очередь, «зарядился» энергией гнева, возмущения, агрессивной энергией. Обиженный и сурово нахмурившийся под росток вскакивает со скамейки и уходит. Ему под ноги подворачивается доселе весело бежавшая маленькая собачонка, которую он в сердцах пинает ногой. Эстафета агрессии в очередной раз передана: подросток «разрядился», а собачонка «зарядилась». И вот нахмуренная, «заряженная» собачонка мчится по аллее, а навстречу ей в благодушном настроении идет первоисточник зла в этой истории — начальник, который распек своего подчиненного. И наша собачонка с наслаждением впивается в ногу начальника, «разряжается» и бежит дальше, уже весело виляя хвостиком. Вот такая эстафета зла — эстафета, которая замкнулась в кольцо.

Кстати сказать, и в нашей обыденной повседневной жизни зло очень часто «закольцовывается», обращается в конечном счете само на себя. Это подметил св. Августин, живший в V в.: зло содержит в себе источник своего самонаказания. Зло самонаказуемо!

Итак, недовольство самим собой часто сопровождается чувством вины, которое мы малодушно стремимся переложить на других людей. Очень хорошо об этом писал католический монах и писатель Томас Мертон: «Мы подсознательно пытаемся облегчить гнетущее нас бремя вины, перекладывая его на чужие плечи. Мы поступаем худо, а потом оправдываемся, обвиняя кого-то «другого в себе», неизвестно откуда в нас взявшегося. Но наша совесть все равно не находит покоя: слишком многое остается неразъясненным. «Другой во мне» привычен, как домашняя мебель. Тогда и приходит

искушение: в ком-то другом, вне себя отыскать равную моей вине долю зла. Получается, что мы преуменьшаем Свои грехи и в той же степени, в какой это нам удается, преувеличиваем вину других».

Болезненность и острота восприятия нами чужих грехов очень часто представляет собой не что иное, как реакцию на наши собственные грехи: я как бы «избавляюсь от своих грехов, но на другом человеке. Когда я Негодую на другого человека за его грехи, особенно за такие к которым чувствую внутреннюю склонность, я Как бы «разделяюсь» с собственными грехами, как бы избавляюсь от них. Осудив грехи в другом человеке, я фиктивно получаю «индальгенцию» для себя, то есть прощение хотя бы мысленного своего греха подобного рода. И тем сильнее я осуждаю чужие грехи, сержусь на другого человека, чем больше я сам, внутренне, возможно в глубокой тайне от себя самого, склонен к грехам подобного рода.

Видимо, имея в виду такие ситуации, Иисус говорит нам: «Не судите, да не судимы будете; ибо каким судом судите, *таким* будете судимы; и какою мерою мерите, *такою* и вам будут мерить» (Мф. 7:1).

Священное Писание призывает нас держать себя в руках: «Глупый весь гнев свой изливает, а мудрый сдерживает его». (Пр. 29:11) Конечно, мы не можем стать совершенно бесстрастными, не можем время от времени не испытывать чувства гнева на других людей и на самих себя. И иногда мы гневаемся вполне справедливо, иногда мы правы в нашем гневе. Но нужно всегда помнить вот что: даже если я прав в своем гневе, я могу доказывать свою правоту различными способами.

Билли Грэм пишет: «Библия не запрещает нам испытывать недовольство, но дает два рычага власти над ним. Первый — это очистить гнев от горечи, злости и ненависти. Второй же — это ежедневно следить за своими чувствами, особенно чувствами неприязненными. Есть старая латинская поговорка: "Тот, кто ложится спать в гневе, делит постель с дьяволом". Конечно, многое в жизни раздражает, но не забывайте: отрицательные» эмоции могут стать лазейкой для сатаны, который стремится овладеть нашими чувствами».

Нужно учиться властвовать собою. «Солнце да не зайдет во гневе вашем», — говорит апостол Павел (Еф. 4:26). А апостол Иаков обращается к нам с такими словами: «Всякий человек да будет скор на слышание, медлен на слова, медлен на гнев; ибо гнев человека не творит правды Божией» (Иак. 1:19-20).

СИЛА ЛЮБВИ

Отдельную главу книги я хочу посвятить всепобеждающей силе любви, любви, как глубокой родственной солидарности, внутреннему родственному единению живых существ. Эта сила универсальна, она есть всюду, где есть жизнь. Более того, жизнь есть лишь там, где есть любовь. Жизнь и любовь — это одно и то же. Где нет любви, там нет жизни, там царствует смерть. Любовь — это универсальная сила жизни.

Простые люди, крестьяне всегда жили цельной, содержательной, органичной жизнью. Они жили жизнью, единой с природой. Между ними и природой было искусственных «перегородок». Поэтому природу они воспринимали как органическую живую взаимосвязь одушевленных существ. Например, каждый лес для них — это целостное живое одушевленное существо, которое имеет душу.

Древнегреческий философ Эмпедокл, который жил в V в. до Р.Х., «любовью» называл универсальный принцип единения любых природных элементов.

Замечательный русский поэт Ф.И.Тютчев пишет:

*Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик —
В ней есть душа, в ней есть свобода,*

В ней есть любовь, в ней есть язык..

У И.С.Тургенева есть замечательное, потрясающее душу «стихотворение в прозе» о любви. Это стихотворение о ... воробье. Я приведу его полностью, ибо этот гениальный текст заслуживает того.

Воробей

«Я возвращался с охоты и шел по дорожке сада. Собака бежала впереди меня. Вдруг она уменьшила свои шаги и начала красться, как бы зачуяв перед собою дичь. Я глянул в даль дорожки и увидел молодого воробья с желтизной около клюва и пухом на голове. Он упал из гнезда (ветер сильно качал березы) и сидел неподвижно, беспомощно растопырив едва прораставшие крылышки. Моя собака медленно приближалась к нему, как вдруг, сорвавшись с близкого дерева, старый черногрудый воробей камнем упал перед самой ее мордой и, весь взъерошенный, искаженный, с отчаянным и жалким писком прыгнул раза два в направлении зубастой раскрытой пасти. Он кинулся спасать, он заслонил собою свое детище, а все его маленькое тело трепетало от ужаса, голосок одичал и охрип, он замирал, он жертвовал собою! Каким громадным чудовищем должна была ему казаться собака! И все-таки он не мог усидеть на своей высокой, безопасной ветке. Сила, сильнее его воли, сбросила его оттуда. Собака остановилась, попятилась. Видно, и она признала эту силу. Я поспешил отозвать смущенного пса и удалился, благоговей. Да, я благоговел перед той маленькой великодушной птицей, перед любовным ее порывом. Любовь, думал я, сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь».

Любовь — это всегда жертва: любящий всегда готов поступиться собою в пользу любимого! «Крепка, как смерть, любовь» — написано в ветхозаветной библейской книге «Песнь песней Соломона» (Песн. 8:6). Выражение «Песнь песней» означает «превосходнейшая песнь». Ее авторство традиционно приписывается мудрому древнееврейскому царю Соломону. Содержание этой книги представляет собой цикл лирических стихотворений, в которых воспеваются любовь, радость единения влюбленных и глубокая скорбь при разлуке. Многие христианские авторы дают «Песни песней» аллегорическое (образное) толкование. Они рассматривают ее как символическое выражение духовного брака (духовного союза) Иисуса Христа с Церковью, основанной Им. Другие же авторы склоняются к буквальному пониманию этой книги. Но как бы ни толковать ее смысл, сказанное в ней — «крепка, как смерть, любовь» — это великая истина. Сопоставление крепости любви с крепостью смерти, я думаю, можно понимать как выражение безусловности, бесповоротности и абсолютности любви: подлинная любовь безусловна, бесповоротна и абсолютна. Подлинно любящий абсолютно верен в своей любви.

Исток и прообраз любой подлинной любви — это жертвенная любовь Бога к миру: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин. 3:16). «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем» (1 Ин. 4:16). Кроме того, мы знаем, что мир — это образ Божий, ибо в Послании к римлянам апостола Павла написано, что из созерцания видимого мира мы познаем невидимого Бога: «невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира чрез рассматривание творений видимы, так что они безответны (Рим. 1:20). Из этих двух абсолютных истин следует, что жизнь сотворенного Богом мира, суть этой жизни — есть отражение Божьей любви, которое само является любовью.

"ГИМН ЛЮБВИ» АПОСТОЛА ПАВЛА

Я не знаю более сильных и глубоких слов о любви, чем те, которые сказал апостол Павел в главе 13 Первого послания к коринфянам. Эти слова называют

«Гимнам любви». «Если я говорю языками человеческими и им ангельским, а любви не имею, то я — медь звенящая, или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, знаю тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, — то и ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело на сожжение, а любви не имею, — нет мне в том никакой пользы. Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится. Ибо мы отчасти знаем и отчасти пророчествуем; когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится. Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое. Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан. А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше» (1 Кор. 13).

Любовь превыше всего, она превыше всех духовных даров, — говорит апостол Павел. Путь любви — это путь превосходнейший, то есть путь, который превосходит действие всех духовных даров в том случае, если мы пользуемся этими дарами без любви, которая призвана координировать и гармонизировать использование даров.

В нашей обыденной жизни словом «любовь», как правило, обозначается чувство (эмоция). Когда, например, говорят, что Иван любит Марью, то имеют в виду определенное более или менее глубокое чувство, которое Иван испытывает к Марье. Апостол же описывает любовь не как чувство, не как эмоцию. Он показывает ее проявление в действии, говорит о том, как поступают любящие. По существу словом «любовь» апостол описывает святую жизнь, которую производит в нас полнота Святого Духа.

Подлинная любовь в нас — всегда от Духа Святого, Подлинная любовь диктует мотивы наших поступков и объяснит их. Пребывание в состоянии подлинной любви — это важнейшая характеристика зрелого христианина, характеристика святого. А к святости призваны все мы, то есть все мы призваны к любви.

Павел говорит нам, что любовь долготерпелива, милосердна, бескорыстна, правдива, исполнена надежды, вынослива, не завистлива, не горда, не эгоцентрична, то есть не ставит конкретного человека в центр забот и попечений.

Но какое время в будущем имеет в виду апостол, говоря, что тогда и пророчества упразднятся, и языки умолкнут, и знание упразднится? Конечно же, время после второго пришествия Иисуса Христа.

Любовь — это живой динамический центр, который собирает, координирует, организует и регулирует духовные дары. Любовь направляет действие духовных даров, ориентирует их действие на служение ближним во славу Господа. Можно сказать, что любовь — это необходимое и достаточное условие правильного пользования духовными дарами. Дарования бесполезны, если ими пользуются без любви.

Высший вид любви — это любовь к Богу, которая проявляется прежде всего в нашей любви к ближнему. Воз любви к Богу невозможна и подлинная любовь к ближнему. Апостол Иоанн утверждал: «Кто говорит: "я люблю Бога", а брата своего ненавидит, тот лжец; Ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит» (1 Ин. 4:20). Любая подлинная любовь — это, в конечном счете, любовь к Богу.

Если любовь к Богу будет руководить нами, нашим сердцем, то мы будем святыми и не сможем совершить греховного, то есть неправильного поступка. Именно поэтому святой Августин дает такую рекомендацию для повседневной жизни: «Люби Бога и делай, что хочешь».

Почему именно любовь превышает всех духовных даров? Потому что она является образом Божиим, подобием нашего Творца, ибо «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем» (1 Ин. 4:16).

Духовные дары временны, они действуют лишь в земном, временном мире и сохраняют свое значение лишь до второго пришествия Иисуса Христа. Когда Иисус вернется к нам, верующие обретут иные дары, которые, видимо, будут бесконечно превосходить известные нам духовные дары, о которых апостол Павел пишет в Первом послании к коринфянам: слово мудрости, знания, вера, дар исцелений, дар чудотворения, дар пророчества, дар различения духов и т. д.

О дарах же, которые верующие обретут после второго пришествия Иисуса, апостол написал такие слова: «Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» (1 Кор. 2:9).

И пророчества, и знания позволяют лишь отчасти проникнуть в истину, поэтому они потеряют всякое значение, когда истина откроется нам во всей полноте и абсолютной всецелостности.

Любовь по своей природе всеобъемлюща и всепроникающая, поэтому она переживет все земное и пребудет вовеки.

В завершение скажу немного о смысле 12-го стиха из главы 13 Первого послания к коринфянам: «Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан». Апостол говорит: и этой жизни мы видим небесное как бы в тусклом зеркальном отражении, туманно и неопределенно, а и жизни будущего века нам дано будет узреть Бога «лицом к лицу».

Кстати, то, что в русской Библии переведено с оригинального греческого текста Послания словами: «видим как бы сквозь тусклое стекло», точнее было бы перевести словами: «видим как бы в туманном зеркале».

О ЗЛОРАДСТВЕ

Что такое злорадство? Это радость чужой беде, чужой напасти, чужому горю... Злорадство — это недостойное чувство, но едва ли ошибусь, если скажу, что Все мы в той или иной степени время от времени испытываем злорадные чувства. Причем мы вполне можем испытывать эти чувства в самых, казалось бы, неподходящих обстоятельствах, например, страшно сказать, когда узнаем о смерти нашего хорошего знакомого. Подобная ситуация описана в начале повести Льва Толстого «Смерть Ивана Ильича». Вот какими словами писатель говорит о реакции сослуживцев на смерть их сотоварища, которого все они любили.

«Иван Ильич ... болел уже несколько недель; говорили, что болезнь его неизлечима. Место оставалось за ним, но было соображение о том, что в случае его смерти Алексеев может быть назначен на его место, на место же Алексеева — или Винников, или Штабель. Так что, услышав о смерти Ивана Ильича, первая мысль каждого была о том, какое значение может иметь эта смерть на перемещения или повышения (его сослуживцев. — В К.)... Кроме вызванных этой смертью в каждом соображений о перемещениях и возможных изменениях по службе, могущих последовать от этой смерти, самый факт смерти близкого знакомого вызвал во всех, узнавших про нее, как всегда, чувство радости о том, что умер он, а не я. "Каково, умер: а я вот нет", — подумал или почувствовал каждый».

Так гениально-правдиво наш великий писатель подмечает очевидное чувство злорадства в казалось бы совершенно неподходящей ситуации. Гений, конечно же, Гениальный писатель, а гений — это человек, который умеет видеть то очевидное, на которое мы, обычные люди, привыкли не обращать внимание. Гений помогает нам

избавляться от подобных привычек, он очищает, обновляет, освежает наш взгляд на мир, учит видеть незамутненным взором очевидное.

Алогичность, абсурдность и бессмысленность злорадного чувства в ситуации смерти Ивана Ильича, описанной Толстым, очевидна: самый обыкновенный здравый смысл ясно говорит нам, что в подобной ситуации мы должны испытывать скорбь, а не радость, ибо смерть ближнего — это напоминание, что все мы — чуть раньше или чуть позже — умрем. Не радоваться нужно, а скорбеть.

Другой гениальный человек Блез Паскаль писал: «Представьте себе толпу людей в цепях. Все они приговорены к смерти, и каждый день одни из них умерщвляются на глазах у других. Остающиеся, видя этих и ожидающих своей очереди, видят свою собственную участь. Как надо жить людям, когда они в таком положении? Неужели заниматься тем, чтобы бить, мучить, убивать друг друга? Самые злые разбойники в таком положении не будут делать зла друг другу. А между тем все люди находятся в этом положении — и что же они делают?»

Злорадные чувства по поводу несчастий наших ближних — это не что иное, как наш больший или меньший «вклад» в умерщвление наших ближних, это наше «соучастие» в убийстве наших ближних, в делах тьмы, в сатанинских делах, ибо мы хорошо знаем, кто является «человекоубийцей от века». Ясно поэтому, что злорадство, как проявление нашей причастности ко злу, представляет собой сатанинское по своей природе человекоубийственное чувство. Кроме того, злорадство — это самоубийственное чувство, ибо все мы являемся клеточками одного организма, одного дерева человечества, которое произрастает из семени Адама. Все люди — это подлинные братья и сестры, поэтому подлинно чужого горя не бывает! Горе любого человека — это подлинно горе всего единого человечества, а значит, это и личное горе каждого.

В чем корень злорадства? Из чего вырастает это чувство? Я твердо убежден, что это чувство коренится в нашей причастности первородному, Адамову, греху, ибо все мы согрешили во Адаме. Грех отпадения от Бога живет в нашем сердце, именно этот грех представляет собой корень всех видов зла, творимого людьми, в том числе и корень злорадных чувств.

Чем я могу подкрепить это утверждение? Некоторой «аналогией с тем, как в науке обычно подкрепляют гипотезу о существовании того или иного непосредственно не наблюдаемого, гипотетического объекта.

В науке часто бывают такие ситуации. Некоторая теория говорит, что, возможно, существует такой-то объект. Но этот объект таков по своей природе, что он в принципе не может подлежать прямому наблюдению в экспериментальных условиях. В подобных случаях ученые стремятся найти хотя бы косвенные подтверждения того, что исследуемый объект действительно существует.

Они рассуждают примерно так: если данный объект действительно существует, то в наблюдаемой действительности должны происходить некоторые события, которые свидетельствуют в пользу существования изучаемого объекта и подтверждают его существование. Короче говоря, если сам изучаемый объект не подлежит прямому наблюдению, то вполне могут быть наблюдаемые -следствия его взаимодействий с другими объектами, таким способом, например, физики получают подтверждения существования элементарных частиц — электронов, протонов, нейтронов и т.д.

Совершенно аналогичным образом, на мой взгляд, стоит дело с подтверждением фундаментального, катастрофического для людей и природы в целом факта первородного греха. А именно: злые поступки, совершаемые людьми, в основе которых лежат злые мысли и чувства, особенно злые поступки, мысли и чувства, которые, образно говоря, не приносят какой бы то ни было, хотя бы даже иллюзорной, эгоистической, «выгоды» злодею, как, например, злорадные чувства, о которых рассказано у Л.Толстого, свидетельствуют о том, что люди тяготеют ко злу как

таковому, ко злу, так сказать, в «химически чистом» виде. Эти «химически чистые» злые поступки, мысли и чувства представляют собой, на мой взгляд, яркие и вполне убедительные свидетельства поврежденное нашей духовной структуры катастрофой первородного греха, катастрофой нашего отпадения от Бога!

Зло, которое, несомненно, существует в мире, — это эмпирическое, опытное, наглядное подтверждение того, что был, существует и повторяется в наших повседневных поступках! факт первородного греха. «Пятно» первородного греха, пятно фундаментальной поврежденности нашей натуры определяет, к сожалению, очень и очень многое в нашем поведении. Таков библейский диагноз зла в мире. Человечество является больным — оно больно злом.

Но если известен диагноз, причина болезни, то можно предложить и терапию, то есть метод лечения. Причина нашей болезни, нашей одержимости злом — это наше отпадение от Бога. Естественным образом наше исцеление, восстановление нашей целостности и духовного здоровья может осуществиться лишь тогда, когда мы вернемся к Богу. Русская пословица говорит: «Люди Бога забыли — от того и все!». Это абсолютно точное объяснение наличия зла в мире. Мы забыли Бога, и стали больны! Нам достаточно вспомнить Бога, и мы исцелимся! Люди должны вернуться к Иисусу Христу, вернуться через покаяние, через раскаяние в том зле, которое мы творили и продолжаем творить. Раскаяние — это искоренение, выпалывание сорняков зла из нашей души. Покаяние — это обновление, более того, возрождение нашего сердца во Христе Иисусе. На очищенную же от сорняков зла почву нашей души, почву нашего сердца, нужно высеять семена добра, Божьи семена. Сеятель же этих семян — Иисус Христос. Он не только Пастырь добрый, но и Садовник добрый, Который охраняет и возделывает сад нашего сердца, обратившегося к Богу. Именно свободное обращение ко Христу является обязательным предварительным условием нашего возрождения во Христе, ибо Он, конечно же он не будет «насильно» обращать нас к Себе. Возродим же наше сердце, нашу душу во Христе Иисусе, решительно и бесповоротно сойдем с пути лжи, зла и смерти, обратимся ко Христу Иисусу — единственному Пути Истины, добра и жизни!

ОБ ИСТИНЕ

Что такое истина? Существует ли она? Существует ли абсолютная Истина, то есть истина вечная и неизменная, которая исходит от Бога?.. Я убежден в существовании истины как просто в обыденном смысле слова, так и абсолютной.

Если бы абсолютная Истина не существовала, или была бы она была непостижима, то мы не имели бы никакого критерия для того, чтобы вообще о ней вести речь. Относительные истины существуют лишь потому, что существует абсолютная Истина, то есть некий масштаб истины, ее высший критерий. «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И.Даля слово «истина» разъясняет так: истина — это «все, что верно, подлинно, точно, справедливо, что есть». Из этого следует, что истина — это то, что есть на самом деле.

Каким образом мы узнаем истину? Можем ли мы, так сказать, «вымучить» истину, то есть насильно» добыть ее. Кстати, в основе современного естествознания лежит идея, насильственного получения истины, «пытки» природы, ее мучительства. Об этом напрямую говорит смысл слов «естеств-оиспытание», то есть научное исследование мира, и «естествоис-пытатель», то есть «мастер пыточных дел» относительно материального мира, человек, который поднаторел в пытках природы. Сами слова заставляют задуматься о подлинном смысле научных исследований.

Итак, каким образом мы получаем истину, особенно абсолютную, точнее, фрагменты истины, которые несут на себе явственный отпечаток абсолютности? Каков источник истины? Можем ли мы «вымучить» абсолютную истину, подвергая

реальность изощренным «пыткам» с помощью экспериментальных устройств, которые постоянно совершенствуются?

Вряд ли стоит отрицать, что ученые, конечно же, получают более или менее важные в практическом отношении частные (относительные) истины. Их методом получения истин являются эксперименты, то есть испытания природы, и размышления по поводу этих экспериментов. Но сами же ученые честно признают, что важнейшие результаты их исследований, то есть более или менее фундаментальные гипотезы и теории о мире, представляют собой по сути дела не более чем некоторую совокупность относительных (временных) гипотез, то есть предположений, которые раньше или позже будут принципиально уточнены и пересмотрены, а возможно, и отброшены, сданы в архив истории науки как устаревшие.

Абсолютная же, нетленная, высшая Истина — это Истина, которая принципиально не устаревает. Ясно, что на путях науки высшую Истину невозможно найти. Единственный возможный Источник Ее откровения нам — это, конечно же, Иной Высший мир, Мир Духа. Подлинным Источником Истины является не кто иной, как Бог. По существу об источнике высшей Истины очень неплохо говорит русская поговорка: «Свет плоти — солнце, свет духа — истина».

Таким образом, абсолютная Истина — это свет Духа, то есть абсолютная Истина имеет своим непосредственным Источником, конечно же, Бога. Он, и только Он, является единственным высшим источником подлинно художественного, творческого вдохновения в музыке, литературе, в изобразительных и пластических искусствах. Абсолютная Истина или фрагменты ее открываются по вдохновению свыше. Причем подобные откровения высшей Истины доступны совершенно различным по дарованию и возрасту людям. Как говорил Лев Толстой: «Истину можно услышать из уст ребенка, из уст сумасшедшего и даже, — шутливо-иронично добавлял он, — из уст женщины». Продолжая его полшутливое перечисление, могу добавить: истину можно услышать даже из «уст» железной дороги, телеграфа и телефона. В данном случае я имею в виду высказывание еврейского мудреца, хасида Рабби Авраам Яакова из Сади юры:

«— Учиться можно, глядя на любую вещь, — говорил Садигорский рабби своим хасидам, — все в этом мире существует, чтобы наставлять нас. Не только то, что создал Господь Благословенный, но и то, что сделали люди, умудряет нас.

— Чему же учит нас, — спросил один хасид с сомнением, — железная дорога?

— Тому, — ответил рабби, — что, опоздав на миг, можно упустить все.

— А телеграф? — продолжил вопрошатель.

— Тому, что каждое слово учитывается.

— Ну, а телефон? Чему нас учит телефон? — Он нас учит тому, — ответил терпеливый рабби, — что то, что мы говорим здесь, слышно Там — на небесах...»

Но, конечно же, дети, сумасшедшие, женщины и мужчины, железные дороги, телеграфы и телефоны — это не более чем рупоры, посредством которых Бог доводит истину до нас.

Для христианина же высшей Истиной — воплощенной Истиной, является Иисус Христос. Причем Он является Истиной, Которая свидетельствует об Истине. В 18 главе Евангелия от Иоанна читаем: «Пилат сказал Ему: итак Ты Царь? Иисус отвечал: ты говоришь, что Я Царь; Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего. Пилат сказал Ему: что есть истина? И, сказав это, опять вышел к иудеям и сказал им: я никакой вины не нахожу в Нем...» (Ин. 18:37-38). Судя по всему, Пилат вышел сразу же, не дожидаясь ответа на свой вопрос об истине. По существу он никакого вопроса не задавал, ибо его вопрос является риторическим, не требующим ответа. Своим коротким вопросом Пилат хотел сказать примерно следующее: «Чудак! О какой истине Ты толкуешь? Вопросы об истине едва ли разрешимы. Каждый философски образованный человек знает это. Но Ты, видимо, этого не знаешь, что, впрочем, неудивительно, ибо в вашем иудейском

захолустье невозможно получить хорошее философское образование. Но, судя по всему, Ты человек хороший, хотя и невежественный. Плохо, однако, что Твое невежество толкает Тебя на смерть. Мне жаль Тебя, и я постараюсь Тебе помочь». Такой, примерно, смысл вложил в свой риторический вопрос Пилат. Он ничего не понял! Из дальнейшего евангельского повествования мы знаем, что ему не удалось «спасти» от искупительной крестной смерти Спасителя мира — да и не могло удаться!

РАСКАЯНЬЕ

У величайшего русского поэта А.С.Пушкина, который, как хорошо известно, прожил далеко не безгрешную, особенно в молодости, жизнь, есть замечательное покаянное стихотворение под названием «Воспоминание».

*Когда для смертного умолкнет шумный день
И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет тень
И сон, дневных трудов награда,*

*В то время для меня влачатся в тишине
Часы томительного бденья:
В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья;*

*Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток;*

*И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалею, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.*

Написано это стихотворение в 1828 г., когда Пушкину было около 29 лет. Для того времени 29 лет — возраст зрелости, когда человек «с душой, с сердцем и с умом» уже вполне определился. А Александр Сергеевич был не только человеком «с душой, с сердцем и с умом», он был гениальным человеком, «беспримесным бриллиантом» поэтической одаренности. И к 29 годам он был в расцвете дарований души, ума и сердца — в высшей степени отзывчивого не только на свои боли и радости, но и на боли и радости других людей. Он был в том возрасте, когда, как он считал, уже пора дать отчет перед своей совестью — отчитаться перед собой об уже прожитом отрезке жизни.

А самоотчет о своей жизни — это прежде всего бесстрашное и честное воспоминание о том, как жил и что делал, всегда ли был на должной нравственной высоте, насколько грешен перед Богом, перед людьми и перед самим собой. Воспоминания эти даются нелегко: вспоминая прожитую нами жизнь, нам часто становится стыдно за себя и свое прошлое. Очень часто требуется проявить мужество честности и искреннего раскаяния, искреннего покаяния прежде всего перед Богом, потому что любое наше искреннее покаяние — это, в конечном счете, всегда покаяние перед Богом, перед Высшим Личным Началом мира, голос Которого в душе воспринимается нами как голос совести. Бог, а значит и совесть, знают абсолютно все о нас. Я убежден, что в глубине души мы знаем о себе абсолютно все. И самое главное:

мы всегда точно знаем, когда мы грешим, когда мы нарушаем абсолютные (непререкаемые) Божьи заповеди, то есть принципы, которым мы должны следовать в нашем поведении.

Соблюдение этих принципов заповедано Богом для неукоснительного исполнения. Поэтому мы не имеем оправдания в своих грехах и не можем сослаться на то, что «мы не знали» этих принципов и «потому», мол, грешили. Мы абсолютно все знаем и про то, как мы вели и ведем себя, и про то, как мы должны вести себя.

Но... страшно впасть в руки Бога живого, страшно подпасть суду своей совести. И очень многие люди предпочитают малодушно бежать от беспощадного суда своей совести. Более того, предпочитают усугублять свою вину, свои грехи перед Богом и людьми, погружая себя во все большие глубины бездны греха.

«Грехи любезны доводят до бездны» — говорит русская народная мудрость о грехах и соблазнах. «Бездна бездну призывает», — добавляет она же. И это действительно так: очень часто люди подавляют голос обличающей их совести, чтобы не мучиться. Но в результате еще глубже погружаются в грех, «чтобы» забыть о нем.

Александр Сергеевич не таков: он — гений, и он бесстрашен. Он смело обращается к своему прошлому, смотрит прямым взглядом на себя и на свою предшествующую жизнь. А для этого требуется немалая сила духа.

Без точного диагноза невозможно исцеление. Бесстрашный и предельно искренний самоотчет перед собой о своей жизни — это постановка диагноза. Покаяние — по начало исцеления, радикального выправления своего жизненного пути, решительного поворота от бездны Греха к Богу, начало продвижения по правильному жизненному маршруту. Более того, я убежден, что движение) к Богу — это единственный подлинно жизненный маршрут, это единственно возможный путь жизни. Все прочие пути — это пути смерти, гибели. Если мне память не изменяет, то в греческом языке первохристианских времен раскаяние в грехах называли словом «метанойя», которое означало буквально выворачивание наизнанку». Нужно вывернуть свою душу наизнанку, как перчатку, чтобы возродиться к жизни в Боге. Для того чтобы начать жить подлинной жизнью, нужно возродиться в Боге, возродиться в Иисусе Христе. И радикальное покаяние, радикальное раскаяние в своих грехах — это начало возрождения. И нет другого пути спасения нашей души!

Повернуться от бездны греха к Богу никогда не поздно! Об этом говорят как притча Иисуса Христа о работнике последнего часа (см.: Мф. 20:1-16), так и Его слова, отпускающие грехи злодею, который был распят Р правую руку от Него. Напоминаю этот последний эпизод: «И когда пришли на место, называемое Лобное, там распяли Его и злодеев, одного по правую, а другого по левую сторону.... Один из повешенных злодеев злословил Его и говорил: если Ты Христос, спаси Себя и нас. Другой же напротив унимал его и говорил: или ты не боишься Бога, когда и сам осужден на то же? И мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли; а Он ничего худого не сделал. И сказал Иисусу: помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое! И сказал ему Иисус: истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю» (Лк. 23:33,39-43). Покаяться и вернуться к Богу никогда не поздно!

ЭГОИЗМ

В «Словаре иностранных слов» дается такое разъяснение слова «эгоизм»: слово французское, происходит от латинского его, означающего «я».

Эгоизм — это себялюбие, то есть предпочтение личных интересов интересам других людей, склонность к самозамыканию человека в самом себе, к постановке себя в центр мира, к противопоставлению себя миру.

Эгоизм предосудителен. Он осуждался и осуждается всегда и везде во все времена и у всех народов. О чем свидетельствует это осуждение? О том, что

себялюбивое эгоистическое поведение противоречит очень важному нравственному инстинкту (нравственной интуиции) человека. Эгоистическое поведение противоречит нашей совести, немолчному голосу Бога в нашей душе. Всеобщее осуждение эгоизма является, как мне кажется, ярким и убедительным доводом в пользу реального бытия Бога: если в нашей душе постоянно слышен голос некоей Высшей Инстанции, Которая говорит нам о том, «что такое хорошо, и что такое плохо», то эта Высшая Инстанция, то есть Бог, несомненно, существует!

Итак, Бог вполне однозначно говорит нам, что эгоизм, то есть замыкание человека внутри самого себя, в рамках исключительно своих интересов, это плохо. Но зададимся вопросом: что именно Бог считает несомненно плохим и заслуживающим осуждения? Что нам говорит об этом Библия? Библия говорит, что Бог несомненно плохим и заслуживающим осуждения считает только одно — грех! Отсюда ясно, что эгоизм — это грех. Но какой грех лежит в основе всех других грехов? В основе других грехов лежит гордыня — первичный (по сути) грех, который заключается в отгораживании человека от Бога и от других людей.

Грех гордыни первичен не только по сути, но и по времени: грехопадение наших предков — это нечто большее, чем срывание плода с запретного дерева. Их грехопадение — это, если можно так выразиться, первый случай проявления гигантского греха гордыни, из которого, как из корня, растут и будут расти до конца времен все остальные грехи.

Почему мы можем так думать и говорить? Потому что запретное дерево в раю («дерево познания добра и зла») означает тот предел, который напоминает человеку о его сотворенности и подчиненности Богу. Отсюда ясно, что в катастрофическом для нас факте грехопадения выразилось желание человека «стать равным Богу», по существу сатанинское желание. Сатанинскую природу этого желания олицетворяет змей-искуситель. В грехопадении люди отвернулись от Бога и возвели на престол поклонения собственное гордынное «я». То есть вместо Бога стали служить идолу своего «я». Именно в этом суть греха гордыни.

Итак, гордыня уводит человека от Бога. А Бог — это высший и единственный Источник добра, красоты и истины. Значит, отход человека от Бога — это путь во зло, безобразие и ложь. Человек, живущий вне Бога, зол, безобразен и лжив. Отгородившись от высшего Источника истины и ума, подобный человек, естественно, впадает в духовное безумие, которое является источником всех прочих видов безумия. Впасть в такое состояние но и утратить веру Бога, то есть стать атеистом, — это по существу одно и то же. Именно об этом говорит в 1-м Псалтири (Пс. 13:1) царь Давид: «Сказал безумец в сердце своем: "нет Бога"».

Итак, эгоизм — это конечный источник безумия, сумасшествия. О этом же неоднократно говорил и Лев Толстой. «Сумасшествие — это эгоизм», — многократно в частных беседах повторял Лев Николаевич. Что в данном случае он подразумевал под словом «эгоизм»? Конечно же, не совсем то же самое, что мы имеем в виду, когда говорим об эгоизме в обычном житейском смысле слова.

В повседневной жизни эгоистом принято считать того, кто в своих жизненных обстоятельствах считается прежде всего со своими интересами, а не с интересами других людей. Мы имеем в виду, что для данного человека центральным и самым любимым существом мира является он сам. А что имел в виду Толстой, когда говорил, что сумасшествие — это эгоизм? Понятие эгоизма для него — это сведение мира к своему, так сказать, раздувшемуся в размер всего мира «Я».

Таким образом, под эгоизмом мы обычно понимаем постановку себя в центр мира, а Толстой — сведение мира к своему «Я» — весь мир «сокращается» до размеров «Я». Можно сказать, что из толстовского смысла слова «эгоизм» следует наш обыденный смысл, но не наоборот.

Так, человек вполне может быть эгоистом в нашем понимании и не быть таковым в толстовском понимании. Но «дорожка» от эгоизма в житейском смысле слова к эгоизму в толстовском философском смысле прочерчивается вполне прямая и ясная. Это — «дорожка» в безумие, если не в клиническое, то в безумие духовное. Путь житейского эгоизма скользок и опасен! Он в высшей степени печален, причем это — черная печаль, печаль-отчаяние, печаль-уныние. Человек, который избирает для себя путь эгоизма, обречен на жизненное поражение: он хочет для себя «счастья», а получает горе, которое не смягчено ни любовью и сочувствием к нему других людей, ни его любовью и сочувствием к другим людям, ибо он неспособен искренне и бескорыстно любить других людей. А на любовь со стороны других людей ему также невозможно рассчитывать: «как аукнется, так и откликнется». Но путь покаяния и возвращения к Богу, к полноте жизни и счастья в Боге, не заказан и эгоисту.

УНЫНИЕ

Уныние — это чувство безнадежности, которое сопровождается самообвинениями. Уныние — это тяжкий грех. Почему? Казалось бы, что плохого в том, что человек чувствует себя глубоким грешником? Плохо то, что он теряет надежду на милость Божью, на выкорчевывание из себя греха, на окончательное спасение. Древнеримский философ Сенека справедливо сказал, что «ты никого не сможешь проклясть страшнее, чем пожелав быть в гневе на себя самого». Говоря о «гневе на себя самого», он имеет в виду устойчивый и безысходный гнев, который не только не видит выхода, но убежден, что этого выхода нет, то есть опять же уныние.

Нельзя — греховно! — предаваться унынию даже в тех случаях, когда у нас, как нам может показаться, есть Все основания для него. Почему нельзя? Потому что уныние, в конечном счете, уводит человека от Бога и ввергает его в погибель. Об этом в христианском, и в частности монашеском, фольклоре существует много поучительных историй. Одну из таких историй пересказал русский философ Владимир Соловьев. Этот рассказ содержится в сочинении «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории».

В древние времена в некоей египетской пустыне уже много лет спасались два христианских отшельника. Они жили недалеко друг от друга, но не общались, лишь изредка обмениваясь взглядами, да псалмами перекликаясь. «И вот однажды удалось диаволу вложить им в душу, обоим зараз, одно намерение, и они, не говоря друг другу ни слова, забрали свою работу — корзинки и постилки из пальмовых листьев и ветвей — и отправились вместе в Александрию. Там они продали свою работу и затем три дня и три ночи кутили с пьяницами и блудницами, после чего пошли назад в свою пустыню. Один из них горько рыдал и сокрушался:

— Погиб я теперь совсем, окаянный! Такого неистовства, такой скверны ничем не замолишь. Пропали теперь даром все мои посты, и бдения, и молитвы — зараз все безвозвратно погубил!

— А другой с ним рядом идет и радостным голосом псалмы распевает.

— Да что ты, обезумел, что ли?

— А что?

— Да что ж ты не сокрушаешься?

— А о чем мне сокрушаться?

— Как! А Александрия?

— Что ж Александрия? Слава Всевышнему, хранящему сей знаменитый и благочестивый град!

— Да мы-то что делали в Александрии?

— Известно, что делали: корзины продавали, святому Марку поклонились, прочие храмы посещали...

— Да ночевали-то мы разве не в блудилище?

- Храни Бог! Вечер и ночь проводили мы на патриаршем дворе.
- Святые мученики! Он лишился рассудка... Да вином-то мы где упивались?
- Вина и яств вкушали мы от патриаршей трапезы...
- Несчастный! А целовался-то с нами кто, чтобы о горшечном умолчать?

— А лобзанием святым почтил нас на расставании отец отцов, блаженнейший архиепископ великого града Александрии и всего Египта, Ливии же и Пентаполя, Кир-Тимофей, со всеми отцами и братьями его богоизбранного клира.

— Да что ты, насмехаешься, что ли, надо мной? Или за вчерашние мерзости в тебя сам диавол вселился? С блудницами скверными целовался ты, окаянный!

— Ну, не знаю, в кого вселился диавол: в меня ли, когда я радуюсь дарам Божиим и благоволению к нам мужей священноначальных и хвалю Создателя вместе со всею тварью, или в тебя, когда ты здесь беснуешься и дом блаженнейшего отца нашего и пастыря называешь блудилищем, а его самого и боголюбезный клир его — позоришь, яко бы сущих блудниц.

— Ах ты, еретик!..

И сокрушавшийся о своем грехопадении отшельник бросился на своего товарища и стал изо всех сил его бить. После этого они молча пошли к своим пещерам, один всю ночь убивался, оглашая пустыню стонами и воплями, рвал на себе волосы, бросался на землю и колотился об нее головой, другой же спокойно и радостно распевал псалмы. Наутро кающемуся пришла в голову мысль: так как я долголетним подвигом уже стяжал особую благодать Святого Духа, которая уже начала проявиться в чудесах и знамениях, то после этого, отдавшись плотской мерзости, я совершил грех против Духа Святого, что, по слову Божию, не прощается ни в сем веке, в будущем. Но если я окончательно погиб, то что же нуду делать тут, в пустыне? И он пошел в Александрию продался распутной жизни. А между тем его прежний товарищ, продолжая свое подвижничество, достиг высшей степени святости и прославился великими чудесами"

Ясно, что Соловьев отнюдь не хочет сказать, что грехопадение само по себе вполне может оказаться «плодотворным и спасительным». Он не призывает нас с и, дорогие читатели, жить по пословице: «Не согрешишь — не покаешься, а не покаешься — не спасешься!». Нет, он призывает нас не увязать в болоте уныния, не вести себя пассивно, если мы по тем или иным причинам попали в него, а с умом выкарабкиваться на сушу — на твердую почву жизни по Божьим заповедям — жизни в Боге. Никогда нельзя впасть в грех безнадежности, отчаяния и уныния, ибо на «крючек» нашего отчаяния и уныния нас ловит враг Бога и наш враг — дьявол. Сначала он соблазняет нас, то есть способствует созданию ситуации, в которой наша удобосклонность ко греху получает легкую возможность осуществиться, а потом, когда мы впадем в приготовленную ловушку соблазна, он подсказывает погибельную мысль: «Ну что ж, теперь ты пал окончательно, спасения тебе нет и не будет... Так стоит ли оставшееся время земной жизни тратить на бесплодные сожаления о своих грехах — гуляй, веселись...». А потом и страшную ложь внушит: мол, «Бога нет», а значит, и греха нет, потому что грех — это нарушение заповедей Бога.

И первый этап его «работы», то есть подбрасывание соблазнительной мысли, и второй — лицемерное сокрушение по поводу уже совершенного греха, отражены в истории, рассказанной Соловьевым.

В заключение еще раз скажу: ни в коем случае нельзя поддаваться унынию, терять надежду на Бога, Который всегда может спасти нас, если мы обратимся к Нему. «Изглажу беззакония твои, как туман, и грехи твои, как облако; обратись ко Мне, ибо Я искупил тебя», — говорит Он нам через пророка Исаяю (Ис. 44:22).

ТОСКА, УНЫНИЕ И ДЕПРЕССИЯ:
ХРИСТИАНСКОЕ ОТНОШЕНИЕ К НИМ

«Депрессия» — слово иностранное. Означает оно то же самое, что и русские слова «уныние» и «тоска». Мы находимся в состоянии депрессии, когда нас «съедают», «гложут» грусть и тоска. Характерной особенностью депрессии является чувство безысходности, беспомощности, как будто какая-то плита давит на душу человека, и тяжело дышать, и не хватает воздуха — в духовном смысле «не хватает воздуха». И нет просвета впереди... И не видишь, не можешь найти помощи... И не на кого, и не на что опереться... Когда человек находится в депрессии, он часто испытывает чувство отвращения к себе. Причем это отвращение сопровождается чувствами вины и стыда, убеждением в том, что ты ничтожен и заслуживаешь лишь презрения. Депрессия — это постоянная, ноющая, изматывающая душевная боль. Некоторое время эта боль вполне терпима, но наступает период, когда она становится невыносимой, и человек начинает желать лишь одного — во что бы то ни стало избавиться от боли!.. Это очень опасное состояние. Желание во что бы то ни стало избавиться от боли, заглушить ее очень часто приводит людей к употреблению алкоголя и наркотиков. Алкоголь и наркотики, действительно, временно заглушают боль, но они не разрешают душевных и духовных проблем, которые «загнали» человека в тоску и уныние. Более того, алкоголь и наркотики — это такие «лекарства», которые оказываются гораздо хуже самой болезни и лишь усугубляют душевную боль. После опьянения наступает мучительное похмелье, которое добавляет тоски и уныния. Использование алкоголя и наркотиков в качестве «лекарств» от тоски и уныния может окончательно погубить человека, загнать его и «порочный крут» алкоголизма и наркомании.

В крайних случаях депрессия, особенно депрессия, усугубленная алкоголизмом и наркоманией, может привести человека к самоубийству, которое начинает казаться единственным выходом из муки уныния и Тоски. «Убью себя — и конец мукам!» — думает человек. Разумеется, так думать может лишь неверующий человек, не знающий, что за телесной смертью его может ожидать гораздо более тяжелая мука — в аду... И неверующий человек, который готов на все, чтобы прекратить мучительную душевную боль, накладывает на себя руки и губит свою душу, обрекая ее на адские мучения.

Чем вызываются тоска, уныние, депрессия? Причины могут быть самыми различными: трудные жизненные ситуации; проблемы, которые кажутся неразрешимыми — смерть близкого человека, проблемы с детьми, со здоровьем, потеря работы, цели и смысла в жизни... Неудачи и несчастья никого из нас не обходят стороной. И христиане подвержены всем обычным житейским бедам, поэтому и они могут оказаться в состоянии тоски, уныния, депрессии.

И что же нам делать, если мы по тем или иным причинам оказались в таком состоянии? Первое правило, которому должен следовать христианин, можно сформулировать так: ни в коем случае нельзя торопиться, нельзя принимать поспешных решений в стремлении найти выход из гнетущего душевного состояния. Нельзя искать обманчиво легких выходов, ни в коем случае нельзя глушить боль алкоголем и наркотиками. Если нет серьезных медицинских показаний, то не нужно принимать и таблетки — антидепрессанты, которые лишь временно смягчают душевную боль и улучшают настроение. Антидепрессанты тоже могут стать наркотиками. Я не хочу сказать, что таблетки «от плохого настроения» нельзя принимать ни в коем случае. Иногда, после серьезного медицинского обследования, их прием, видимо, оправдан. Но таблетки — это крайнее и не более чем вспомогательное для христианина средство против душевной боли. Таблетки, как алкоголь, и наркотики, лишь временно заглушают боль, на очень короткое время избавляют нас от нее, но не излечивают, не устраняют глубинных причин душевной тоски.

Христианин не должен торопиться избавиться от симптомов душевной боли, от ее проявлений. Он должен постараться выяснить для себя причины своего состояния. Нужно остановиться и задать себе вопросы: «В чем дело? Почему я страдаю? Какова причина, или причины, моего мучительного состояния?» Таково второе правило,

которому должен следовать христианин, если он впал в уныние и тоску: выявить и проанализировать возможные глубинные духовные причины того мучительного состояния, в котором он оказался. Каковы же эти возможные причины? Причиной депрессии христианина могут быть духовные заблуждения и своевременно неисповеданные перед Богом грехи, в которых мы не признаемся даже самим себе: гнев, обида, зависть, наши безнравственные поступки... Заглянем себе в душу, проанализируем нашу жизнь предельно честно, искренне, не щадя своего самолюбия, и мы обнаружим те грехи и заблуждения, которые явились причиной нашей депрессии.

А когда мы установим причину, тогда мы уже сравнительно легко найдем и лекарство от тоски. Грех — это разрушение нашей связи с Богом, отрыв нас от Бога. Соответственно, лекарством от греха — единственным лекарством от греха! — может быть лишь восстановление нашей связи с Богом, примирение с Ним. Предположим, что мы в результате анализа нашей жизни установили, что причиной депрессии является, например, то, что мы нанесли глубокую обиду нашим ближним. В этом случае лекарством должно быть восстановление добрых отношений с ними, нужно искренне признаться в нашей вине и постараться восстановить подлинно Христианские взаимоотношения с ними.

Кроме того, христианин может впасть в депрессию Из-за того, что поставил перед собой недостижимые цели — материальные или духовные, взвалил на себя непосильную ношу. Результат — депрессия. Если мы поняли, что дело обстоит именно таким образом, то мы сравнительно легко найдем и лекарство. Им в данном случае будет пересмотр наших жизненных целей и ориентиров: мы станем заниматься лишь тем, что в наших силах, что соответствует нашим способностям, талантам, которые дал нам Бог. Нет такого человека, которому Бог не дал бы какого-либо таланта, способностей. И нужно быть такими, какими нас создал Бог, принимать любить и уважать себя такими, какими нас любит и уважает Бог! Поэтому не нужно возлагать на себя непосильную ношу! А если уже возложили, то срочно сбрасывайте ее! Разумеется, сбрасывать ее нужно с умом, оглядевшись, чтобы не повредить другим людям. Ведь можно и так сбросить свое бремя, что наши ближние будут ни за что ни про что покалечены. Поэтому, избавляясь от ломящего плечи души балласта, будьте максимально внимательны к другим людям!

И наконец, главная возможная причина депрессии — это наша неспособность во всем полагаться на Бога. Если мы пришли к выводу, что именно эта причина «вогнала» нас в депрессию, то мы опять же сразу находим истинное и самое действенное лекарство: этим лекарством является восстановление нашей связи с Богом. Более того, я убежден, что восстановление, или обновление, нашей связи с Богом является универсальным лекарством от депрессии, и не только от депрессии, но и от большинства других серьезных душевных и духовных недугов и кризисных ситуаций.

Нужно, как говорит всемирно известный проповедник Билли Грэм, сделать три шага на пути к примирению с Богом и с людьми. Первый шаг таков: для восстановления или обновления нашей связи с Богом мы должны покаяться и исповедать свой грех перед Богом. Библия говорит: «Если исповедуем наши грехи, то Он (то есть Бог. — *В.К.*), будучи верен и праведен, простит нам грехи (наши) и очистит нас от всякой неправды» (1 Ин. 1:9). Исповедать грех — это значит признать свою вину перед Богом. Исповедуясь в грехах следует говорить вполне конкретно, вспомнить конкретные ситуации, то есть прочувствовать глубину своего греха. Грех перекрывает наш путь к Богу, перегораживает его. Покаяние вновь выводит к Богу.

Далее мы должны сделать второй «шаг»: приложить максимально возможные усилия к тому, чтобы избавиться от грехов. Библия говорит нам: «Скрывающий свои преступления не будет иметь успеха, а кто сознается и оставляет их, тот будет помилован» (Пр. 28:13).

И наконец, третий «шаг» возврата к Богу состоит в исправлении содеянного нами зла, в погашении огня зла, в возмещении добром, добрыми делами того ущерба, который причинили наши злые деяния.

Сделав три указанных шага, мы восстанавливаем утраченную нами связь с Иисусом Христом. И как итог, мы восстанавливаем цельность нашей душевной и духовной жизни, а значит, избавляемся от депрессии и от других тягостных душевных и духовных недугов.

Нельзя прожить свою жизнь без скорбей. Но если мы проходим наш жизненный путь вместе с Иисусом Христом, то мы вполне можем духовно радоваться и в наших скорбях. Как пишет апостол Павел: «Мы отовсюду притесняемы, но не стеснены; мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся; мы гонимы, но не оставлены; низлагаемы, но не погибаем» (2 Кор. 4:8-9).

СНОВИДЕНИЯ

Все люди видят сны, правда, не помнят их. Поэтому, Когда человек говорит, что он снов не видит, это означает, что он их просто не помнит. Сны бывают самые разнообразные: страшные и радостные, сумбурные и последовательные, связные, логичные... Иные сны бывают настолько стройными, последовательными и логичными, что когда мы просыпаемся, то не сразу понимаем, что уже переместились из мира сновидений в реальный, дневной мир. Существование подобных логичных снов (иногда эти сны бывают «с продолжением» на следующую ночь или через несколько ночей) дало основание некоторым философам заявить, что если бы все наши сны были такими же стройными и последовательными, то мы вообще не могли бы отличить реальный мир от мира нереального, мира сновидений. А индийские философы даже утверждали, что дневной мир — мир нашего бодрствующего сознания — это не более чем систематизированный сон с продолжением. Другими словами, наши сны — это лишь перерывы в ходе систематизированного сна с продолжением, который мы считаем реальным миром. Наша жизнь есть сон — сон и ночью и днем, — говорят индусы. Но это — крайняя позиция. Большинство же людей убеждены в том, что два мира — дневной мир бодрствования и ночной мир сновидений — все же радикально отличаются. Мир сновидений — это мир событий, которые лишь кажутся существующими, но не существуют на самом деле. А мир бодрствования, дневной мир — это мир реальных событий, настоящий мир. Многие также считают, что мир снов — это преимущественно мир сумбура, обрывков дневных впечатлений, которые хаотично перемешаны в психике спящего человека. Некоторые ученые предполагают, что мир сновидений — это не более чем мир «отходов», «психического мусора», который остается в нашей психике после очередного периода бодрствования. И относиться к нему нужно соответствующим образом, как к «мусору», — проснувшись, вымести его из своей головы и «сжечь», то есть забыть. Не нужно придавать сновидениям какого-либо значения — они не стоят того, чтобы слишком много о них думать. Жизнь во сне — это не настоящая жизнь. Так думают многие люди. Подобное отношение ко сну и сновидениям получило выражение в пословице: «Много спать — мало жить: что проспано, то прожито».

Но не так относились ко снам древние народы. Не так относятся к ним и многие наши современники.

В древности относились ко снам очень внимательно, сны запоминали, тщательно изучали и толковали их. На основе этих толкований довольно часто принимались важные, даже государственные, решения. Вспомним, что пишется в Библии о снах Иосифа, сына Иакова, об их толковании и исполнении. Вспомним, какую важную роль сыграли эти сны в истории древних евреев. На основании толкования снов наши предки часто предлагали тот или иной метод лечения человека.

Составлялись специальные руководства по толкованию сновидений. Одно из самых ранних таких руководств было помещено на клинописных глиняных табличках древних ассирийцев. И до сих пор многими людьми в Индии, Греции, Ливане и некоторых африканских странах применяются специальные ритуалы Получения совета через сновидения при решении особо Важных вопросов.

Историческим фактом является также то, что иногда сны приводят к крупным научным и техническим открытиям. Например, химик Фридрих Кекуле во сне открыл формулу бензольного кольца, а Дмитрий Иванович Менделеев во сне же получил окончательный толчок к построению своей периодической таблицы химических элементов.

Под воздействием снов создавались выдающиеся Произведения литературы и искусства. Так, писатель Роберт Льюис Стивенсон часто брал сюжеты для своих приключенческих романов из своих снов. Именно так и была написана жуткая, леденящая кровь «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда», история о «раздвоении единой человеческой личности на двух отдельных персонажей — доброго доктора Джекила и отвратительного мистера Хайда, история, хотя и фантастическая, но в то же время говорящая глубокую правду о каждом из нас, правду о том, что добрая сторона нашей природы соседствует со злой, отвратительной, греховной и падшей стороной. У Льва Толстого есть рассказ под названием «Что я видел во сне», в котором действительно рассказывается сон Льва Николаевича... Знаменитый испанский художник Франсиско Гойя часто видел ночные кошмары, и многие его картины были основаны на этих кошмарах. Примеров влияния сновидений на научную и художественную деятельность людей очень много.

А какое значение сновидения имеют для жизни каждого из нас? Есть очень верная поговорка: «Утро вечера мудренее». Она выражает ту истину, что сон и сновидения способствуют «утрясанию» и переработке тех проблем, с которыми мы сталкиваемся в дневное время. Поэтому очень часто, хорошо выспавшись, мы просыпаемся с готовым решением жизненной проблемы, которая накануне казалась нам едва ли разрешимой. Так что даже наш житейский опыт, наша житейская мудрость говорят нам, что сон — это не такой уж пустяк.

А что говорит по поводу сновидений наука? Как она отвечает на вопрос: зачем мы видим сны? И отвечает ли? Да, отвечает, причем предельно четко: сновидения жизненно важны для нас. Об этом говорит такой эксперимент: людей лишали сновидений — с помощью специальной методики будили их, как только они начинали видеть сон, — и через некоторое время у них появлялись признаки нарушений координация движений, ослабевала память, появлялись галлюцинации, то есть они начинали видеть то, чего на самом деле перед ними не было, порой начинала развиваться душевная болезнь. Таким образом, наука подтвердила старую житейскую мудрость, что утро вечера мудренее, что нормальный сон со сновидениями является необходимым условием сохранения нашего душевного здоровья, что сны способствуют разрешению наших дневных проблем и напряжений.

А как смотрит на сон и сновидения религия? Большинство религиозных традиций и религий придавали и придают миру сновидений очень важное значение. С религиозной точки зрения, кроме видимого мира нашего бодрствующего сознания, и параллельно этому миру существует также иной мир — невидимый. Этот невидимый мир не отделен от нашего мира жесткой перегородкой, то есть бытие двухслойно: слой видимый и слой невидимый. Причем все религии считают невидимый слой более важным, чем привычный для нас видимый слой. И христианство считает точно так же. В невидимом слое, в невидимом мире очень часто принимаются решения, которые оказывают существеннейшее влияние на ход событий в видимом мире. Невидимое очень часто управляет видимым. Когда умирает наше тело, наша душа переходит в этот невидимый мир. Когда мы засыпаем, наша душа опять же — на некоторое время! —

переходит в этот невидимый мир. «Сон смерти брат. Уснул — помер» — говорит русская пословица.

Таким образом, сновидения, во всяком случае некоторые из них, это не только не пустяк, и даже не только всего лишь способ разрешения наших житейских, творческих и научных проблем, когда наша душа размышляет «сама в себе». Сновидения — это результат посещения нашей душой иного мира, того мира, в который она уходит после смерти нашего тела. В этом ином мире мы во время сна, видимо, переживаем очень важные для нас события. Отголосками важности этих событий являются очень сильные эмоции, которые мы иногда испытываем во время сновидения — страх, ужас, ликующую радость... Причем сила этих эмоций очень часто непропорционально велика по отношению к событиям сновидения. О чем же говорит эта непропорциональность? Я думаю о том, что наши сновидения, точнее, то, что мы вспоминаем как последовательность событий сновидения, — это не более чем слабые отголоски и «иносказания» того, что мы воспринимали в ином мире.

Почему я назвал сновидения «иносказаниями» о том, что наша душа воспринимала в невидимом мире? Потому что иной мир принципиально отличается от нашего мира. Он настолько иной, что для нашего дневного, бодрствующего сознания доступны лишь метафорические, иносказательные представления о нем. Мы, говоря словами апостола Павла, воспринимаем его «как бы сквозь тусклое стекло, гадательно...» (1 Кор. 13:12).

Итак, сновидения — это иносказания, метафоры того, что наша душа воспринимает во время посещения иного мира. Наши сны — это в каком-то смысле наши индивидуальные сказки. Но, как и общенародные сказки, наши индивидуальные сказки, наши сновидения очень часто имеют глубокий духовный смысл. Как известно, «сказка — ложь, да в ней — намек, добрым молодцам урок». Нужно учиться прислушиваться к намекам наших сновидений. Подходить к ним с разбором. Учиться различать духов наших сновидений — от Бога ли они... Или от лукавого... Сновидения от лукавого нужно категорически отвергать. Об этом Библия говорит такими словами: «Если восстанет среди тебя пророк, или сновидец, и представит тебе знамение или чудо, и сбудется то знамение или чудо, о котором он говорил тебе, и скажет притом: "пойдем вслед богов иных, которых ты не знаешь, и будем служить им": то не слушай слов пророка сего, или сновидца сего; ибо чрез сие искушает вас Господь, Бог ваш, чтобы узнать, любите ли вы Господа, Бога вашего, от всего сердца вашего и от всей души вашей» (Вт. 13:1-3).

О ТАЛАНТАХ

Что завещал Бог, давая нам жизнь? Он завещал творческий труд. Именно об этом говорит евангельская притча о талантах. Этой притчей Иисус говорит нам, в каком состоянии духа мы должны ожидать его второго пришествия. Этим состоянием духа должно быть бодрствование, то есть повышенная внимательность (бдительность) в ожидании. В этом состоянии мы должны упорно трудиться всю свою жизнь на благо и Богу, и людям, и себе. Звучит же притча о талантах так:

«Итак, бодрствуйте; потому что не знаете ни дня, ни часа, в который придет Сын Человеческий, — Ибо Он, Поступит как человек, который, отправляясь в чужую страну, призвал рабов своих и поручил им имение свое. Одному дал он пять талантов, другому два, иному один, Каждому по его силе; и тотчас отправился. (Слово «талант» в данной притче имеет два смысла: определенное количество денег и наши способности и дарования). Получивший пять талантов пошел, употребил их в дело и приобрел другие пять талантов. Точно так же и получивший два таланта приобрел другие два. Получивший же один талант пошел и закопал его в землю и скрыл серебро господина своего. По долгом времени Приходит господин рабов тех и требует у них отчета. И,

подойдя, получивший пять талантов принес другие пять талантов и говорит: "господин! пять талантов ты дал вот, другие пять талантов я приобрел на них". Господин его сказал ему: "хорошо, добрый и верный раб! В малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего". Подошел также и получивший два таланта и сказал: "господин! Два таланта ты дал вот, другие два таланта я приобрел на них". Господин его сказал ему: "хорошо, добрый и верный раб! В малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего". Подошел и получивший один талант и сказал: "господин! Я знал тебя, что ты человек жестокий, жнешь, где не сеял, и собираешь, где не рассыпал; и, убоившись, пошел и скрыл талант твой в земле; вот тебе твое". Господин же его сказал ему в ответ: "лукавый раб и ленивый! Ты знал, что я жну, где не сеял, и собираю, где не рассыпал; посему надлежало тебе отдать серебро мое торгующим; и я, придя, получил бы мое с прибылью. Итак, возьмите у него талант и дайте имеющему десять талантов. Ибо всякому имеющему дастся и приумножится; а у неимеющего отнимется и то, что имеет. А негодного раба выбросьте во тьму внешнюю; там будет плач и скрежет зубов". Сказав сие, возгласил: кто имеет уши слышать, да слышит!» (Мф. 25:13-30).

Надеюсь, что мы с вами, дорогие читатели, «имеем уши, чтобы слышать». И мы ясно слышим и понимаем глубинную суть этой притчи: то, что мы обычно считаем «нашими» талантами, дарованиями и способностями, не является в полном смысле слова нашими, а представляет собой лишь то, что доверено нам Богом во временное пользование. И Господь говорит, что мы должны упражнять, разрабатывать и приумножать наши дарования. Этого мы можем достичь лишь упорным, последовательным и систематичным трудом, то есть мы призваны к труду.

Далее, притча говорит, что мы должны употреблять наши таланты не сугубо для себя, а на Божье дело, ибо «господин», то есть наш Господь, призвав нас к Себе, строго спросит с нас. Поэтому, если человеку дан, скажем, талант в области изобразительного искусства, этот человек должен изображать просветляющие и возвышающие душу картины, которые способствуют воспитанию человека в духе вечных Божьих заповедей. Настоящий художник не только не имеет права рисовать, скажем, похабные картинки или картинки для матриц фальшивых денег, но он также не имеет права превращать свой талант, прежде всего, в источник материального обогащения. Примером национального художественного гения, который сознательно служил Богу своим дарованием, является русский художник Александр Иванов — создатель великой картины «Явление Христа народу». Когда же человек перестает своим талантом служить Богу, то хочет он того или нет, он начинает служить им дьяволу и, в конце концов, лишается своего таланта. Об этом превосходно рассказал Николай Васильевич Гоголь в повести «Портрет». Советую внимательно перечитать это замечательное произведение. Литературное творчество Николая Васильевича — это очень хороший пример правильного, добросовестного отношения к своему таланту, пример не менее хороший, чем творчество Александра Иванова в области изобразительного искусства. Кстати сказать, эти великие люди — Гоголь и Иванов, очень хорошо знали друг друга и с огромным уважением относились к творчеству друг друга, что и неудивительно, ибо они одинаково в духе Евангелия понимали задачи художника-творца. Они понимали эти задачи, как именно им заданные Божьи задания.

И наконец, притча о талантах говорит нам, что настанет время жатвы — придет время, когда Господь каждого из нас спросит о том, как мы распорядились талантами, которыми Он снабдил нас, когда даровал жизнь.

Мы не имеем ни малейшего права «зарывать наши таланты в землю»! Выражение «зарыть свой талант в землю», которое означает небрежение своими способностями и дарованиями, вошло в наш язык, конечно же, из этой притчи.

Далеко не все мы, имеем особенные таланты, но каждый из нас Бог дал дарование «по его силе». И нет такого человека, который не был бы наделен каким-нибудь

Талантом, например художественным, научным, способностью к тонкому ручному труду или мужественному и самоотверженному ратному труду, способностью любить Бога или своих ближних и делать все для их блага. Я твердо убежден, что все люди в обязательном порядке наделены Богом двумя последними из перечисленных. Но сколь многие зарывают именно эти свои таланты в землю! Не талантливых от Бога людей нет!

МОЛИТВА

У Льва Толстого есть замечательная и поучительная сказка «Три старца», которая является художественным пересказом русской народной сказки жителей Олонецкого края.

Плыл однажды парусник с паломниками из Архангельска в Соловецкий монастырь. Среди паломников был и архиерей, то есть епископ. Они проплывали мимо небольшого островка, каких много в Белом море. Архиерей "случайно узнал из беседы с паломниками, что единственными жителями на этом островке являются три старца-отшельника, которые душу свою спасают. Архиерею стало интересно повидать этих старцев, и он стал уговаривать корабельщиков пристать к островку. Не сразу ему это удалось... Среди доводов старшего, то есть капитана, против того, чтобы им приставать к островку, был и такой:

«Осмелюсь доложить вашему преосвященству, не стоит смотреть на них. Слышал я от людей, что совсем глупые старики эти живут, ничего не понимают и ничего говорить не могут, как рыбы какие морские».

Однако уломал архиерей старшего — сказал, что заплатит за дополнительные труды корабельщиков. Пристали... Действительно, встретили их три старца древних — в рубище. Поговорил с ними архиерей и видит, что хороши старцы — жизнь их хороша, по его понятию угодна Богу, — но, действительно, отчасти прав был старшой — очень уж эти старцы несмышлены, просты — настолько просты, что и молиться-то толком не умеют: единственная их молитва звучала так: «Трое Вас, трое нас, помилуй нас!», то есть в своей молитве старцы «просто-напросто» соотносят себя троих с Пресвятой Троицей и просят у Троицы милости к себе... Вот и вся молитва...

Полюбились старцы архиерею, решил он научить их хотя бы одной «правильной» молитве и выбрал для научения, естественно, Господню молитву — главную молитву христиан, которой научил нас Сам Иисус Христос. Старцы с радостью согласились на обучение. Но с превеликим трудом далась им эта наука — целый день (бился с ними архиерей, пока они не затвердили «Отче наш».

Завершается же эта сказка так: «Уж смеркаться стало, и месяц из моря всходить стал, когда поднялся архиерей ехать на корабль. Простился архиерей со старцами, поклонились они ему все в ноги. Поднял он их и облобызал каждого, велел им молиться, как он научил их, и сел в лодку и поплыл к кораблю».

Поднялся архиерей на корабль, корабль отплыл, прошло некоторое время, корабль довольно-таки далеко уплыл от острова, богомольцы уже улеглись спать, одному архиерею не спалось...

«Сидит архиерей, думает, глядит в море, в ту сторону, где островок скрылся. И рябит у него в глазах — то тут, то там свет по волнам заиграет. Вдруг видит, блести и белеется что-то в столбе месячном: птица ли, чайка или парусок на лодке белеется. Пригляделся архиерей. "Лодка, — думает, — на парусе за нами бежит. Да скоро у к очень нас догоняет. То далеко, далеко было, а вот уж и вовсе виднеется близко. И лодка не лодка, на парус не Похоже. А бежит что-то за нами и нас догоняет». И не может разобрать архиерей, что такое: лодка не лодка, птица не птица, рыба не рыба. На человека похоже, да велико очень, да нельзя человеку середь моря быть. Поднялся архиерей, подошел к кормчему:

— Погляди — говорит, — что это? Что это, братец? Что это? — спрашивает архиерей, а сам уж видит — бегут по морю старцы, белеют и блестят их седые бороды, и, как к стоячему, к кораблю приближаются.

Оглянулся кормчий, ужаснулся, бросил руль и закричал громким голосом:

— Господи! Старцы за нами по морю, как по суху, бегут!

Услыхал народ, поднялся, бросились все к корме. Все видят: бегут старцы, рука с рукой держатся — крайние руками машут, остановиться велят. Все три по воде, как по суху, бегут и ног не передвигают.

Не успели судна остановить, как поравнялись старцы с кораблем, подошли под самый борт, подняли головы и заговорили в один голос:

— Забыли, раб Божий, забыли твое ученье! Пока твердили — помнили, перестали на час твердить, одно слово выскочило — забыли, все рассыпалось. Ничего не помним, научи опять.

Перекрестился архиерей, перегнулся к старцам и сказал:

— Доходна до Бога и ваша молитва, старцы Божий. Не мне вас учить. Молитесь за нас, грешных!

И поклонился архиерей в ноги старцам. И остановились старцы, повернулись и пошли назад по морю. И до утра видно было сиянье с той стороны, куда ушли старцы».

Вот такая великая сказка, истинно показывающая глубокую, возможно, самую глубокую, истину о молитве, о ее сути, глубине и силе. Я думаю, что «Три старца» — это даже не сказка, а быль, быль из области духовного мира — мира жизни Духа.

Древнекитайский мудрец Лао Цзы, который жил в VI в. до Р.Х., сказал: «Великое совершенство похоже на несовершенное. Великая полнота похожа на пустоту. Великая прямота похожа на кривизну. Великий ум похож на глупость». Последнее вполне применимо к старцам.

У наших предков существовало понятие «сокровенный сердца человек», то есть такой человек, который живет по выражению Толстого «умом сердца». Этот человек есть в потаенной глубине души каждого из нас. Его, я думаю, вполне можно было бы также назвать душой нашей души.

Именно душой нашей души мы соединяемся в молитве с Богом. Но далеко не все люди знают о ней, ибо наша беспорядочная, непутевая, грешная жизнь скрывает от нас самое лучшее — нашего «сокровенного сердца человека». Нашими грехами, как непроходимыми дебрями, зарастает дорога к душе нашей души. И святые люди, как три старца из сказки, отличаются от грешников лишь тем, что в их душах эта дорога от «поверхности» их душевной жизни к их «сокровенному сердца человеку» является прямой и чистой. Наши три старца, конечно же, были почти лишены «ума ума», которым столь гордятся многие духовно пустые люди, но «умом сердца», напрямую соединяющим их с Богом, они обладали в превосходной степени, а значит, они обладали всем!

СТАРОСТЬ

«Старость — не радость» — говорит русская пословица. И действительно, для очень многих стариков это так. Сейчас в России нелегко жить и молодым, работоспособным людям. А каково старикам? Но всегда ли и обязательно ли старость — не радость? Приведу вполне Достоверные свидетельства некоторых выдающихся стариков. Первое я взял из последних записок выдающегося писателя и драматурга Эжена Ионеско (1912 — 1994), румына по национальности, но жившего и творившего в основном во Франции. Незадолго до смерти (ему уже около восьмидесяти лет) Ионеско пишет: «Я взбешен. Я и ждал этого, и не ждал. Ждал, что волосы у меня поседеют, что при ходьбе буду помогать себе клюкой, но не ждал умственной деградации и до сих пор к ней не готов. Лет в двадцать, в тридцать каждый знает, что будет потом, знает и

как бы не знает. Все равно с этим миришься, потому что есть инстинктивная воля к жизни, страх смерти. В молодости, да и позже, все, естественно, знают, что потом состарятся, знают и не знают. Чтобы понять, что такое старость, надо состариться. Люди приходят на землю не для того, чтобы жить. Приходят, чтобы зачать и умереть. Раньше, каждое утро, вставая с постели, я говорил: слава Богу, даровавшему мне еще один день. Теперь говорю: еще один день Он у меня забрал».

Безрадостное, но сильное и беспощадно правдивое свидетельство.

Французский герцог Франсуа Ларошфуко (1613 — 1686) прожил очень беспокойную и богатую приключениями жизнь — много воевал, участвовал в разнообразных аристократических интригах. Он был не очень образован, но очень умен от природы, от Бога, а не от формального образования, которое дают в школах и университетах. На склоне лет Ларошфуко написал книгу мыслей (афоризмов) и кратких моральных размышлений, в которой он показал себя глубоким знатоком человеческой природы. Лев Толстой охарактеризовал эту книгу такими словами: «Хотя во всей книге этой есть только одна истина — та, что самолюбие есть главный двигатель человеческих поступков, мысль эта представляется со столь разных сторон, что она всегда нова и поразительна. Книга эта была прочитана с жадностью. Она приучила людей не только думать, но и заключать свои мысли в живые, точные, сжатые и утонченные обороты».

Заглавная мысль, которую Ларошфуко предпослал своей книге в качестве эпиграфа, звучит так: «Наши добродетели — это чаще всего искусно переряженные пороки». О старости же он сказал: «Немногие умеют быть стариками». Он, конечно же, имел в виду достойное несение бремени старческого возраста. К его чести нужно сказать, что сам он с большим достоинством переносил свою старость. В последние годы своей жизни Ларошфуко много страдал от болезней, от семейных потерь и огорчений. «Но недаром он много думал в своей жизни, — пишет его современница, — несмотря на все невзгоды, душевное состояние его было удивительно по своему спокойствию. Он подошел к последнему своему Часу без удивления и противления».

И наконец, обратимся к дневнику Л.Н.Толстого за 1895 год (ему было 67 лет): «Вчера видел свой портрет, и пи поразил меня своей старостью. Мало остается времени. Отец (обращается он к Богу. — *В.К.*), помоги мне употребить ее (старость. — *В.К.*) на дело Твое. Страшно №, что чем старше становишься, тем чувствуешь, что драгоценнее становится (в смысле воздействия на мир) находящаяся в тебе сила жизни, и страшно не на то потратить ее, на что она предназначена. Как будто она (жизнь) все настаивается и настаивается (в молодости Можно расплескивать ее — она без настоя) и под конец жизни густа, вся один настой».

Таким образом, у нас получилась некая последовательность свидетельств о старости: «Старость — не радость» (Ионеско), «но ее вполне можно переносить мудро и достойно» (Ларошфуко), «старость вполне может оказаться поистине драгоценным временем переживания концентрированного жизненного опыта и мудрости» (Л.Толстой). Свидетельство Толстого, конечно же, наиболее близко христианскому пониманию старости.

Чем страшит многих людей старость? Приближением смерти, то есть завершения земной жизни. Для человека, который не верит в Бога, это событие часто (хотя, возможно, и не всегда) страшно. Для христианина же приближение его кончины не должно быть страшным, ибо верующий человек знает с несомненностью, что завершение земного бытия не является завершением бытия как такового. Но и верующий человек не может не волноваться, приближаясь к моменту (или интервалу) перехода из этого мира в мир иной. Это волнение естественно. И его очень хорошо выразил Лев Толстой в дневниковой записи, которую он сделал в 1904 г.: «Боюсь ли я смерти? Нет. Но при приближении ее или мысли о ней не могу не испытывать волнения вроде того, что должен бы испытывать путешественник, подъезжающий к тому месту,

где его поезд с огромной высоты падает в море или поднимается на огромную высоту вверх на баллоне. Путешественник знает, что с ним ничего не случится, что с ним будет то, что было с миллионами существ, что он только переменит способ путешествия, но он не может не испытывать волнения, подъезжая к месту. Такое же и мое чувство к смерти», — завершает Толстой.

С христианской верой в Бога и в посмертную жизнь нашей души, а также в последующее воскресение плоти не страшны ни старость, ни смерть, которая, можно сказать, является высшим моментом истины о нас. Дай Бог, чтобы каждый из нас мог подойти к своему смертному часу, как к нему подошел апостол Павел, который написал во «Втором послании к Тимофею» такие слова: «Время моего отшествия настало. Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил; а теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия, в день оный; и не только мне, но и всем возлюбившим явление Его» (2 Тим. 4:6-8).

ВСЕ ЛЮДИ — БРАТЯ И СЕСТРЫ, **ВСЕ ЛЮДИ — РОДНЯ**

Библия говорит, что все мы произошли от одной пары людей — от Адама и Евы: «И сотворил Бог человека по образу Своему, по роду Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их. И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею...» (Быт. 1:27-28).

Когда впервые, уже в сознательном возрасте, — я прочитал эти слова в Библии, у меня сразу же возникло два вопроса: 1) действительно ли мы произошли от одной-единственной пары людей? 2) почему люди, судя по всему, беспрепятственно размножились и распространились по лицу всей земли? почему они постоянно умножаются, а не вымерли давным-давно?

На оба эти вопроса я со временем нашел, как мне кажется, вполне разумные ответы. Причем сначала я нашел ответ на второй вопрос, а впоследствии был найден и ответ на первый вопрос, точнее говоря, я получил сведения от ученых-биологов, что все современное человечество в принципе могло произойти от одной пары людей.

Второй вопрос возник благодаря школьным урокам. На уроках биологии нам рассказали, что потомство от близких родственников является нежизнеспособным и вымирает. В пример приводились древнеегипетские фараоны: чтобы стать фараоном, сын предыдущего фараона, вынужден был жениться на своей родной сестре, Ибо закон о престолонаследии гласил, что последующим фараоном может стать лишь муж дочери предшествующего фараона. Подобные близкородственные брачные союзы приводили к вырождению и вымиранию родов фараонов.

И я подумал: если у истоков человечества стояла одна единственная пара людей, и родные братья и сестры вынуждены были вступать в брачные отношения друг с другом, то почему же человечество, подобно династии фараонов, не пресеклось, не выродилось задолго до моего появления на свет? Но на этот вопрос я нашел ответ, когда понял, с чем связано вырождение, угрожающее потомству, происходящему на свет в результате брака близких родственников? Под вырождением в данном случае я понимаю прекращение, вымирание рода, связанное с неспособностью родителей произвести жизнеспособное потомство.

Оказалось, что вырождение связано с увеличением вероятности проявления в данном роде смертоносных наследственных заболеваний. Например, если сын фараона женится на своей родной сестре, и оба несут в своей наследственности вероятность заболеть, скажем, туберкулезом, то эта вероятность превращается в действительность у их ребенка. Заболев туберкулезом в раннем возрасте, он умирает, не оставив потомства. Так происходит с людьми, — носителями наследственных заболеваний, которые уже

довольно далеко по времени отстоят от Адама и Евы и которые своим греховным поведением из рода в род умножают наследственные заболевания и умирают от них.

Но так не могло быть с первыми людьми! У Адама, Евы и их детей наследственных заболеваний еще не было, ибо они вышли из рук Творца, имея абсолютно чистые, ни в малейшей степени не загрязненные наследственными заболеваниями «генетические карты» — наследственные данные. Поэтому братья вполне могли брать в жены своих сестер, и эти браки давали полноценных здоровых детей.

Лишь с течением времени, в результате греховного поведения людей появились наследственные болезни. Как следствие понимания смертоносности наследственных болезней и понимания того, что браки близких родственников должны привести к вымиранию человечества, появились категорические запреты на браки между близкими родственниками. Подобные запреты сформулированы уже в Библии. Есть они и в современных юридических законодательствах — в кодексах о браке и семье.

Итак, как мне кажется, вполне разумный ответ на второй вопрос — почему человечество не вымерло, даже если оно произошло от одной пары людей, — был найден.

Возвращаясь к вопросу о том, действительно ли мы произошли от одной пары людей или, по крайней мере, могли — с биологической точки зрения — произойти от единственной пары людей. На этот вопрос также был получен положительный ответ, причем едва ли не случайно...

Как-то мне в руки попался научный журнал на английском языке, в котором я прочел статью под названием «Ева в гене». Суть этой статьи заключалась в следующем. В каждой клеточке человеческого организма имеются так называемые митохондрии, которые являются в наших клетках чем-то вроде энергетических станций. Биологи установили, что митохондрии передаются нам от мамы. Известно, некоторые характеристики нашего организма определяются наследственным материалом, который мы получаем от отца, а иные характеристики — материалом, который мы получаем от матери. Так вот, митохондрии наших клеток определяются материнским наследственным материалом, мы получаем митохондрии, идентичные митохондриям Нашей мамы. И самое важное и интересное, что я прочел в этой статье: митохондрии всех людей идентичны! Отсюда автор статьи делает сенсационный (для науки, конечно, но не для христиан) вывод — человечество происходит от одной-единственной праотцери! Впоследствии также биологами были получены данные и в пользу единственности праотца человечества.

Для меня это было большой радостью узнать, что и наука говорит в пользу возможности происхождения человечества от одной пары людей. Но, разумеется, мы не должны обольщаться и впадать в ложную уверенность, что наука «однозначно доказала» этот факт. Речь идет лишь о правдоподобных доводах в пользу возможности происхождения человечества от единственной пары людей.

Но, для того чтобы верить тому, о чем говорит Библия, мы совсем не обязаны изучать то, что говорит о соответствующих предметах и обстоятельствах наука. Библия вполне самодостаточна! Она учит нас не биологии или физике, а прежде всего достойной жизни. Она учит, как мы можем спастись. Справедливо сказал один богослов: «Библия учит нас, как взойти на небо, то есть спасти душу. Но она не учит нас тому, как устроено небо, то есть она не учит нас устройству астрономической вселенной».

Кстати, среди богословов существуют разные толкования происхождения человечества от единственной пары людей. Это связано с возможностью, по крайней мере, двух пониманий смысла древнееврейского слова, которое в нашей Библии переведено как имя нашего праотца «Адам». Во-первых, слово «Адам» можно понимать, и так оно обычно и понимается, как имя собственное, имя первого человека,

созданного Богом в единственном числе. Но возможно и другое понимание, связанное с соответствующим словом древнееврейского языка, на котором первоначально был написан Ветхий Завет. Второе значение слова «Адам» — имя нарицательное, то есть имя, обозначающее род людей, всех людей, все человечество... В этом случае можно предположить, что совсем не обязательно род человеческий начинался с единственного человека, Адама, или с единственной пары людей — Адама и Евы. Возможно, он начался с неопределенного множества людей. Но, разумеется, частным случаем этого неопределенного множества является единственная пара людей. Получается, что первое толкование является частным случаем второго. Но какого бы толкования мы ни придерживались, ясно, что человечество в его истории представляет собой что-то вроде дерева, которое произрастает из единой корневой системы. Все мы — частицы этого единого дерена, его листья и клетки. Все мы — братья и сестры. Все мы — родня.

О ЕДИНСТВЕ МИРА - О ЕДИНСТВЕ ВСЕГО ЖИВОГО

Когда я был еще подростком, я прочитал историю, которая поразила меня. Речь шла о событии, произошедшем давным-давно в Древней Индии, в стране великих религиозных и культурных традиций.

Однажды некий мудрец прогуливался со своими учениками. Они беседовали о важнейшем принципе индийской философской мудрости, который на санскрита, языке древних индусов, выражается примерно такими звуками: «Тат твам аси», что в переводе на русский язык означает: «То есть ты». Этот принцип выражает единство, родственность всего живого. Он категорически утверждает, что любое живое существо есть ты, в буквальном смысле слова является тобой. Другими словами, граница между тобой и миром является кажущейся, по сути этой границы нет. Поэтому «чужая» боль и «чужая» радость — это в буквальном смысле слова твоя боль и твоя радость. Именно этот принцип разъяснял своим ученикам мудрец. Но они что-то недопонимали, требовали разъяснений. За разговором они подошли то ли к речной, то ли к океанской пристани и увидели такую жизненную сценку: грузится корабль; по трапу непрерывно снуют носильщики, с грузом на корабль, порожняком обратно, за новой поклажей. Погрузку регулирует надсмотрщик с бичом в руке. Печет жаркое тропическое солнце. Работа погрузчиков тяжела. Тела их блестят от пота, они устали, иногда спотыкаются. Надсмотрщик покрикивает на них, пощелкивает бичом. И тут вдруг один из носильщиков на сходнях оступается, теряет равновесие и роняет свой груз в воду. Рассвирепевший надсмотрщик кричит на него и в наказание с силой вытягивает его плетью по правому плечу. От этого удара кожа плеча рассекается, и рубец мгновенно заполняется кровью. Носильщик кричит от боли и хватается за плечо левой рукой. С криком носильщика сливается в унисон крик мудреца, он кричит и хватается за свое правое плечо. И изумленные ученики видят, что на плече их учителя, точно так же как и у носильщика, вздувается рубец, который точно так же разрывается и мгновенно заполняется кровью. Кровь проступает между пальцами руки учителя, которой он схватился за свое плечо. И тогда ученики на деле поняли суть разъяснений учителя. Они поняли смысл принципа: «Тат твам аси» — «То есть ты», или: «Ты одно с тем».

Мораль этой истории в следующем: жизнь — это тонкая сущность, которая пронизывает мир и объединяет его в себе. Когда я узнал эту историю, то интуитивно понял, прочувствовал, что этот рассказ содержит в себе глубочайшую истину о жизни, независимо от того, произошло ли это событие в действительности, или же представляет собой легенду. Причем я впоследствии понял: истина, которая содержится в рассказанной истории, не только не противоречит христианской доктрине, но, напротив, как частная истина содержится в полноте истины, возвещенной

Иисусом Христом. Отмечу в качестве примечания, что вне Христа нет истины ни о Боге, ни о жизни, ни о человеке.

Индусы убеждены, что жизненная, разумная сущность мира является конечной, высшей инстанцией. Они называют эту инстанцию Брахманом и считают, что бог по существу совпадает с миром, тождествен ему. Подобные взгляды называются пантеизмом. Пантеизм — это мнение, согласно которому бог и мир совпадают друг с другом; мир — в своей сути — это и есть бог. Думаю, что мы, христиане, в значительной степени можем согласиться с индусами, утверждающими единство жизни, отрицающими существенные границы между отдельными живыми существами и проявлениями и жизни как таковой. Но мы никак не можем согласиться с их пантеизмом, с отождествлением Бога и мира.

Бог-Творец и сотворенный Им мир должны четко различаться. Причем — мы знаем это — Бог не сотворил зла. В частности, Он не был инициатором смертности живых существ. Он сотворил лишь то, что «хорошо есьма» (Быт. 1:31). Бог сотворил лишь жизнь. В связи с м возникают вполне законные вопросы: а откуда же ась так называемая «мертвая» материя? Существует ли эта «мертвая» материя в собственном смысле слова? В данном случае я имею в виду, что существуют вида материи: «мертвая» (неорганическая), например минералы, камни и т.п., и «живая» (органическая), которой относятся все виды живых существ.

Думаю, что ответ на вопрос, действительно ли существует «мертвая» материя, должен быть отрицательным, подкрепление сказанного приведу выдержку из выступления выдающегося современного христианского пастыря и проповедника митрополита Антония (Сурожского).

«Слишком часто, — говорит он, — мы, по привычке, инерции, по лени ума, не только неверующие, но и верующие, думаем о материи, будто она инертна, мертва. И действительно, с точки зрения объективного опыта, это большей частью так. Но с точки зрения философии материи, с точки зрения ее соотношения с Творцом, Который державным словом ее призвал из небытия к бытию, это не так: все, Богом сотворенное, имеет жизнь;... в каком-то смысле, все, Богом сотворенное, может участвовать радостно и ликующе в гармонии твари. Иначе, если бы материя была просто инертна и мертва, то всякое Божие воздействие на нее было бы как бы магическим, было бы насилием; материя не была бы послушна Ему, те чудеса, которые описаны в Ветхом Завете или в Новом Завете, не были бы чудесами, то есть делом послушания и восстановления утраченной гармонии. Это были бы властные действия Бога, против которых материя, сотворенная Богом, не могла бы ничего. И это не так. Все сотворенное живет, на каждом уровне тварной жизни, своей особенной тварностью. И если мы могли бы в нашем часто холодном, тяжелом, потемневшем мире уловить то состояние материи, которое нам больше недоступно, потому что мы ее видим не Божьими глазами и не изнутри духовного опыта, мы видели бы, что Бог и все Им сотворенное связаны живой связью».

Таков христианский взгляд на материю.

БОГ СОТВОРИЛ МИР «ИЗ НИЧЕГО»

Библия говорит нам о сотворении Богом мира «из ничего» такими величественными словами: «В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и дух Божий носился над водою. И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош; и отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один». Мы знаем, что потом было еще пять дней творения. В последний, шестой, день Бог создал человека: «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их» (Быт. 1:1-5,27).

Так говорит Библия... И мы, христиане, верим слову Божьему. Но пытливый человеческий ум ищет дополнительных обоснований. И ничего плохого в этом нет, если в этих поисках мы не вступаем в противоречие с Богом.

Философское обоснование идеи, что наш мир создан «из ничего», дал уже святой Августин в IV в. Причем он подчеркнул, что мир сотворен не из какой-либо материи, а именно «из ничего». Хочу обратить ваше внимание на следующую «логическую ловушку»: выражение «из ничего» означает «из абсолютной пустоты», то есть «из того, из чего, по нашим земным меркам, ничего сделать невозможно». Отсюда напрашивается, казалось бы, естественное возражение: «Из ничего сотворить нельзя ничего!». Этим возражением до сих пор пользуются атеисты. Августин же легко парировал приведенное возражение такими словами: «Невозможное для человека и даже непредставимое для него вполне возможно для Бога!». Бог сотворил не только порядок и устройство мира, но и то, из чего мир состоит. «Почему же мир не был сотворен раньше?» — такой вопрос очень часто задают атеисты. Августин отвечает на него так: «Потому что никакого раньше не было». Другими словами, время было сотворено тогда же, когда был сотворен мир.

Августин утверждает, что Бог существует вне потока Шремени, в Нем нет никакого «раньше» и «позже», а Только вечное настоящее...

Идея о творении вселенной «из ничего» признается далеко не всеми людьми, которые задумываются о происхождении видимого нами мира. Наиболее часто говорят так: вещи не могут возникать «из ничего» в результате естественных процессов. Под естественными процессами в данном случае понимаются процессы, объяснимые законами нашего мира. Что на это сказать? Действительно, в результате естественных процессов вещи не могут возникать «из ничего». Но ведь этот довод ни в коей мере не противоречит возможности существования сверхъестественного Источника появления мира! Если мы ограничим нашу мысль передвижениями в сфере «естественного», то мы в принципе не сможем перейти к сверхъестественному. Но мы и в этом случае все же не имеем серьезных оснований для отрицания сферы сверхъестественного. Если мы слепы, то это не основание для отрицания существования мира света!

Вопрос же о творении вселенной «из ничего» представляет собой вопрос именно о сверхъестественной Причине возникновения мира. Этот вопрос вполне разумен и осмыслен, ибо наблюдаемый нами мир хорошо организован и целостен, значит, к нему можно подходить как бы «извне», то есть задаться вопросом о Причине, которая произвела его. О целостности и хорошей организованности нашего мира говорит и современная физика. Фундаментальные физические закономерности удивительно гармонично согласованы друг с другом, причем согласованы именно так, чтобы во вселенной мог существовать человек!

Один крупный советский физик, академик (между прочим, атеист), исходя из любопытства, чисто теоретически рассчитал, какие были бы возможны варианты нашей вселенной, если бы фундаментальные физические законы были чуть-чуть отличны от тех, которые действуют сейчас. Он пришел к очень интересному выводу. Оказалось, что получаются разнообразные и, с точки зрения физики, очень интересные вселенные, но ни в одной из них не было разума. Наша вселенная организована именно так, чтобы в ней мог существовать разум, чтобы в ней мог жить человек!

Итак, если существует столь хорошо организованный мир, то должна существовать и Высшая Причина, Которая произвела его. Этой Высшей Причиной может быть только Бог!

Французский философ Руссо писал так: «Я вижу в мире то единство замысла, которое заставляет меня признать Единое Начало. Если бы мне сказали, что поэма Гомера "Илиада" составила из случайно брошенного типографского шрифта, я бы не колеблясь сказал: это неправда, хотя у меня нет никакой другой причины не верить в это, кроме той, что не могу верить в что».

Как я уже сказал, современная физика свидетельствует в пользу Творца мира выявлением четкой согласованности, гармоничной взаимосвязи фундаментальных законов природы. Это, конечно, не более чем косвенное свидетельство. Существуют, однако, и более прямые научные свидетельства в пользу творения мира «из ничего». Среди них следующее свидетельство астрономии.

В 1929 г. астроном Хаббл заметил, что свет далеких Галактик несколько краснее ожидаемого. Это явление получило название «эффект красного смещения». Из наблюдения этого эффекта Хаббл сделал вывод, что вселенная расширяется, причем расширение одинаково всех направлениях — взаимное положение объектов во вселенной не меняется, меняются только расстояние между ними. (Со взаимоположением объектов вселенной происходит примерно то же, что со взаимоположением точек на поверхности воздушного шарика, Когда вы надуваете его.) На основе наблюдения «эффекта красного смещения» было высказано предположение, что в прошлом был момент, когда вся вселенная сконцентрирована в одной точке бесконечной плотности. Именно из этой точки она начала «разбегаться». Момент начала «разбегания» был назван «Большим взрывом».

Подчеркиваем: вселенная, когда она содержалась в одной точке, — это именно вся вселенная до начала ее расширения. Она не представляла собой «точку в пространстве». Никакого пространства до Большого взрыва не было! Точнее говоря, никакого другого пространства, кроме «внутреннего» пространства точки бесконечной плотности, до Большого взрыва не было! А чему же равно это «внутреннее» пространство? Естественно, нулю. Чему же иному может быть равно внутреннее пространство точки?! Итак, вселенная имела своим началом «ничто»! Она произошла из этого «ничто»! Свидетельство науки в данном случае вполне сходится со свидетельством Библии.

А вот, если можно так выразиться, свидетельство «от непосредственного взгляда на мир». В качестве этого свидетельства я приведу одно из «стихотворений в прозе» Александра Солженицына:

«Маленький желтый утенок, смешно припадая к мокрой траве беловатым брюшком и чуть не падая с тонких своих ножек, бегаёт передо мной и пищит: "Где моя мама? Где мои все?"

А у него и не мама вовсе, а курица: ей подложили утиных яиц, она их высидела между своими, грела равно всех. Сейчас перед непогодой их домик — перевернутую корзину без дна, отнесли под навес, накрыли мешковиной. Все там, а этот затерялся. А ну-ка, маленький, иди ко мне в ладони.

И в чем тут держится душа? Не весит нисколько, глазки черные — как бусинки, ножки — воробьиные, чуть-чуть его сжать — и нет. А между тем — тепленький. И клювик его бледно-розовый, как наманикюренный, уже разлапист. И лапки уже перепончатые, и желт в свою масть, и крыльца пушистые уже выпирают. И вот даже от братьев отличился характером.

А мы — мы на Венеру скоро полетим. Мы теперь, если дружно возьмемся, — за двадцать минут целый мир перепашем.

Но никогда! — никогда, со всем нашим атомным могуществом мы не составим в колбе, и даже если перья и косточки нам дать, — не смонтируем вот этого невесомого жалкенького желтенького утенка...».

Короче говоря: не может быть, чтобы тонкая организованность, гармоничность и красота предметов этого мира, особенно живых существ, были «чисто случайны»! Следовательно, они не случайны. Значит, существует Высшее Начало, Которое сотворило эту красоту и организованность, существует Бог — Творец и Устроитель мира!

УВИДЕТЬ БОГА!

«Бога нет», — говорят атеисты. Что они имеют в виду, когда говорят это?

Думаю, что существует два принципиально различных типа атеистических убеждений, два типа «отрицателей Бога».

К первому типу относятся те люди, которые без Каких бы то ни было глубоких раздумий, в значительной степени автоматически на вопрос о существовании Бога говорят: «Бога нет». На вопрос же: «Почему вы не порите в Бога?», такие люди могли бы вполне искренне ответить: «Нас так учили». И действительно, всех нас Так учили в советском государстве, начиная чуть ли не с датского сада. Атеизм подобного рода бездумен, поверхностен, автоматичен и, я думаю, не является большим, смертным, грехом, поскольку он не затрагивает глубин души человека. Атеизм такого рода — это просто-напросто предрассудок, то есть имеет дорассудочную природу, основан на чистом внушении. Но существуют, если можно так выразиться, и более глубокие атеисты. Это люди, которые вполне сознательно отказались от Бога. О таких людях раньше говорили, что они «продали душу дьяволу». Подобные люди, сатанисты, несомненно существуют. Глубокий, принципиальный выбор не Бога, а сатаны, осуществляется в сердце человека: «Сказал безумный в сердце своем: нет Бога» (Пс. 13:1). Почему они осуществили свой страшный, душепогибельный, выбор — это очень непростой вопрос.

Но речь идет не об этих отступниках от Бога, а об атеистах первого рода, об атеистах, так сказать, «по привычке», которые обрели свои «атеистические убеждения» в советской школе, в советском государстве, объявившем себя атеистическим и стремившимся насильно пропагандировать поверхностные атеистические предрассудки как в школах, так и в высших учебных заведениях.

Подобных атеистов большинство, и если их попросить обосновать отрицание ими Бога, скорее всего, они, не раздумывая, скажут, что «наука доказала — Бога нет».

В связи с атеистической аргументацией подобного рода мне припоминается один замечательный рассказ писателя Бориса Житкова. Я прочитал этот рассказ очень давно, более сорока лет тому назад, так что при его пересказе я, возможно, искажу некоторые детали. Это рассказ о том, как маленькому мальчику очень хотелось познакомиться с крохотными, симпатичными человечками, жившими, как ему казалось, в радиоприемнике. Он всячески старался проследить за ними, уловить момент, когда они выходят из репродуктора, ведь он знал, что большие, настоящие люди не сидят вечно в своих домах. Но ему никак не удавалось застать человечков врасплох. И тогда он пришел к выводу, что они хитры и наблюдательны, и выходят только тогда, когда он спит. Наконец, отчаявшись, он взломал радиорепродуктор и, конечно же, к своему великому разочарованию, никаких человечков не обнаружил.

Этот мальчик не был глуп и не сделал отсюда «глубокомысленного» вывода, что отсутствует также и какой бы то ни было источник голосов из репродуктора. Потом он, конечно, узнал в школе, что источником этих голосов являются радиоволны.

Насколько же наивнее этого ребенка те взрослые дяди и тети, которые, не имея опыта непосредственного созерцания Бога, как Творца окружающего мира и Промыслителя о нем, самоуверенно заявляют на этом «основании», что «Бога нет». По существу же они поступают подобно герою рассказа Житкова: «взламывают» окружающий мир, то есть изучают научными методами его устройство, но не «найдя» непосредственно Создателя мира, делают безапелляционный и логически необоснованный вывод, что этого Создателя нет.

Именно таким «наивным» человеком был, например, Генеральный секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущев, когда заявил, что теперь, после полета Юрия Гагарина в космос, мы можем точно сказать, что Бога нет, ибо Гагарин его там не видел. Точно таким же «наивным» является любой человек, который заявляет, что, поскольку ученые не видят Бога ни в микроскоп, ни в Телескоп, «Бога нет».

И насколько же мудрее и духовно глубже этих «отрицателей» существования Бога, этих наивных атеистов является любой, возможно даже малообразованный, Человек, который, непосредственно наблюдая красоту и чудесную организованность окружающего нас мира, из этого прямого наблюдения делает единственно правильный вывод: несомненно, существует Высшее Начало, Которое создало эту красоту. Видимое говорит о невидимом, наблюдаемый нами мир с высшей степенью убедительности говорит нам о Творце нашего мира, о Боге. Это превосходно выразил апостол Павел словами: «Невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира чрез рассматривание творений видимы» (Рим. 1:20).

Да, крохотных человечков в радиоприемнике нет, но радиоволны, которые он воспринимает и передает, несомненно, существуют. Эти радиоволны передаются через радиоприемник и воспринимаются нашим слухом. Да, Бог невидим ни в микроскоп, ни в телескоп, но Его действия видны в нашем мире повсюду и ясно воспринимаются духовно чуткими людьми. Люди, которые имеют «глаза духа» и обладают духовным зрением, ясно видят, воспринимают Бога. А телесными очами увидеть Бога, конечно же, невозможно — не стоит и стараться... Об этом говорит Библия: «Бог есть дух...» (Ин. 4:24); и Его «никто из человеков не видел и видеть не может» (1 Тим. 6:16).

Да, видеть Бога телесными очами невозможно, но встретиться с Ним, подобно тому как с Ним встретился апостол Павел (тогда еще Савл) на пути в Дамаск, вполне возможно. Есть много в высшей степени достоверных свидетельств о подобных встречах. Приведу свидетельство ныне здравствующего митрополита Антония (Сурожского). Он рассказывает о том времени, когда ему было четырнадцать лет, и он упорно отвергал Бога.

Дело происходило во Франции в тридцатые годы в русской послереволюционной эмигрантской среде. Будущего митрополита окружали верующие люди, которые упорно убеждали его, что Бог существует. И вот однажды, чтобы окончательно «проверить и покончить с этим», он попросил у мамы Евангелие, заперся в своем углу, посмотрел на книжку и обнаружил, что евангелий четыре, а раз четыре, то одно из них, конечно, должно быть короче других. Вот как об этом рассказывает сам Антоний: «И так как я ничего хорошего не ожидал ни от одного из четырех, я решил прочесть самое короткое. И тут я попался; я много раз после этого обнаруживал, до чего Бог хитер бывает, когда Он располагает Свои сети, чтобы поймать рыбу; потому что ... Марк писал именно для таких молодых дикарей, как я, — для римского молодняка. Этого я не знал, но Бог знал... И вот со мной случилось то, что бывает иногда на улице, знаете, когда идешь — и вдруг повернешься, потому что чувствуешь, что кто-то на тебя смотрит сзади. Я сидел, читал и между началом первой и началом третьей глав Евангелия от Марка, которое я читал медленно, потому что язык был непривычный, я вдруг почувствовал, что по ту сторону стола, тут, стоит Христос... И это было настолько разительное чувство, что мне пришлось остановиться, перестать читать и посмотреть. Я долго смотрел; я ничего не видел, не слышал, чувствами ничего не ощущал. Но даже когда я смотрел прямо перед собой на то место, где никого не было, у меня было то же самое яркое сознание, что тут стоит Христос, несомненно. Помню, что я когда откинулся и подумал: если Христос живой стоит - значит, это воскресший Христос. Значит, я знаю достоверно и лично, в пределах моего личного, собственного опыта, что Христос воскрес и, значит, все, что о Нем говорят, — правда».

Таково поразительное и в высшей степени достоверное свидетельство митрополита Антония о его встрече с иным Христом в тридцатые годы в Париже.

БОГ И ЧЕЛОВЕК

Для того чтобы более доступно истолковать взаимосвязь между Богом и человеком, попробую обратиться к строкам из оды Гаврилы Романовича Державина «Бог».

Ода — это поэтический жанр, который был распространен в русской поэзии XVII — XVIII вв. Одами назывались торжественные стихотворения, посвященные какому-либо историческому событию или герою. Из названия оды Державина ясно, что ее героем является Бог.

*Тебя, душа моя быть чаёт,
Вникает, мыслит, рассуждает:
Я есмь — конечно есть и Ты!*

*Ты есть! — природы чин вещает,
Гласит мое мне сердце то,
Меня мой разум уверяет,
Ты есть — и я уж не ничто!*

*Частица целой я вселенной,
Поставлен, мнится мне, в почтенной
Средине естества я той,
Где кончил тварей Ты телесных,
Где начал Ты духов небесных
И цепь существ связал всех мной.*

*Я связь миров повсюду суищих,
Я крайня степень вещества;
Я средоточие живущих,
Черта начальна божества;
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь — я раб — я червь — я бог!*

Слово «бог» в последней строчке написано, естественно, с маленькой буквы, так же как в 81 псалме, в котором Бог говорит: «Я сказал: вы — боги, и сыны Всевышнего все вы».

*Но, будучи я столь чудесен,
Отколе произошел? — безвестен;
А сам собой я быть не мог.
Твое созданье я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источник жизни, благ Податель,
Душа души моей и Царь!*

Хотя архаичный язык этого произведения не всегда легко воспринимается, но смысл приведенного текста в основном понятен.

Итак, попробую прокомментировать некоторые строчки из оды.

«Я есмь — конечно есть и Ты!». Дословный смысл этой строки таков: я существую, следовательно (с логической необходимостью), существует и Бог. Казалось бы, это утверждение абсурдно и нелепо, ибо оно ставит существование Бога в зависимость от моего существования — я как бы становлюсь причиной существования Бога. Но Державин имеет в виду, что наличие человека — это достаточное основание для умозаключения о наличии Бога.

Мое существование, мое наличие в этом мире является для меня вполне достаточным основанием, чтобы утверждать, что Бог, несомненно, существует. Человек сотворен по образу Божию. Вот как говорит об этом Библия: «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его» (Быт. 1:27). Иначе говоря, Бог — это Пробраз, Оригинал, а человек представляет собой образ Божий, Его копию примерно в том же смысле, в каком фотография является копией представленного на ней человека.

Но, говоря о том, что человек — это образ Божий, мы не должны забывать, что между нами и Богом дистанция огромного размера. Эта дистанция гораздо больше, чем дистанция между фотографией и человеком.

Итак, рассматривая фотографию человека, мы можем с уверенностью заключить, что этот человек существует (или существовал) в действительности. От нашего наличия в мире мы можем с уверенностью заключить, что существует наш Пробраз — Бог. Именно это имел в виду Державин, когда написал «я есмь — конечно есть и Ты!».

Далее обратимся к следующим строкам: «Ты есть! — Природы чин вещает, //Гласит мое мне сердце то, // Меня мой разум уверяет, // Ты есть — и я уж не ничто!»

Первая строка говорит, что в пользу бытия Божия, в пользу существования Творца мира убедительно свидетельствует «чин природы», то есть порядок и законосообразность реального мира. Другими словами, если реальный мир столь премудро устроен, то, несомненно, существует и его высший премудрый Устроитель, то есть Бог.

Здесь можно привести такой пример. Предположим, что человек из первобытного племени в африканских джунглях, который никогда не видел часов, однажды находит на лесной тропе часы, которые накануне обронил белый путешественник. Хотя туземец никогда не встречал ничего подобного, он, я думаю, сразу же догадается об искусственном происхождении этого странного предмета. Он поймет, что этот предмет не упал с дерева, а имеет своего создателя, наделенного разумом. Об этом ему предельно ясно скажет устройство предмета, который оказался в его руках.

Подобным образом, наблюдая в высшей степени премудро устроенный материальный мир, мы легко приходим к выводу, что этот мир имеет своего Творца.

Анализируемые строки оды представляют собой утверждение, что у нас есть два источника доводов в пользу существования Бога — это разум, то есть рациональная (логическая) мысль, и наше сердце, то есть непосредственное глубинное эмоциональное чувство Бога.

Можно сказать, что разумом мы, так сказать, «вычисляем» Бога — приводим логические доводы в пользу Его существования; а сердцем мы непосредственно воспринимаем, чувствуем Бога — принимаем Его в себя. И конечно же, для нашего сердца Бог гораздо ближе, чем для нашего разума. «У сердца есть свои резоны — которых не знает разум», — сказал Блез Паскаль.

Важно обратить внимание на обращение поэта к Богу: «Ты есть — и я уж не ничто!» Почему человек есть «не ничто»? Ответ содержится в последующих строках оды. Человек — это связь между материальным и духовным мирами, созданными Богом: «Я...поставлен...в...середине естества...//Где кончил тварей Ты телесных, //Где начал Ты духов небесных //И цепь существ связал всех мной». Человек, по мысли Державина, это место соединения, место связи мира духовного с миром материальным. Он говорит, что без нас сотворенный Богом мир распался бы. Таким образом, мир нуждается в нас! Мы, по замыслу Бога, играем очень большую роль во вселенной. Именно это выражает Гаврила Романович, когда говорит, что мы — «не ничто».

Завершается процитированный мною отрывок словами, что Бог является «душой нашей души», то есть «сердцевиной нашей сердцевины», — самым важным, самым значительным, самым ценным, что может в нас быть.

Когда мы призываем Иисуса войти в наше сердце, то мы призываем Его стать именно душой нашей души!

ЭВТАНАЗИЯ С ХРИСТИАНСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Эвтаназия... Что же это такое? Слово «эвтаназия» имеет греческое происхождение и означает дословно «прекрасная смерть». В данном случае имеется в виду безболезненное умерщвление безнадежно больного человека. В Голландии, например, эвтаназия практикуется уже несколько лет, но споры о допустимости ее не затихают. Попробуем разобраться с этим вопросом и определить христианскую позицию в этом вопросе.

Сторонники эвтаназии говорят, что в случае необратимой и мучительной болезни смерть может считаться благом для умирающего или, по крайней мере, не является для него злом. Речь идет о ситуациях, когда развитие фармакологии и медицинской техники позволяет долго поддерживать жизнь смертельно больного и мучительно страдающего человека.

Сторонники эвтаназии убеждают нас, что жизнь является благом лишь тогда, когда в ней удовольствия преобладают над страданиями, положительные эмоции преобладают над отрицательными. Они говорят, что в случае эвтаназии осуществляется выбор между страданием и благом — выбор в пользу блага. Но их утверждение — не что иное, как софистическая игра словами, поскольку в случае эвтаназии осуществляется совершенно иной выбор — не выбор между страданием и благом, а выбор между страдальческой жизнью и смертью. Можем ли мы сказать, что жизнь в страданиях наверняка хуже отсутствия жизни, хуже смерти? Нет, конечно, мы не можем этого сказать! Более того, жизнь сама по себе есть благо, данное нам Богом! Умирание, даже мучительное умирание, есть часть жизни, причем оно может оказаться важнейшей частью жизни умирающего человека, важнейшей и для него самого, и для окружающих его людей. Процесс умирания может стать временем глубочайшего осмысления собственной жизни, обретения смысла жизни вообще. Кроме того, медленное умирание дает время для примирения и взаимопрощения уходящего из этого мира человека и людей, пока еще остающихся в этом мире...

Другое дело, что поддержание жизни на стадии умирания с помощью сложных медицинских технологий может обходиться слишком дорого. Бывает и так, что средств, которые тратятся на поддержание жизни в безнадежных ситуациях, хватило бы на то, чтобы вылечить многих других людей. Здесь есть реальная проблема выбора. Но эта проблема, думаю, относительно легко решится, если мы поймем, что дорогостоящее поддержание жизни в безнадежной ситуации очень часто представляет собой насильственное удержание человека в этой жизни, когда он уже готов к переходу в иной мир, когда Бог призывает его. В подобных случаях, думаю, вполне допустим отказ от «терапевтической настойчивости», допустимо прекращение дорогостоящих или несоизмеримых ожидаемому результату медицинских процедур. В подобных случаях мы просто признаем невозможность противостоять смерти, мы отказываемся продлевать мучительную агонию, ибо «должно человеку однажды умереть, а потом суд». В какой-то степени предвосхищая общий вывод, можно сказать, что с христианской точки зрения недопустимы ни насильственные прерывание жизни, ни насильственное же продление ее. Конечно, в конкретных ситуациях, когда врачам, родственникам пациента и самому умирающему приходится принимать ответственное решение об отказе от терапевтической настойчивости, это решение может быть очень нелегким и даже мучительным.

Необходимо также сказать о вполне реальной опасности злоупотреблений эвтаназией со стороны врачей родственников в случае ее законодательного разрешения.

Если закон разрешает эвтаназию, то живые (пока еще) люди в своем поведении по отношению к своим умирающим братьям и сестрам получают нечто вроде «индульгенции» — позволения «грешить с чистой совестью». Но грех остается грехом, «законодательно очистить совесть» невозможно! Более того, в данном случае законодательно поощряется убийство. Это хорошо видно на примере Голландии, в которой, как я уже говорил эвтаназия с некоторых пор практикуется, официальное расследование, проведенное властями этой страны, показало, что до 25% умерших «с помощью врачей» не давали на это согласия. Там, где допускается добровольная эвтаназия, мигмом появляется и недобровольная. Слишком велик соблазн «облегчения жизни» пока еще остающимся жить!

Ярким свидетельством того, что эвтаназия — это невыносимая нагрузка для чуткой человеческой совести, является трагический случай с доктором Джоном Краем. Этот врач, уже пожилой человек, в 1965 г. был обвинен в умышленном убийстве своего восьмидесятидвухлетнего пациента и друга Фредерика Вагнера. К тому времени тот уже пять лет страдал болезнью Альцгеймера — распадом психики, никого уже не узнавал, не помнил себя и ничего не признавал. (В настоящее время болезнью Альцгеймера мучается, например, бывший американский президент Рональд Рейган.) Фредерик Вагнер мучился еще и тяжелыми болями. Чтобы прекратить страдания друга, доктор Край тайно, никого не уведомив, ввел ему тройную дозу инсулина. Вагнер умер. Когда истина стала известна, доктора арестовали, потом выпустили на свободу под залог. Обдумав содеянное, через две недели он принял страшное решение и относительно своей собственной судьбы — сделал аналогичную инъекцию себе и ушел из жизни. Он понял: благое, как ему раньше казалось, дело эвтаназии в действительности есть убийство.

Сторонники эвтаназии демонстрируют пропагандистский словесный выверт и преступный софистический обман, когда говорят об эвтаназии как о «смерти с достоинством». Тем самым они стремятся заклеймить противников эвтаназии как сторонников «недостойной смерти». В данном случае черное называется белым, а белое — черным. Можно сказать, что, выставляя противников эвтаназии как сторонников «недостойной смерти», сторонники эвтаназии «сваливают вину с больной головы на здоровую». Иисус Христос говорит нам, что наш долг — не избегать страданий, а достойно переносить их.

Нужно называть вещи своими именами: эвтаназия — это убийство, прикрываемое «благими намерениями». А убийство неприемлемо для христианина. И никакие «словесные выверты» не должны колебать твердую христианскую позицию в этом вопросе. Эвтаназия — это убийство, как и аборт. Эвтаназия — это не смерть с достоинством, а превращение врачей в убийц. А превращение врачей в убийц — это попрание благородной медицинской традиции. Начиная с древних греков, со времен легендарного великого врача Гиппократ, представители врачебной профессии клятвенно обязывались посвятить себя сохранению человеческой жизни при любых обстоятельствах... Вот слова знаменитой «Клятвы Гиппократ»: «Я не дам никому просимого у меня смертельного средства и не покажу пути для подобного замысла». Эти слова были написаны V в. до Р.Х.! Из них мы ясно видим, насколько «язычник» Гиппократ ближе к христианской позиции в отношении эвтаназии, чем современные сторонники «смерти с помощью врача».

Христиане различных вероисповеданий едины в отношении к убийству с помощью врача. Думаю, что выражением общего христианского отношения к эвтаназии можно считать следующие слова современного "Катехизиса католической церкви": «Действие или бездействие, которые сами по себе или с заранее обдуманным намерением приносят смерть, чтобы устранить боли, является убийством, которое тяжким образом попирает достоинство человека и уважение к Богу Живому, его Создателю».

Христианское общество врачей и дантистов Канады уже очень четко выразило христианское отношение к врачебному убийству: «Мы все, — говорится в их декларация - созданы Богом, и человек не должен восприниматься исключительно как продукт случайных Процессов. Поэтому мы несем ответственность перед Богом за свои поступки. Время начала жизни и ее конца должны быть прерогативой Бога, а не нашей. Смерть не является концом всего, потому что наши души бессмертны. Страдание всегда должно пробуждать чуткую заботу, и эвтаназия не должна восприниматься и применяться как выход из положения. Те, кто страдают, являются важными членами общества и должны быть им признаны. Мы полагаем, что мужественное терпение во время страданий несет в себе величайшее нравственное и социальное благо обществу; в свою очередь, признанием такого вклада общество утверждает личность».

Исповедник жизненного христианства, немецкий евангелический пастор-мученик Дитрих Бонхеффер, мужественно принявший смерть во имя Христа в нацистском концлагере, так писал: «В глазах Бога нет жизни, которая не имела бы ценности, которую не стоило бы жить, потому что жизнь сама по себе ценится Богом. Нищий Лазарь, больной проказой, лежал у ворот богача, и псы лизали его раны; он не приносил никакой общественной пользы; однако Бог полагал, что он достоин вечной жизни. И где еще, если не в Боге, должен находиться критерий величайшей ценности жизни?»

ЗА ПОРОГОМ СМЕРТИ: КЛИНИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ И ПОСМЕРТНЫЙ ОПЫТ

Русский поэт Арсений Тарковский рассказывал о таком драматическом, очень интересном и заставляющем задуматься эпизоде своей жизни...

Январь 1944 г. Прифронтовой госпиталь. Ему произведена повторная операция — отсечена еще часть ноги, так как после предшествующей операции началась гангрена... Он лежит в маленькой тесной палате с очень низким потолком. Над кроватью висит лампочка. Выключателя нет. Чтобы избавиться от ее слепящего света, приходится каждый раз ее выкручивать, благо до нее легко дотянуться. Ему очень плохо. Хочется немного отдохнуть в полной темноте. Он дотягивается до лампочки, начинает ее вывинчивать. И вдруг в такт вывинчивающему движению руки ощущает, что и его душа спиралеобразно, как по винту, начинает выходить из его тела — «вывинчивается» и выскальзывает из него! Секундная растерянность, замешательство... — и он ощущает себя над своим телом... Смотрит на него, на свое тело, сверху, но быстро теряет к нему интерес. Внезапно ему хочется посмотреть, что происходит в соседней палате, и он начинает медленно «просачиваться» сквозь стену. Но в какой-то момент он понимает, что еще немного, и он уже никогда не сможет вернуться назад, в свое тело! Это его пугает, и он снова зависает над кроватью и каким-то странным образом «соскальзывает» в Свое тело, «как в лодку»...

То, о чем рассказал Тарковский, психологи назвали впоследствии ощущением внетелесного существования. С подобными ситуациями люди знакомы издавна. Отражение сходного опыта мы обнаруживаем в произведении древнегреческого философа Платона, которое называется «Государство». В нем, в частности, рассказывается о греческом воине по имени Эр.

Эр пошел на войну и был убит в сражении. Далее я цитирую из Платона:

«Когда через десять дней стали подбирать тела уже разложившихся мертвецов, его нашли еще целым, привезли домой, и когда на двенадцатый день приступили к погребению, то, лежа уже на костре, он вдруг ожил, а оживши рассказал, что он там видел... Он говорил, что его душа, чуть только вышла из тела, отправилась вместе со многими другими, и все они пришли к какому-то чудесному месту, где в земле были две расселины, одна после другой, а напротив, наверху в небе, тоже две. Посреди

между ними восседали судьи. После вынесения приговора они приказывали справедливым людям идти право, вверх на небо,... а несправедливым — идти на лево вниз... Когда дошла очередь до Эра, судьи сказали, он должен стать для людей вестником всего, что здесь видел, и велели ему все слушать и за всем наблюдать". Далее Платон рассказывает о многом интересном, что Эр увидел в ином мире. Каким образом Эр вернулся в свое тело, он не помнил: «Внезапно очнувшись на рассвете, он увидел себя на костре».

Что такое смерть? С медицинской точки зрения, смерть — это прекращение жизнедеятельности организма. Это прекращение проходит в два этапа. Первый этап получил название клинической смерти. Под ней понимается состояние отсутствия видимых признаков жизни: прекращение сердечной деятельности, дыхания и т.д. Обменные процессы в тканях нашего организма при этом сохраняются. Обычно состояние клинической смерти длится лишь несколько минут, после чего наступает второй этап — органическая смерть. Для нее характерно необратимое прекращение физиологических процессов в клетках и тканях. Стоит отметить, что общепризнанных критериев, позволяющих установить точный момент органической смерти, до сих пор не существует. Судя по всему, и Тарковский, и Эр перенесли состояние клинической смерти. Правда, в случае Эра поразительно то, что душа вошла обратно в тело не через несколько минут после ее исхода, а лишь на двенадцатые (!) сутки. Но, думаю, что и такое вполне возможно, ведь мы очень многого не знаем, а что знаем — «видим, как сквозь тусклое стекло»...

В наше время, точнее с 70-х гг. XX в., понимание смерти, как перехода от этой жизни к иной, стало получать неожиданные многочисленные прямые подтверждения в связи с успехами реанимации, то есть возвращения к жизни людей из состояния клинической смерти. Эти успехи стали возможны благодаря новейшим медицинским достижениям. Разумеется, подобные научные, медицинские подтверждения справедливости того, что жизнь после физической смерти продолжается, стали неожиданными лишь для атеистов, но не для верующих людей.

Итак, многие медицинские, то есть вполне научные, факты убедительно свидетельствуют: то, что люди обычно считают смертью, — это не конец жизни личности, души человека, а лишь ее ПЕРЕХОД в иные условия существования. Первой книгой, в которой были опубликованы тщательно проанализированные и систематизированные факты подобного рода, стала книга Американского философа и врача Рэймонда Моуди. Книга вышла в свет в 1976 г.: «Жизнь после жизни: Исследование феномена продолжения жизни после смерти тела». Затем появились еще книги, как Моуди, так и других авторов, в которых сведения о жизни после смерти получили еще более разнообразные и убедительные подтверждения.

В своей первой книге Моуди описал и проанализировал 150 случаев, когда люди, побывавшие в состоянии клинической смерти, хорошо помнили о происшедшем ими и подробно рассказали об этом. На основе этих рассказов Моуди выделил четко различимые стадии процесса умирания и возвращения с того света. Первая стадия — остановка физиологических функций организма, причем умирающий очень часто успевает услышать слова врача, который говорит, что он умер. Далее следовательно идут такие стадии: нарастающий невнятный шум, затем умирающий выходит из тела и с большой скоростью несется по черному тоннелю... В конце тоннеля он видит свет, иногда он видит светящееся существо... Перед умирающим очень быстро, но в же время достаточно подробно проходит вся его жизнь, выявляются наиболее важные моменты. Потом он встречает умерших родственников и друзей. В какой-то момент у него возникает ощущение границы, из-за которой уже невозможно вернуться обратно в наш мир, в свое тело. Умирающий усиливает волю, а иногда против своей воли, возвращается в тело... Очень часто, особенно при встрече со светящимся существом,

душа умирающего испытывает радость и даже блаженство. Вспоминавшие говорили, что они попадали как бы в рай.

Но, видимо, не менее часто умирающий попадал и в другое место — нечто подобное аду... Об этом достаточно подробно пишет другой американский исследователь — врач-реаниматор Мориц Роолингз в книге под названием «За порогом смерти». Я думаю, что сведения, содержащиеся в этой книге, поистине драгоценны, они даже более существенны, чем сведения, изложенные в книгах Моуди и других авторов. Их ценность определяется тем, что их приводит врач-реаниматор, непосредственно общавшийся с умирающими, как в процессе их умирания, так и сразу же после их возвращения к жизни в этом мире. В ходе общений Роолингза с умирающими выяснилось, что очень многие люди в состоянии клинической смерти оказываются в некотором страшном месте — в месте, в буквальном смысле слова вызывавшем смертельный ужас...

Так, Роолингз рассказывает о пациенте, который во время остановки сердца попал в место, которое он при возвращении в этот мир убежденно назвал адом. Этот человек в течение непродолжительного времени (пока шел процесс его оживления, возвращения к жизни) то уходил в иной мир, то — в результате оживляющих процедур — возвращался в наш мир. Когда он временно возвращался и обретал дар речи, одновременно видел адские картины, от которых он был в панике, в ужасе... Он говорил об этих картинах врачам и настойчиво просил, умолял их продолжать оживление, хотя это очень болезненная процедура. Интересно, что не прошло и двух дней после его возвращения к жизни, а он полностью забыл свои адские видения! Подобную забывчивость обнаруживают и многие другие пациенты. Видимо, воспоминания о подобных видениях слишком страшны, слишком травмируют души многих людей, и по этой причине вытесняются в область неосознаваемого содержания человеческой психики. Ни Моуди, ни другие исследователи не говорят столь подробно, как Роолингз, о видениях ада. Они не говорят об этом, видимо, по той простой причине, что они — не врачи-реаниматоры. Они не имели столь близких, столь непосредственных контактов с умирающими людьми. Они, в отличие от Роолингза, опрашивали людей, переживших клиническую смерть, много времени спустя после их возвращения к жизни, когда адские впечатления уже были надежно вытеснены из их сознания, из их сознательной памяти.

Итак, жизнь нашей души продолжается и за смертной чертой... Будет суд, будет воздаяние! Единственный надежный способ для нас обрести непостыдную, мирную кончину — это уже здесь, на земле, в этой жизни прийти ко Христу, уверовать в Него, обрести Его как нашего него Пастыря. Он поведет нас и в этой жизни и за смертной чертой. Именно об этом говорит псалмопевец: «Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мною; Твой жезл и Твой посох — они успокаивают меня» (Пс. 22:4).

ДУШЕВНЫЕ БОЛЕЗНИ

Большинству из нас приходилось когда-нибудь более или менее близко сталкиваться с людьми, страдающими тяжелыми психическими недугами, с людьми, которых называют душевнобольными, а иногда — сумасшедшими. Вспомним, что мы чувствовали в тот момент, когда жизнь впервые свела нас с таким человеком. Убежден, что многие при подобной встрече испытали сильное душевное потрясение, резко выбивающее из привычной колеи повседневности. Мы испытываем в подобных ситуациях большую или меньшую душевную травму, шок. Нам становится страшно от встречи с чем-то таким, что принципиально не укладывается в привычные рамки нашего понимания мира и других людей. Мы сталкиваемся с чем-то внушающим инстинктивный, доразумный ужас. Именно этот ужас заставил Пушкина написать:

Не дай мне Бог сойти с ума... Уж лучше посох да тюрьма...

Душевная болезнь, сумасшествие — страшнее нищеты, страшнее тюремного заключения!

Что нас пугает, что нас ужасает при встрече с подобными людьми? Прежде всего непонятность их для нас, непредсказуемость их поведения. Но этот страх лежит на поверхности наших чувств, нашего сознания. Есть и более глубокий страх, который шевелится в самой потаенной глубине нашей души. Это глубокое паническое чувство, этот глубокий панический страх, эта леденящая душу паническая мысль — все это испытывается нами враз, одним цельным нераспутываемым клубком. Думаю, что этот клубок чувств и мыслей очень приблизительно можно выразить такими словами: «А ведь это же может случиться и со мной! И я могу быть таким же!» Именно этот глубинный страх выразил Пушкин словами: «Не дай мне Бог сойти с ума...». Эти слова выражают и наше отношение к душевным болезням, и наш страх, и наш ужас... Мы подозреваем, что и мы можем стать такими же. Именно это подозрение вселяет ужас, заставляет шевелиться волосы на голове. Мы на время оказываемся в каком-то жутком духовном тупике, наш дух испытывает некий спазм, задыхается, начинает метаться. И обычно находит, как ему кажется, спасительный выход из гнетущей ситуации в том, чтобы отгородиться от этой ситуации, отвернуться от страшного, забыть о страшном, будто и не было его. Поэтому мы стремимся как можно скорее прервать общение с людьми, страдающими психическими недугами, и не вспоминать о них.

Почему я говорю все эти неприятные вещи и, возможно, кого-то пугаю? А кто-то испытывает тяжелое чувство... А кто-то переживает тяжелое воспоминание... Я говорю все это потому, что нужно бесстрашно смотреть правде в глаза, нужно помнить, что есть такие люди, и есть такой страх в нашей душе. Нужно быть готовым и к встрече с такими людьми. Мы можем встретиться с ними где угодно. По данным специалистов, людей, страдающих более или менее серьезными психическими заболеваниями, от 1 до 4 процентов среди всего человечества. Такие люди приходят и в наши церкви, и в наши молитвенные дома. Как к ним относиться? Отгораживаться от них? Изгонять? Или относиться к ним как к нашим страдающим братьям и сестрам, страдающим и тем более заслуживающим нашей любви? Соблазн оттолкнуть душевнобольного человека очень велик. Но нужно ли поддаваться этому соблазну? Каким должно быть христианское отношение к душевнобольным людям? Попробуем хоть в какой-то степени ответить на эти вопросы. А для этого мы должны уяснить, что такое душевная болезнь.

Медицинские учебники различают два основных типа душевных (психических) болезней — неврозы и психозы. И для тех и для других характерны нарушения в поведении. Различаются же неврозы и психозы в основном степенью тяжести нарушений. Для психозов характерны гораздо более серьезные нарушения в поведении. Галлюцинации (человек «видит» то, чего в данный момент нет перед его глазами), буйство, потеря ориентации в пространстве и времени — подобные поражающие впечатлительность нормальных людей явления характерны для поведения людей, страдающих от психоза. Неврозы же протекают гораздо более «мягко».

Если мы сталкиваемся с человеком, который находится в состоянии тяжелой психической болезни, то мы не сможем уговорить его «прийти в себя», вести себя разумно, не бредить, не буйствовать. В таких случаях требуется квалифицированная врачебная помощь. Но многие случаи, с которыми мы можем встретиться как в нашей обыденной жизни, так и в наших церквях, можно сказать, «пограничны». В этих случаях больные либо отчасти, либо даже в значительной степени ориентируются в мире, в пространстве и времени, хотя и обнаруживают существенные странности в своем поведении. Именно эти случаи я буду иметь в виду дальше, когда буду говорить о христианском отношении к душевнобольным, об отношении к ним в церкви.

«Не здоровые имеют нужду во враче, но больные», — сказал наш Спаситель. Говоря о враче, он имеет в виду Себя. Он также сказал: «Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» (Мф. 11:28). Приходя в церковь, люди, обремененные заботами и болезнями, в том числе и душевными недомоганиями, приходят ко Христу. И мы — христиане — не имеем никакого права холодно оттолкнуть их, не имеем права относиться к ним с высокомерным пренебрежением, ведь они пришли ко Христу. Он лечил больных и продолжает это делать. Он может это делать и через нас — через нас подать так необходимое им исцеление. Он в изобилии обеспечил нас лекарствами. Какие же это лекарства? Это лекарства «от Христа» — молитва и любовь,.. точнее молитва с любовью, молитва, пронизанная любовью, любовь, ставшая молитвой, любовь Христа к нам,.. ибо Он сказал нам: «Любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга» (Ин. 13:34). Любовь Христова, живущая в нас, любовь Христова, проявляющаяся через нас, любовь Христова, исцеляющая нас и через нас других людей — именно она является лучшим в мире лекарством, в котором никогда не будет недостатка.

Исцелять — значит восстанавливать цельность, целостность,.. соединять разьединенное,.. склеивать разбитое,.. вновь возводить разрушенное. Христос — наш Восстановитель... Он и только Он может восстановить цельность нашего духа... Психическая болезнь — это нарушение цельности духа и только Христос может исправить это нарушение. Только Он — подлинный Целитель духа, подлинный целитель и душевных болезней. Но Он, повторяю, может это делать и через нас. \

Кроме того: в любом страдающем человеке мы должны видеть Христа, в том числе и в душевнобольном человеке. Это может кому-то показаться странным или даже кощунственным и диким. «Душевнобольной — это Христос? Как? Вот этот одновременно и страшный, жалкий безумец — Сам Христос? Да сами-то вы в своем ли уме? » — может кто-нибудь спросить меня. И я отвечаю: «Да, я уверен, что сейчас я вполне в своем уме».

Да, это действительно так: и душевнобольной есть Христос. И в душевнобольном человеке мы должны прозревать Христа, Который говорит нам о Себе: "...был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне» (Мф. 25:36). Человек, страдающий душевной болезнью, находится в темнице духа. Сострадая ему, оказывая ему помощь, молясь за него, любя его, мы любим Христа, сострадаем Христу распятому, Христу страдающему.

Важнейшей причиной психических страданий является утрата человеком смысла жизни. Эта утрата проявится в виде страха перед миром, перед темным «началом" в своей душе. О каком темном «начале» я говорю? О нашей удобосклонности ко злу, которая является проявлением пораженности нашей души первородным грехом. Обнаружив жуткую темноту в своей душе, человек, если он не просвещен светом Христовым, впадает в панику. Именно эта паника приводит его к заболеванию, ввергает его душу в хаос безумия. Но, подчеркиваю, это ввержение души в хаос психической болезни происходит лишь в том случае, если душа данного человека не просвещена светом Христовым! Если же в душу входит свет Христов, то тьма безумия отступает, и человек исцеляется! А свет Христов — это Его любовь к нам. Она — Его любовь — может и должна проявляться через нас. «В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх» (1 Ин. 4:18). Мы должны быть носителями любви Христовой! Наша любовь к страдающему ближнему — это и есть подлинное христианское просвещение, просвещение души страдающего человека светом Христовым.

Наша задача — помочь страдающему человеку переосмыслить свою жизнь и тем самым возродиться, восстановить целостность своей души, излечиться. Мы должны проявить искреннее сочувствие к страдающему человеку, понять, что его мучает, чем он озабочен и указать ему путь выхода из болезни. А этот Путь — Иисус Христос.

Наша главная задача в общении с больным человеком состоит в том, чтобы посеять в нем зерна любви к Богу и к ближнему и всячески способствовать произрастанию этих зерен.

Психическими недомоганиями страдают отдельные люди, страдают ими и целые народы, страдает ими и все человечество. «Мы знаем, ...что весь мир лежит во зле» (1 Ин. 5:19) — во зле первородного греха. Мир, находящийся вне Христа, лежит во зле. Поэтому в христианском лечении — в лечении христианством — нуждаются не только отдельные больные люди, но и весь мир человеческий. В этой связи приходит на память эпизод из жизни Льва Толстого.

Москва. Хамовники. Лето. Лев Николаевич с гостями пьет чай в саду. Кто-то из гостей спрашивает: «Лев Николаевич, а что за дом вон за тем высоким зеленым забором?» Толстой отвечает с юмором: «Говорят, что сумасшедший дом. Только я не знаю: зачем забор?»

Мир — это сумасшедший дом. Характеристика резковатая, но во многом справедливая.

Тот же Толстой сказал однажды, что сумасшествие — это эгоизм. Что он имел в виду? Думаю, он имел в виду, что сумасшествие — это замыкание человека в себе, отгораживание себя от мира, себялюбие. А себялюбие это и есть эгоизм. Отсюда следует, что сумасшествие — это эгоизм. Следствием замыкания человека в себе, ограничения его «кругозора» лишь его «внутренним» миром является утрата связи человека с миром. Мир становится непонятен этому человеку, страшен и враждебен. И наоборот: больной человек становится непонятен другим людям, страшен и враждебен для них.

Толстой, мне кажется, очень неплохо выявил тесную связь между себялюбием (эгоизмом) и безумием. Но есть и другая тесная связь — между безумием и атеизмом: «Сказал безумец в сердце своем: нет Бога» (Пс. 13:1). Таким образом, безумие, эгоизм и атеизм — это тесно взаимосвязанные явления! Атеизм — это проявление безумия, но не в узком (медицинском, психиатрическом) смысле, а безумия в духовном смысле. Поэтому та часть человечества, которая не верит в Бога, утратила Бога, безумна. Именно духовным безумием (эгоизмом, теизмом) существенной части человечества объясняется издевательство над природой, войны и другое зло, творимое человечеством. О безумии многих дел человеческих писали многие мудрецы. Например, безумие войны представлено Б.Паскалем в таком гротескном выразительном диалоге:

«За что ты меня убиваешь?» — «Как за что? Друг, да ведь ты живешь на том берегу реки! Живи ты на этом, я впрямь совершил бы неправо дело, злодейство, если тебя убил. Но ты живешь по ту сторону, значит, дело мое правое, и я совершил подвиг».

Единственный разумный путь лечения человеческих безумств — возвращение человечества к Богу, ко Христу. Наша задача — всячески способствовать этому, лечить мир, восстанавливать его психическое здоровье, восстанавливать его духовную целостность, во всяком случае всячески стараться способствовать этому, доколе не придет Христос.

БЕСООАЕРЖИМОСТЬ И ПСИХИЧЕСКИЕ БОЛЕЗНИ: ЧЕМ ОНИ РАЗЛИЧАЮТСЯ?

Библия многократно говорит о силах зла — о дьяволе, сатане, злых духах, падших ангелах и бесах, как о реальных существах. Иисус Христос много раз исцелял людей, изгоняя из них бесов. Но наше маловерное время предпочитает о бесах либо помалкивать, либо говорить примерно так: то, что раньше, в стародавние времена, когда была не развита наука, принимали за бесов и за бесоодержимость, на самом деле является не более чем психическими болезнями, то есть болезненными состояниями людей, не связанными с «вселением» в них инородных реальных злых духовных

существ. Эти болезненные состояния можно и нужно лечить таблетками и различными психотерапевтическими процедурами. Психотерапевтические процедуры — это обычно определенным образом направляемые разговоры с больными, а также специально разрабатываемые психологические методы манипуляции с больными. Раньше, говорят, люди были «темные» и не понимали, что существует только этот, видимый, мир. Не понимали «темные люди», что никакого иного, невидимого мира не существует. А значит, делают вывод эти «просветители»: раньше не понимали, что никаких бесов — злых существ иного мира — не существует. Такова материалистическая позиция относительно того, что Библия называет бесами. По существу именно эта позиция преобладает в современной медицине, как в нашей отечественной, так и в медицине зарубежной.

Кому же мы должны верить больше — Слову Божьему или материалистической медицине? Конечно, Слову Божьему — Библии. А Библия говорит нам вполне определенно, что злые духи — бесы — несомненно, существуют.

Но также несомненно, что существуют и душевные болезни, которые вовсе не связаны с вселением в человека злых духов. Хотя душевнобольной человек очень часто вполне может показаться бесоодержимым. В наших церквях, на наших молитвенных собраниях могут появляться как душевнобольные, так и бесоодержимые. Как их отличить друг от друга? Это очень важный практический вопрос, ибо для лечения психически больного нужно обращаться к врачу-психиатру, а для исцеления бесоодержимого нужно использовать прежде всего чисто церковные, христианские средства, церковь должна молиться об исцелении бесоодержимого. Молитва — обращение ко Христу с просьбой исцелить бесоодержимого, изгнать из него беса или бесов, в данном случае является наилучшим лекарством.

Вспомним, что апостол Павел говорил об устройении человека, о том, что каждый из нас содержит в себе.

Апостол Павел различает в человеке дух, душу и тело (1 Фес. 5:23; Евр. 4:12). Тело — это видимый, плотский, природный облик человека. Душа — это невидимое начало, которое делает человека живым существом. Душа является органом ощущений, настроений и умственных способностей человека. И, наконец, дух — это высшая Часть души, наша духовная сущность, центр нашего самосознания. Именно дух делает нас богоподобными! Именно дух делает нас свободными существами, то есть существами, способными выбирать между добром и злом, между жизнью по Божьим заповедям и жизнью, Нарушающей эти заповеди. Предельно кратко различие между бесоодержимостью и психическими болезнями можно выразить так: психические болезни — это болезни души, а бесоодержимость — это «болезнь» духа. Психические болезни в той или иной мере поддаются лечению медицинскими средствами, а бесоодержимость не поддается. Исцелить бесоодержимого может лишь Бог по нашим молитвам.

Бесоодержимый — это человек «сделавший себя жилищем бесов» (Отк. 18:2). Он полностью теряет свою внутреннюю свободу и впадает в полную зависимость злу. Бесоодержимый — это безвольное орудие некоей злой внутренней силы, поселяющейся в нем. Одним из важнейших признаков бесоодержимости является то, что бесоодержимые упорно сопротивляются принятию Христа!

Видный русский психиатр, верующий христианин, доктор медицинских наук, профессор Дмитрий Евгеньевич Мелехов, скончавшийся в 1979 г. в восьмидесятилетнем возрасте, проводил различие между двумя формами бесоодержимости:

1) бесноватость — это полная связанность души бесом, демоном: человек полностью теряет самосознание и по существу превращается в животное орудие бесовской силы;

2) одержимость — это лишь частичная плененность злой силой человеческой души или тела; в этом случае человек сохраняет полное самосознание и возможность нравственной оценки своих поступков, но не имеет силы справиться с бесовской силой, влекущей его ко греху.

Бесоодержимость — это прежде всего одержимость злом, грехом, постоянное стремление грешить. Это свободный поворот духа человека в сторону зла — человек свободно выбирает зло. Разумеется, этот выбор происходит под влиянием бесовских внушений, но осуществляется этот выбор свободно! А после решительного выбора пути служения злу безоодержимый уже не может самостоятельно — без Божьей помощи — пересмотреть свой выбор, то есть безоодержимый не может сам опять повернуться к Богу, ибо он теряет свободу своей воли, становится безвольным орудием злой силы, орудием дьявола.

Как мы знаем, всякая болезнь, в том числе и душевная (психическая), является в конечном счете следствием нашего грехопадения. Исцеляет же людей от любых болезней Бог. Но Он может делать это и через посредство врачей и лекарств, поэтому психические болезни, как и другие, более или менее поддаются врачебному лечению.

Очень важным отличием человека, страдающего душевной болезнью, от безоодержимого является то, что душевнобольной, в отличие от безоодержимого, в существенной степени не теряет свободу выбора между добром и злом, между Богом и Его противником. К сожалению, и верующие христиане иногда заболевают душевными болезнями. Но вот интересное наблюдение уже упоминавшегося мною профессора Мелехов! Он пишет: «Можно говорить о духовном здоровье же при наличии душевной болезни, если она (то есть болезнь. — В.К.) не мешает больному сохранять основные признаки "духа в человеке"».

К признакам духа в человеке Мелехов относит: 1) Жажду Бога и стремление к Нему; 2) благоговение и страх Божий; 3) совесть, приводящую человека к покаянию.

Другими словами, душевная болезнь может и не разрушить образ Божий в человеке. Психически больной человек может сохранить здоровое духовное ядро личности. А здоровый дух может помочь больной душе выздороветь! По наблюдению Мелехова, у верующих людей психическая болезнь протекает мягче, чем у неверующих. Он связывает данное наблюдение именно с тем, что здоровый дух помогает больной душе справиться с психическим недугом. Но если душевнобольной человек не теряет свободы выбора (добавлю я от себя), то, хотя бы иногда, может оказаться успешной проповедь Христа среди неверующих душевнобольных! И если душевнобольной человек уверует в Бога, то его шансы на выздоровление существенно увеличатся! Разумеется, проповедь Христа среди душевнобольных должна столкнуться с большими трудностями, поскольку «в результате психической болезни душа человека как бы покрывается дымкой тумана». Через этот туман нелегко пробраться. Но для Бога нет ничего невозможного!

Понятие психической болезни является очень широким. Оно включает в себя различные психические расстройства. Есть люди, страдающие психическим расстройством из-за нарушения работы головного мозга, например вследствие его травмы. Есть наследственные болезни. Есть психические болезни, вызванные нарушением работы желез или обмена веществ и т.д.

Но есть и такие психические болезни, которые являются результатом греховного поведения людей: временами люди, если можно так выразиться, бессознательно симулируют психическую болезнь, то есть в каком-то смысле искренне чувствуют себя больными. Для чего они это делают? А для того, чтобы «свалить на болезнь» свое греховное поведение и тем самым избежать нравственной или даже юридической ответственности. Эти люди действительно больны, поскольку симуляция ими болезни бессознательна. Но суть их болезни заключается в том, что они закрывают глаза на свою склонность ко греху. Как же лечить подобные психические болезни? Прежде

всего, нужно пробудить ответственность в душе такого человека, направить его отвечать за свои греховные мысли и поступки. Нужно привести такого человека к покаянию перед Богом, чтобы он покаялся и оставил свои худые дела и мысли. Я думаю, что при лечении именно таких больных может быть успешна христианская проповедь. Но проповедь в данном случае будет иметь успех лишь в том случае, если она будет осуществляться врачом-психиатром, который в то же время является глубоко верующим христианином. Примером такого психиатра был уже неоднократно упоминавшийся мною сегодня профессор Мелехов.

Хочу отметить, что умение отличать беснование от психической болезни, видимо, является частным случаем дара различения духов.

И еще одно заключительное замечание: в том, что многие люди в наше время отрицают реальное существование бесов, я вижу определенный успех бесовской козни. Для злых духов, для их успешной деятельности по развращению людей, по отвращению их от Бога, очень удобно, когда люди считают их не существующими «на самом деле». Чем более анонимно они действуют, тем успешнее их деятельность. Они строят свои козни, становясь «невидимками». Я знаю, что, к сожалению, есть даже священники, которые, стремясь казаться «современными», слишком уж склоняются перед «духом века сего» и объявляют существование бесов исключительно «символическим». Они считают, что те существа, которых Библия называет «бесами», — не более чем «иносказания», использовавшиеся в стародавние «ненаучные» времена для объяснения психических и иных болезней, причин различных катастроф и т.п., а «на самом деле», как реальных существ, бесов нет. Я считаю, что это очень опасная позиция, разоружающая человека перед силами зла, которые существуют реально, объективно. Бесы — это далеко не «символическая», а вполне реальная сила. Но в противостоянии их козням христианин всегда может положиться на помощь Иисуса Христа. А с Божьей помощью мы непобедимы, ибо «Бог поругаем не бывает» (Гал. 6:7).

О ТАК НАЗЫВАЕМЫХ «НЕОПОЗНАННЫХ ЛЕТАЮЩИХ ОБЪЕКТАХ» (НАО)

Очень часто в печати различных стран мира публикуются сообщения о наблюдениях людьми так называемых неопознанных летающих объектов. Появляются также сообщения о встречах людей с экипажами этих объектов. Публикуются даже фотографии и съемки на видеокамеру этих объектов. Правда, изображения, как правило, являются очень нечеткими, расплывчатыми. Что же это за объекты? Каковы их характеристики? Как они выглядят? Какими они предстают в описаниях людей, которые их видели, или им показалось, что они их видели?..

Появляются эти объекты обычно неожиданно. Форму имеют различную: то они имеют форму сигары, то шара, то пирамиды, то напоминают баранку... Но чаще всего они выглядят, как диски с утолщением в середине, то есть напоминают две сложенные тарелки, поэтому их часто называют «летающими тарелками». Они также могут на глазах менять свою форму, делиться на несколько частей и потом опять сливаться, двигаться совершенно бесшумно, но могут и производить страшный грохот. Они могут неподвижно висеть в воздухе и тут же резко, без разгона сорваться с места со скоростью до 18 тысяч километров в час и совершать при этом резкие повороты под прямым углом. Ни мгновенный набор скорости до 18 тысяч километров в час, ни резкие повороты на этой скорости под прямым углом невозможны с точки зрения современной земной науки. Точнее говоря, нашей науке неизвестны принципы построения и функционирования летательных аппаратов, которые могли бы это делать.

«Летающие тарелки» могут также неожиданно появляться, как бы «из ничего», и исчезать. Не оставляют и следа, подобного тому, что остается за реактивным

самолетом. Создается впечатление, что эти объекты не подчиняются известным нам законам физики. По ночам эти объекты светятся, и от них протягиваются лучи прожекторов, причем эти лучи не вспыхивают и гаснут, как положено по законам нашей физики, а как бы высовываются из «тарелки» и втягиваются в нее.

Иногда описываются и обитатели этих летающих объектов. Они получили наименование гуманоидов, что дословно означает «существа, похожие на людей». Описываются гуманоиды двух типов: или небольшого роста с очень большой головой, или же около трех метров высоты. С людьми эти гуманоиды общаются, как правило, телепатически, то есть передают людям свои мысли «прямо в голову» и, в свою очередь, напрямую «читают мысли» людей.

Иногда появляются сообщения о том, что гуманоиды забирали людей к себе в корабль для исследований и даже совершали с ними полеты в очень отдаленные места — в другие звездные системы и даже галактики.

Вот характерное описание события подобного рода. Оно произошло 6 июля 1968 г. на территории России. Рассказывает непосредственный участник этого события: «Около трех часов ночи я вдруг увидел отвесно падающий метеорит... Он был необычайно ярким. Потом яркость уменьшилась и объект плавно опустился за склоном горы недалеко от меня. Метрах в 100 — 150 от меня появился человек. Он то ли горел, то ли светился... Я пустился наутек, но тут же почувствовал, как мои руки и ноги сковало — даже шевельнуть ими было невозможно. Меня прошиб холодный пот от страха. Но вскоре страх прошел, и в теле появилось ощущение необычайной легкости. Меня позвали... За пригорком на площадке стоял огромный аппарат в форме диска. Меня встретило существо, внешне похожее на человека. От головы и кистей его исходило свечение. Оно ввело меня в аппарат. Там было много таких существ. Они «читали» все мои мысли. Я мысленно же мог задавать им вопросы. В ответ я слышал у себя в голове голос на чистейшем русском языке. Они взяли мою левую руку и поднесли прибор, которым они отщипнули кусочек моей кожи. А на руке — на месте отщипа — образовался небольшой красный треугольник. "Откуда вы?" — спросил я. Их ответ запомнился урывками — якобы они прилетели из большой звездной обитаемой "страны", которая примыкает к нашей галактике. Они сказали также, что они контролируют нашу планету. Много из происходящего на Земле их беспокоит».

Вот такие сообщения время от времени появляются на страницах газет и журналов. Про события подобного рода снимаются кинофильмы. Создаются телесериалы наподобие ставшего знаменитым уже и у нас американского телесериала «Секретные материалы».

Как относиться к сообщениям о «летающих тарелках»? Я думаю, что к подобным сообщениям нужно относиться прежде всего критически и настороженно. Более того, я бы даже сказал, что мы должны относиться к ним в высшей степени недоверчиво. Мы ни в коем случае не должны увлекаться сообщениями подобного рода! Прежде всего потому, что многие сообщения о «летающих тарелках» представляют собой либо журналистский вымысел, либо «сведения», полученные от людей, скажем мягко, не совсем нормальных в психическом отношении. Эти «сведения», особенно о посещениях «тарелок», очень часто не более чем галлюцинации и фантазии этих людей.

Недобросовестные, а порою просто бессовестные, журналисты не только гонятся за фактами подобного рода, но и сами придумывают эти «факты». Делается это прежде всего для увеличения интереса к тем изданиям, в которых они публикуются и, соответственно, для увеличения их заработка. В немецком журнале «Фокус» не так давно появилась серьезная статья, в которой довольно убедительно обосновывается, что из всех сообщений о неопознанных летающих объектах не менее 90% — это чистое надувательство. Другими словами, 9 из 10 сообщений — это заведомая ложь, искусственное «подогревание» интереса людей к таинственному и загадочному.

Читатель вправе спросить: «Но ведь остается каждое 10-е сообщение, которое может быть правдой». Верно, каждое 10-е сообщение может быть правдой. Попробуем разобраться, что же это за правда, и от кого, по крайней мере, часть этой «правды» исходит. Некоторые из этой десятой части «честных» сообщений о неопознанных летающих объектах говорят о различных атмосферных явлениях, которые со временем найдут научное объяснение. Иногда же за «летающие тарелки» принимают наблюдения новейших сверхсекретных самолетов-шпионов. Нельзя исключить и того, что пусть небольшая часть «честных» сообщений о «летающих тарелках» говорит о «настоящих» неопознанных летающих объектах, то есть нельзя исключить, что какой-то Малый процент сообщений говорит об объектах, которые не являются ни вымыслом, ни атмосферными явлениями, ни рукотворными шпионскими летательными аппаратами.

Видимо, все-таки существуют «настоящие» «летающие тарелки». Кем они могут быть созданы? Во-первых, Мы не можем исключить что какие-то объекты прилетают к нам из других миров, обитатели которых достигли достаточно высокого уровня интеллектуального и технического развития. Такое, хотя и очень маловероятно, по все же возможно. Но я думаю, что «автором», создателем какой-то части «настоящих» неопознанных летающих объектов является «лжец и отец лжи» — лукавый, сатана... Вспомним в этой связи, что в Послании к ефессянам 2:2 апостола Павла о сатане говорится как о "князе, господствующем в воздухе», то есть в атмосфере. А именно в атмосфере наблюдаются «летающие тарелки»! Кстати, «отец лжи» может скрываться и за всеми сообщениями о «летающих тарелках», он может «подсказать» какому-нибудь журналисту мыслишку приврать что-нибудь для увеличения популярности его газеты. Он также может внушить психически нездоровому человеку «видение» о «летающей тарелке». Для лукавого все средства хороши, лишь бы отвлечь человека от Бога. Пусть люди интересуются таинственными и загадочными явлениями, пусть они верят во внеземные цивилизации, только бы они не обратились к Богу! Пусть место Бога в их сердцах займет интерес к иным мирам, к иным цивилизациям. Такова, я думаю, сатанинская логика.

И надо честно и с великим сожалением признаться, что враг Бога и наш враг, желающий уловления наших душ, имеет некоторый успех в этом отношении. Я думаю, что именно об этом частичном успехе свидетельствуют некоторые исследования западных социологов. Эти исследования говорят, что люди, которые не принадлежат ни к одной церкви, но считают себя верующими, особенно подвержены влиянию идей о том, что «летающие тарелки» — это посланцы внеземных цивилизаций. Для этих людей вера во внеземные цивилизации становится своеобразной религией. Поэтому повторяю: для христианина самое наилучшее — не интересоваться сведениями о неопознанных летающих объектах!

У дьявола есть свои, многократно им испытанные приемы обмана людей. Сообщения о «летающих тарелках» туманны и неопределенны. Люди, которые не знают Христа, но душа которых взыскует иного мира, быстро реагируют на сообщения о всевозможных таинственных явлениях. Но Иисус Христос предостерегает нас: «Берегитесь, чтобы кто не прельстил вас» (Мф. 24:4).

БЕСПОКОЙСТВО И ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЕ

Американский литератор и практический психолог Дейл Карнеги написал книгу «Как перестать беспокоиться и начать жить». Он пишет: «Мое детство прошло на ферме в штате Миссури. Однажды я помогал матери вынимать косточки из вишен и вдруг расплакался. Мать просила меня: "Дейл, что случилось? Из-за чего ты плачешь?" Я пробормотал: "Я боюсь, что меня похоронят "живо!" В то время я постоянно беспокоился. Во время Гроз я боялся, что меня убьет молния. Когда наступали тяжелые времена, я боялся, что нам нечего будет есть. Я боялся, что после смерти попаду в ад. Я

был в ужасе, что Сэм Уайт, который был старше меня, отрежет мои большие уши, ведь он угрожал это сделать. Я испытывал страх, что девочки будут смеяться надо мной, если я попытаюсь за ними ухаживать. Я боялся, что ни одна девушка не согласится выйти за меня замуж. Я заранее нервничал, что мне нечего будет сказать своей жене сразу После свадьбы. Я представлял себе, как мы обвенчаемся в какой-нибудь сельской церквушке и поедem в двухместном экипаже с крышей, украшенной бахромой, к Нам на ферму... Но я беспокоился, смогу ли я поддерживать разговор со своей избранницей во время этой поездки? Как мне себя вести? Я ломал себе голову, пытаюсь решить эту мировую проблему, много часов, когда ходил за плугом на поле».

Я вспоминаю себя, свое детство... И что же? Почти то тоже самое! Почти те же или очень похожие проблемы мучили и меня в детстве, отрочестве и даже в юности. Подобные проблемы очень часто мучают и взрослых людей. Известно, например, что Николай Васильевич Гоголь, будучи уже взрослым человеком, точно так же как мальчишка Карнеги, мучился страхом, что его похоронят шит заживо. Многие люди так и проживают всю свою жизнь в более или менее постоянных беспокойствах, в бесплодных сожалениях о прошлом, в частности, «об упущенной выгоде» в прошлом, а также в не менее бесплодных заботах о будущем. Очень часто люди всю жизнь проживают в приготовлениях к будущей жизни и умирают, так и не начав жить полноценной жизнью в настоящем времени. Всю жизнь «подготавливаются», всю жизнь «устраиваются», а умирают «неустроенными» и «неподготовленными».

В своей книге Д.Карнеги предлагает такой «рецепт» преодоления беспокойства: нужно жить текущим днем, как бы в «отсеке нынешнего дня»: «герметизируй, наглухо отделий "сегодня" от "завтра" и от "вчера" — живи так, будто ни дня вчерашнего не было, ни дня завтрашнего не будет... Если тебе удастся всецело сконцентрироваться на текущем дне, то и бесплодные сожаления о прошедшем, и не менее бесплодные загадывания на будущее испарятся...» Совет, конечно, хорош, тем более, что он опирается на рекомендации многовековой мудрости. Уже римляне говорили: «карпэ диэм», то есть лови день, живи текущим днем, не загадывай на будущее.

Да, если мы будем жить в «отсеке» нынешнего дня, если нам удастся каждый день проживать исключительно в «отсеке» этого дня, то проблемы беспокойства, несомненно, будут успешно разрешены. Но возникает вопрос при каких условиях я могу «герметизироваться», замкнуться в нынешнем дне? Является ли подобным условием мое простое желание жить нынешним днем? Я думаю, что такого, хотя и благого и целительного, желания все же недостаточно. Почему недостаточно? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно задать другой: что про является в тревогах, страхах и беспокойствах, который отравляют нашу повседневную жизнь? Я думаю, что правильный ответ таков: в наших тревогах и страхах проявляется чувство неуверенности в будущем. А что, и свою очередь, питает чувство неуверенности в будущем? Следствием чего является это чувство? Я думаю, что своим источником оно имеет чувство безосновности нашей жизни. Какие бы благие и твердые решения — «жить текущим днем!» — мы ни принимали, заботы о дне завтрашнем и сожаления о дне вчерашнем все равно будут нас грызть, истощать и выматывать нашу душу.

Все это будет продолжаться до тех пор, пока мы не найдем фундамента, на основании которого мы могли бы построить нашу жизнь. Мы до тех пор будем истощаться в бесплодных заботах, надеждах и сожалениях, пока не начнем строить здание нашей жизни на твердой, надежной основе. Такой твердой, надежной основой жизни христианина является упование на Бога, на Иисуса Христа. Для христианина, если можно так выразиться, исчерпывающая инструкция по преодолению беспокойства содержится в Библии. Суть ее выражена словами: «Возложи на Господа заботы твои, и Он поддержит тебя» (Пс. 54:23).

В развернутом же виде инструкция по преодолению беспокойства выражена Иисусом Христом. Она содержится в Его словах, в которых Он указывает нам принцип

— путь и метод, — систематическое применение которого наиболее полным, исчерпывающим образом решает проблему нашего беспокойства, одолевающих нас повседневных, зачастую микроскопически мелких, Но изматывающих душу забот. Иисус Христос говорит Нам: «Не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи, и тело — одежды? Взгляните на птиц небесных они не сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; И Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их? Да и кто из вас, заботясь, может прибавить Себе росту хотя на один локоть? И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут; не трудятся, ни прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них; если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, кольми паче вас, малoverы! Итак не заботьтесь и не говорите: "что нам есть?" или: "что пить?" или: "во что одеться?" Потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом».

А дальше идут ключевые слова, объясняющие нам, о чем мы действительно должны заботиться! «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и все это (то есть остальное — пища, одежда и т. д. — *В.К.*) приложится вам. Итак не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы» (Мф. 6:25-34).

Итак, ищите Царства Божия и правды Его! Что это означает? Это означает, что мы должны искать Иисуса Христа, Который неложно сказал о Себе, что Он есть «путь и истина и жизнь» (Ин. 14:6). Идите путем Христовым, воспринимайте в свое сердце истину Христову, живите жизнью, которая угодна Иисусу Христу. Имейте цель в жизни, которая достойна христианина, посвятите свою жизнь Иисусу Христу, ведь высшая цель жизни христианина — это Сам Иисус Христос. Жить нужно по направлению к Нему, жить нужно для Него, жить нужно Им. Тогда наша жизнь наполнится высшим смыслом, и у нас просто-напросто не останется времени на беспокойство.

О СТРАХЕ СМЕРТИ И О ПАМЯТИ СМЕРТНОЙ

Все живое боится смерти — и люди, и животные, и растения... Я думаю, что вряд ли кто-нибудь будет сомневаться в том, что мы, люди, боимся смерти. Боятся ее и животные: мне говорили, что когда корову ведут на бойню, она плачет, по ее доброй морде текут слезы.

Сложнее поверить в то, что растения боятся смерти. «Как растения могут бояться смерти, — спросит читатель, — ведь им буквально нечем бояться — у них нет нервов?». Действительно, нервов у них нет. Но обязательно ли наличие нервов для того, чтобы испытывать некоторое чувство, эмоцию? Никогда и никем эта «обязательность» не была доказана! С другой стороны, существуют некоторые конкретные факты, которые, хотя и косвенно, но подтверждают наличие чего-то вроде эмоций у растений. Вот один из таких фактов. Говорят, что «лес по дереву не плачет». Однако биологи выяснили, что это не совсем так: лес, в каком-то смысле, плачет по своей погибшей части, по срубленному дереву. Например, когда в некоторой роще срубают дерево, роща, как целое, издает нечто вроде горестного протяжного стога. Этот стон не слышен человеческим ухом, но воспринимается специальными приборами. Все живое испытывает страх смерти, но в наибольшей степени этот страх присущ нам, людям. Почему же мы, наиболее высокоразвитые земные существа, боимся смерти в наибольшей степени? Нет ли в этом страхе кого-то важного урока для нас? Животные не боятся смерти, пока они не сталкиваются с непосредственной

опасностью для их жизни — со смертью лицом к лицу, мы же начинаем бояться смерти задолго до столкновения с непосредственной угрозой для нашей жизни.

Я думаю, что каждый из нас, по крайней мере время от времени, испытывал панический страх смерти. В самом по себе страхе смерти — нет ничего позорного для нас. Были, правда, философы, которые стремились уверить, «уговорить нас», что нам не стоит бояться смерти, что у нас нет для этого абсолютно никаких оснований. К таким философам относится древнегреческий мыслитель Эпикур, который жил в III в. до Р.Х. Он, частности, говорил: «Мы не должны бояться смерти, ибо мы с нею никогда непосредственно не сталкиваемся — ведь пока мы живы, смерти еще нет; а когда к нам пришла смерть, нас уже нет».

Я же, со своей стороны, твердо убежден в том, что философы, которые говорят, что у нас нет никаких оснований бояться смерти не правы: со страхом смерти не так легко разделаться, как полагал Эпикур! Если мы не являемся сознательными и последовательными христианами, если мы не приняли Иисуса Христа в свое сердце, есть самые серьезные основания бояться смерти. Я убежден, панический страх смерти — это не что иное, как спасительная Божья «подсказка», Божье наставление, и если мы будем хорошими учениками, правильно воспримем Божью «подсказку» и усвоим Божий урок, это приведет нас ко спасению в Иисусе Христе. Суть спасительного Божьего наставления можно выразить такими словами: «Люди! Задумайтесь, для чего вы живете, каков смысл, каково значение вашей жизни! Взгляните шире — действительно ли ваша жизнь ограничивается тем кратким временным отрезком, который вы проходите в течение вашей земной жизни?» Примерно так можно выразить Божью «подсказку» о смысле жизни, которая заключена в страхе смерти. Человек, который понял это, будет гораздо серьезнее относиться к земной жизни, будет всерьез воспринимать и возможность будущей жизни, как жизни нашей души после смерти тела, так и нашего телесного восстановления, воскресения после второго пришествия Иисуса Христа. Он также будет серьезно воспринимать и нашу ответственность перед Богом за все то, что мы сотворили в своей земной жизни.

Эта Божья «подсказка» о смысле жизни, которая содержится в страхе смерти, звучала в людском сознании и памяти во все времена земного существования человека после его грехопадения. Ее правильно воспринимали многие великие философы дохристианской древности — Пифагор, Сократ, Платон и другие. Но полнота истины о смысле смерти была дана нам лишь с явлением Иисуса Христа, Который победил смерть и проложил нам путь в вечную жизнь.

Для христианина животный страх смерти превращается, я бы даже сказал, преображается, пресуществляется в целительную для души память смертную. Слово пресуществляется» в данном случае означает принципиальное изменение сущности. Страх смерти сдавливают, теснит и часто кажется, что уничтожает душу человека, который еще не принял освобождающего его от рабства греху и рабства смерти дара нам Иисуса Христа — дара Иисусом Христом Самого Себя! Но если мы принимаем этот дар, то жуткий страх смерти чудесным образом, Божьей благодатью, преображается в целительную для нас, для души память смертную, которая возвышает и освобождает душу от рабства греху и от самого страха смерти.

Энергия подавления и унижения нашей души преображается в энергию ее освобождения и возвышения — спасительную энергию упования на спасающую нас силу Иисуса Христа. Это освобождение и возвышение, повторяю, осуществляются таинственной Божьей благодатью. То, что нас угнетало, то, что, казалось, стирало нас в пыль, в ничто, становится источником упования, источником надежды во Иисусе Христе.

Для христианина смерть тела — это радостный момент нашего соединения, соединения нашей души со Христом. Иисус Христос Своим Воскресением победил смерть. Где Иисус — нет смерти, нет страха, там нет страха смерти. Поэтому если мы

уже здесь, на земле начинаем жить во Иисусе Христе, то мы уже здесь — сейчас, сегодня — начинаем обретать бессмертие.

Но нельзя расслабляться! Нужно бодрствовать, трезвиться и молиться в ожидании встречи со Христом! Очень хорошо начало процесса превращения животного страха смерти в спасительную для нас память смертную, начало бодрствования во Христе выразил протопоп Аввакум в своем знаменитом «Житии», то есть жизнеописании. Он пишет о том времени, когда он был еще отроком, то есть подростком, пишет на языке своего времени — XVII в.: «Аз же некогда видево у соседа скотину умершу, и той ноци, возставше, пред образом плакався доволно о душе своей, поминая смерть, яко и мне умереть; и с тех пор обыкох по вся ноци молитися». На современном языке этот отрывок звучит так: «Я как-то увидел у соседа умершую скотину (то есть домашнее животное. — В.К.) и той же ночью поднялся и перед образом (то есть перед иконой. — В.К.) сильно плакал о душе своей, вспоминая смерть, ибо и мне предстоит умереть; и с тех пор привык каждую ночь молиться».

Нужно молиться! Нужно трезвиться! Нужно уповать на Христа в ожидании встречи с ним! Память смертная — это, можно сказать, компас, по которому мы идем ко Христу.

ПОЧЕМУ НЕКОТОРЫЕ ЛЮДИ СТРЕМЯТСЯ К СВОЕЙ СМЕРТИ?

Наблюдая жизнь некоторых людей, невозможно отделаться от впечатления, что они делают все от них зависящее, чтобы приблизить свою погибель, свою смерть. Я имею в виду людей, которые поступают вопреки так называемому «инстинкту самосохранения» — инстинкту, который должен заставлять нас делать все для сохранения и улучшения нашей жизни. Почему же некоторые люди буквально стремятся навстречу своей смерти? Почему они, можно сказать, буквально плюют на себя, на свою жизнь, всячески укорачивают ее алкоголем, наркотиками, преступным поведением — преступным и безответственным поведением не только по отношению к другим людям и к обществу, но и к самим себе?.. Наш Александр Сергеевич Пушкин вложил в уста одного из персонажей «Пира во время чумы» слова, которые, как мне кажется, прекрасно выражают подобные погибельные устремления: «Все, все, что гибелью грозит, / Для сердца смертного таит / Незъяснимы наслажденья».

Большинство из нас — обычных, нормальных людей, боится смерти. Те же люди, которые как бы ищут свою смерть, очень часто являются жертвами своих духовных заблуждений. В действительности все люди — без исключения, стремятся жить. Это — закон, которому все мы подчиняемся, в том числе и те, кто, казалось бы, ищет свою смерть. Парадоксальным или, лучше сказать, извращенным, противоестественным образом своей смертью они стремятся утвердить свою жизнь. Они стремятся к смерти как бы «понарошку», как обиженные дети, которые, переживая свои обиды, думают: «Вот умру — тогда поплачете!». Люди, стремящиеся к смерти, очень часто, неосознанно руководствуются в своем стремлении подобными глубинными мыслями. Но сути они остались обиженными детьми. Такие люди очень часто «обижаются на жизнь» и стремятся ей, так сказать, «отомстить». А «мщение» осуществляется по пословице: «А пускай у меня руки отмерзнут — чего хозяин рукавиц не дает!» Таким странным, губительным для себя образом они самоутверждаются, то есть выражают и утверждают свою волю к жизни. Это, конечно же, — тупиковое самоутверждение — «Дьяволова ловушка», «Дьяволов тупик».

Я думаю, что стремление к смерти, которое овладевает душами таких людей, хотя и странным образом, но тем не менее выражает их надежду на бессмертие. Я нахожу

подтверждение сказанному мною в продолжении отрывка из «Пира во время чумы»: «Все, все, что гибелью грозит, / Для сердца смертного таит / Незъяснимы наслаждения» — / *Бессмертья, может быть, залог!* Таким образом, стремление к собственной гибели у героя пушкинского монолога, по существу, отождествляется со взыванием бессмертия, хотя лишь в глубине самосознания.

Варианты подобного погибельного самоутверждения бывают самые разнообразные — от переедания и пьянства до прямого наложения на себя рук. Люди ухитряются убивать себя самыми разнообразными, изощренными способами, как например герой замечательного рассказа И. Бунина «Я все молчу».

Шаша, можно сказать, вдохновенно и систематически ломает, крушит свое житейское благополучие, ставя целью своей жизни скатиться как можно ниже, стать нищим отбросом деревенского, крестьянского общества. И со временем он становится нищим слепцом. Цитирую окончание этого рассказа: «Шаша — у пристани: теперь он равноправный член, кость от кости, плоть от плоти нищей орды, стоящей в церковной ограде. Босой, в лохмотьях, густобородый, с головой, стриженной ежом, в мешках крест-накрест, дико ломает он брови над выбитыми и затянувшимися глазами и сипло орет в лад с прочими за душу хватающие нищенские стихиры. Хор мрачно дерет кто во что горазд... Выделяется резкий голос Шаши:

*Придет время,
Потрясется земля, небо,
Все камушки распадутся,
Престолы Господни нарушатся,
Солнце с месяцем примеркнет,
И пропустит Господь огненную реку!»*

Замечательна, символична и характерна эта стихира, которую, по выражению Бунина, «дерут» нищие. Эта стихира представляет собой катастрофическую апокалипсическую песнь. Она, кроме того, по сути выражает взывание, надежду Шаши. Более того, можно сказать, что эта стихира выражает погибельные устремления как таковые.

Но что же все-таки является конечным источником погибельных устремлений? Попробую ответить на этот вопрос образно.

Представьте себе сплошное шарообразное тело, которое примерно равно нашему земному шару. Сердцевину этого тела составляет некий энергетический резервуар, который состоит из двух противоположных друг другу «по заряду» источников энергии. Один из этих источников заряжен «положительно», а другой — «отрицательно». Остальная часть этого шара составлена из секторов. Каждый из этих секторов образуется так: на поверхности шара выделен некий участок размером, скажем, от пяти до десяти огородных «соток». Вся поверхность нашего шара поделена на такие участки. Каждый отдельный сектор образуется продолжением вглубь шара некоторого конкретного поверхностного участка — концентрически сужается по мере приближения к центральному энергетическому резервуару. В самом узком своем сечении, то есть на максимальном удалении от поверхности, каждый сектор подключен к центральному энергетическому ядру шара, причем подключен как к источнику «положительной» энергии, так и к источнику «отрицательной» энергии. Что символизирует эта картинка? Шар в его основной массе (за исключением центрального энергетического резервуара) — это совокупность человеческих душ. Каждый отдельный сектор — это отдельная душа. Отдельные участки на поверхности шара — это отдельные сознания отдельных людей. Более глубокие слои каждый из секторов, которые концентрически сужаются вглубь, — это неосознаваемое нами содержание нашей индивидуальной психики. Центральный энергетический «резервуар» — это

источники добра и зла, соответственно — источник жизни и смерти, — источники для каждой человеческой души. Таким образом, конечным источником погибельных устремлений людей является некий источник зла (источник смерти), который является общим для всех людей. Этот источник, как мы хорошо знаем, не является безличным. Не является он и анонимным, то есть безымянным. Источник зла — это личность злого духа, который имеет собственное имя, точнее, собственные имена — сатана, дьявол, веельзевул... Вот кто смущает нашу душу погибельными влечениями, ибо именно он — и никто другой — является «человекоубийцей от начала» (ср.: Ин. 8:44). А источником добра и жизни является, конечно же, Бог.

ФИЛОСОФИЯ КАК СПЕЦИФИЧЕСКАЯ ПСИХОТЕРАПИЯ

Александр Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ», высказал такую мысль: «Мы не стыдимся Бога, когда нам плохо. Мы стыдимся Его, когда нам хорошо». Мысль вполне понятная и совершенно верная. То же можно сказать и о философских рассуждениях, о философствовании: от хорошей жизни — в ситуации полного житейского благополучия — люди не будут философствовать. В данном случае я имею в виду не философствование, которому предавались герои Джонатана Свифта, всерьез решая «проблему»: с какой стороны нужно разбивать сваренные яйца — с тупой или острой? Нет, я имею в виду подлинное философствование, в котором выражается глубокий интерес к жизненно важным философским проблемам — что такое жизнь? Что такое достойная жизнь? В чем смысл жизни? Что такое смерть? В чем смысл смерти? Существует ли душа? Если она существует, то бессмертна ли она? Существует ли посмертное воздаяние? Существует ли Бог? Что такое добро и зло?

Люди всерьез задаются подобными вопросами, когда у них, так сказать, «душа болит», когда по тем или иным причинам становится дискомфортно жить, когда мы выбиты из привычной, накатанной жизненной колеи, — может быть, столкнулись с тяжелой неизлечимой болезнью или пережили смерть близкого нам человека, или столкнулись с поразившим нас проявлением зла, а может быть, просто остановили свой жизненный разбег и задумались: «А в чем смысл, говоря словами Пушкина, "жизни мышьяем беготни"? А стоит ли суетиться? А если стоит, то для чего?»

Я убежден, что подобные вопросы — это самые важные вопросы нашей жизни. И все мы так или иначе, хотим мы того или нет, вынуждены решать и решаем эти вопросы.

Многие люди, когда видят, что близкий им человек поглощен подобными вопросами, начинают беспокоиться за его душевное равновесие и дают ему совет: «не думать». Я убежден, что... Надо думать!

Когда Лев Николаевич Толстой умирал на станции Астапово, даже в таком состоянии он пытался рассуждать о Боге и о смысле жизни. Близкие жалели его и призывали экономить свою жизненную силу, которая стремительно убывала. Они говорили: «Лев Николаевич! Успокойся, не думай!». На что умирающий писатель отвечал: «Как вы можете так говорить? Нет: надо, надо думать!». Он продолжал лихорадочно рассуждать и просил свою дочь Александру записать его мысли... бдительный, неусыпный «сторожевой пункт разума», «сторожевой пункт духа» в сознании Льва Николаевича действовал практически до самой кончины великого писателя.

Бывают такие ситуации, такие периоды в жизни, когда философствование является жизненно важным, необходимым для нас. В подобных ситуациях философия играет роль своеобразной психотерапии. Я в данном случае имею в виду, что, во-первых, самостоятельное философствование способствует залечиванию наших душевных ран, а во-вторых, изучение философских рассуждений выдающихся

мыслителей прошлого способствует восстановлению целостности нашей души. Конечно, в подобных ситуациях гораздо важнее самому рассуждать, пусть и мало профессионально, но все же самостоятельно, а не «поглощать» уже приготовленную другими мыслителями целительную духовную пищу. Но можно, разумеется, и предварительно готовиться к подобным ситуациям — изучать философию, историю философии, читать хорошие духовно глубокие книги — и религиозные, и художественные, Библию прежде всего, Толстого, Достоевского, Чехова, Солженицына и др. Люди, которые жили до нас, решали те же проблемы, которые сейчас решаем мы, думали о том же, о чем сейчас думаем мы, — о жизни и о смерти... Эти великие люди должны стать самыми близкими, задушевными друзьями и советниками в горестях и радостях.

Здесь вполне уместно такое сравнение: воин учится ратному делу в мирное время, чтобы применять приобретенные навыки в боевой обстановке. Стоит, я убежден, начинать вдумчиво изучать труды мыслителей и великих писателей прошлого, пока наша жизнь является еще более или менее сносной, хотя бы для того, чтобы уметь встречать тяжкие времена в духовном и, особенно, философском всеоружии.

Изучение философии — это овладение навыками психотерапии, навыками лечения души. Эти навыки мы можем применять не только в нашей личной жизни, но и помогать другим людям справляться с их жизненными проблемами, подобно тому как мы можем излечивать не только свои недомогания лекарствами из нашей домашней аптечки, но и помочь, скажем, соседу по лестничной площадке. Философия, как специфическая психотерапия, помогает человеку жить. Она помогает нам справляться с жизненными трудностями, сохранять душевное равновесие в непростых жизненных обстоятельствах. Она укрепляет нас — укрепляет нашу душу.

В словарях слово «психотерапия» определяется как метод лечения психологических проблем без лекарств и хирургических вмешательств. Принято также считать, что психотерапевтическим лечением должны заниматься специалисты-профессионалы — врачи психиатры и психологи. Поэтому, естественно, возникает вопрос: в чем специфичность философской психотерапии по сравнению с психотерапией медицинской? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно сказать несколько слов об устройстве нашей души. В нашей душе можно выделить, по крайней мере, три уровня: во-первых, более или менее поверхностный слой — наши ощущения, восприятия, представления, наши явные мысли и т. п.; во-вторых, средний, более глубокий слой; и наконец, в-третьих, глубинный слой нашего душевного устройства — наш дух, который отличает нас от живых существ низшего типа. Медицинская психотерапия лечит преимущественно «поверхность» нашей души, то есть имеет отношение преимущественно к первому слою. Но может в той или иной степени касаться и второго, среднего, слоя. Философия же, как специфический вид психотерапии, я думаю, имеет отношение к излечению (восстановлению целостности) преимущественно второго, среднего слоя. Но может в какой-то степени оказывать целительное воздействие и на третий, самый глубокий, слой нашей души.

Зададимся вот каким вопросом: что человек ищет в философии в нелегкие, тревожные периоды своей жизни? Ответ очевиден: он ищет средства для исцеления души, для восстановления душевной целостности. И отчасти находит эти средства. Но, конечно же, самые глубокие, самые серьезные болезни, которым может подвергаться наш дух, не подлежат исцелению ни философскими размышлениями, ни методами медицинской психотерапии. И где же нам найти исцеление от них? Исцеление от самых серьезных болезней нашего духа мы можем найти только в Иисусе Христе, Который берет на Себя все наши тяготы, возлагает на Себя все наши болезни, в том числе и болезни нашего духа.

БОЖЬЯ ПЕДАГОГИКА:

ШАГ ЗА ШАГОМ...

Никто из нас не хочет быть злодеем, то есть человеком, творящим злые дела. Более того, я убежден, что в душе каждого из нас живет искреннее желание быть хорошим, совершать лишь добрые поступки. Все мы, в конечном счете, хотим, чтобы наша жизнь, наше поведение были угодны Богу. И в то же время все мы, кто реже, кто чаще, совершаем дурные, недостойные, предосудительные поступки, за которые нам потом стыдно. Конечно, нет такого человека, который всерьез и вполне осмысленно принял бы, если можно так выразиться, «решение быть плохим». Я убежден, что нет и не может быть такого человека, который однажды и всерьез с осознанием полной своей ответственности принял бы решение «отныне и впредь вести греховную жизнь!» Я также глубоко убежден, что все мы в глубине души абсолютно точно знаем, «что такое хорошо, и что такое плохо», мы абсолютно точно знаем, когда мы переступаем границу между добром и злом. В глубине души каждого из нас имеется «абсолютное мерило» добра и зла. Этим абсолютным мерилом является наша совесть.

Таким образом, все мы, казалось бы, имеем абсолютно все для того, чтобы быть хорошими. Но почему же далеко не все и далеко не всегда мы ведем себя должным образом? Все дело в нашей воле, в ее направленности ко злу. В этой связи вспоминаются очень точные и самокритичные слова апостола Павла из его Послания к римлянам, в котором он говорит не столько о себе, сколько о всех нас, о нашей общей (человеческой) природе, о ее принципиальной пораженности язвой первородного греха. Вот эти глубокие, справедливые и применимые ко всем нам слова апостола Павла: «Не понимаю, что делаю; потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю. ... Знаю, что не живет во мне, то есть в плоти моей, доброе; потому что желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу. Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. Если же делаю то, чего не хочу, уже не я делаю о, но живущий во мне грех. Итак, я нахожу закон, что, тогда хочу делать доброе, прилежит мне злое. Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божиим; но в членах моих вижу иной закон, противобрствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих» Рим. 7:15-23).

Итак, умом мы расположены к добру, но воля наша буквально заставляяет нас творить зло. Неужели нет выхода? Может быть, мы должны смириться с таким положением дел? Может быть, борьба со злом в нашей душе принципе обречена на поражение? Может быть, не стоит и силы тратить на эту борьбу, а следует, наоборот, отдаться влечению ко злу и творить зло уже не по принуждению своей изуродованной грехом воли, а, так сказать, «в охотку», «с огоньком», отбросив муки и требования совести, посредством которых с нами непосредственно говорит Бог?

И есть люди, которые отвечают на все эти вопросы словом «да». Такие люди вместе с требованиями своей совести, то есть вместе с требованиями, которые предъявляет к нам Бог, отбрасывают и Бога, отгораживаются от Него и начинают служить злу, начинают служить носителю зла, Но является ли их гибель неизбежной? Действительно ли «не стоит и силы тратить» на борьбу со злом в своей душе? Действительно ли перед нами всего лишь одна дорога — дорога служения злу? Конечно же, нет! У нас всегда есть выбор между служением злу или служением добру, выбор между служением дьяволу или служением Богу. Но мы не можем начать служить Богу без Его содействия нам, без Его помощи нам. «Без Меня не можете делать ничего», — говорит Иисус Христос (Ин. 15:5). Но как заручиться Божьей помощью в деле борьбы со злом в нашей душе? Очень просто: уверовать в Бога, уверовать в Иисуса Христа! Нужно открыться Богу, открыть свое сердце, свою душу Иисусу Христу. А за Ним дело не станет, Он не замедлит, Он моментально войдет в сердце человека и выбьет оттуда Своего и нашего противника. Наш враг моментально

потерпит сокрушительное поражение! Иисус выполнит основную ратную работу в нашем сердце — Он преобразит нас, преобразит наше сердце.

Но означает ли это, что на нашу долю уже ничего не останется? Что победа над злом в нашей душе будет полной и окончательной? Что мы в дальнейшем сможем спокойно «почивать на лаврах» Христовой победы в нас? Что мы «обречены на пассивность»? Конечно же, нет! И на нашу долю остается большая и постоянная работа по поддержанию и увеличению в нас веры в Бога (работа по возгреванию веры), а также работа по домостроительству нашей души — возделывание и разработка духовных даров, которыми Иисус Христос обогащает нас.

Иисус выпалывает сорняки греха из нашего сердца, культивирует его почву и высевает в нее семена Своих духовных даров. Мы же должны терпеливо возвращать эти семена, поливать их, окучивать и т. д. Но и во всех этих действиях мы никогда не остаемся без Божьей помощи, без Его содействия нам. Мы призваны продолжать Его дело в нас. Мы призваны к самовоспитанию под Его постоянным деликатным и чутким присмотром. Но Его присмотр за нами — это ни в коем случае не ограничение нашей свободы. Наоборот, Его попечение о нас — это воспитание нашей свободы, без которой мы не сможем быть сознательными и полноценными сотрудниками Ему.

Когда родители учат своего младенца самостоятельно ходить, они поддерживают его, помогают ему, поднимают его, когда он спотыкается и падает. Они любят его и рассчитывают в будущем на него, на то, что он будет им хорошим помощником. Но таковым он станет лишь в том случае, если обретет свободу и самостоятельность в своих действиях. Бог — это наш Отец. Он любит нас и рассчитывает на нас. И поэтому Он наделяет нас свободой, воспитывает нас в свободе.

ЛЮБОВЬ К РОДИНЕ — ЭТО, В КОНЕЧНОМ СЧЕТЕ, ЛЮБОВЬ К БОГУ

Сравнительно недавно у нас, в России, появился, на мой взгляд, очень неплохой фильм «Брат 2», который поставил режиссер Алексей Балабанов. Главный герой фильма, Данила Бодров, роль которого замечательно исполняет Сергей Бодров, борется за справедливость против бандитов, но, к сожалению, бандитскими же методами. Льется много крови — и это нехорошо...

Но если мы вспомним наши былины и сказки, то и наши сказочные и былинные герои — Илья Муромец и другие, не «уговорами» боролись со злодеями, а палицами и мечами. Данила Бодров в фильме также ведет борьбу за справедливость, за правду, за нравственный порядок, против нравственного беспорядка и зла, которое олицетворяют бандиты — и «отечественные», и «зарубежные», и, так сказать, бандиты «в чистом виде», и бандиты от коммерции и банковского дела. Бандитов «всех сортов» в России за последние десять-двенадцать лет появилось слишком много.

Данила воплощает черты всех сказочных заступников земли Русской, но четко проявляются черты Ивана-дурака, человека с виду простоватого, но на самом деле умного, глубокого, в высшей степени справедливого и самоотверженного. Иван-дурак, не раздумывая и не считаясь с личными неудобствами, оставляя на время в стороне все личные дела и заботы, идет на смертельный риск в борьбе за правое дело, восстанавливает справедливость. Стремление к справедливости — это одно из основных стремлений нашей души, голос совести в нас, громкий голос Бога в нашей душе, ибо Бог справедлив, а мы созданы Им по Его образу и подобию. Даже если мы своими грехами всячески унижаем и уродуем себя и свою душу, затемняем образ Божий в себе, тем не менее, образ Божий просвечивает в нас, в нашем стремлении к справедливости. И когда мы видим самоотверженно справедливого человека, мы восхищаемся им как героем.

Именно поэтому Данила Бодров, герой «Брата 2» — современное кинематографическое олицетворение традиционной русской справедливости, олицетворение правды, так сильно «зацепляет» нашу душу. В конце кинофильма, обращаясь к американскому преступнику, он говорит: «Вот скажи мне, американец: В чем сила? Разве в деньгах?.. У тебя много денег — и чего?.. Я вот думаю, что сила — в правде: у кого правда, тот и сильнее... Вот ты обманул кого-то — денег нажил... И чего — ты сильнее стал? Нет, не стал... Потому что правды за тобой нет. А тот, кого ты обманул, за ним правда... Значит, он сильнее». Здесь вспоминается русская пословица: «Не в силе Бог, а в правде», которая, судя по всему, исходит из библейского выражения: «Бог верен, и нет неправды (в Нем)» (Вт. 32:4). На протяжении кинофильма Данила время от времени повторяет наивное, но очень трогательное и правильное, несущее в себе глубокую истину, детское стихотворение, которое вдохновляет, подкрепляет его силы. Звучит это стихотворение так:

*Я узнал, что у меня
Есть огромная семья —
И тропинка, и лесок,
В поле каждый колосок...
Речка, небо голубое —
Это все мое, родное...
Это — Родина моя...
Всех люблю на свете я!*

Бог создал наш прекрасный мир. Он создал и нашу Родину. И она тоже прекрасна. Она заслуживает нашей бескорыстной и самоотверженной любви, потому что она — Божье творение, которое прекрасно прежде всего тем, что и в ней, в нашей Родине, как и во всей Вселенной, есть отблеск божественной красоты и премудрости.

Бог выразил Себя в мире, Он выразил Себя в Своем творении. Об этом говорит и апостол Павел в Послании к римлянам такими словами: «Невидимое Его, вечная сила Его и Божество от создания мира чрез рассматривание творений видимы» (Рим. 1:20). Так что не только люди являют собой образ Божий, но и мир в целом являет собой прекрасный образ Божий и заслуживает нашей любви, почитания и уважения.

И Родина наша, как прекрасное Божье творение, конечно же, заслуживает нашей горячей, искренней, беззаветной и бескорыстной любви. Причем, если можно так выразиться, «температура» нашей любви к Родине, естественно, будет выше, чем температура любви к остальному миру, ибо наша Родина для нас ближе и роднее, чем ближнее или, тем более, дальнее «зарубежье». Так что, когда мы любим нашу Родину, ее людей, природу, ее ясные дни и ненастья, мы любим Бога. Любовь к Родине естественна для человека с неискаженной, не-изуродованной грехом душой. Об этом же незатейливо, но очень верно говорит наша народная мудрость: «Где родился, там и пригодился».

Но любовь к Родине не должна превращаться в агрессивный национализм, когда «из любви к своей Родине» начинают ненавидеть чужую Родину. В этом случае Родина становится идолом, а любовь к ней — идолопоклонством, а идолопоклонство очень далеко от истинной любви к Богу. Любовь к своей Родине лишь тогда является выражением подлинной любви к Богу, когда она сопровождается чувством искренней благожелательности ко всякому Божьему творению, в том числе и к иноземцам.

Кстати, в стихотворении, которое так понравилось Даниле Бодрову, это чувство благожелательности ко всему Божьему миру нашло свое выражение в прекрасной последней строчке: «Всех люблю на свете я!»

РЕЛИГИОЗНЫЕ ИСТОКИ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Что такое человеческая культура? Что она включает в себя? Можно с уверенностью сказать, что культура имеет отношение ко всем сторонам нашей жизни. Она имеет отношение в равной степени и к материальным, вещественным сторонам нашей жизни, и к духовным ее сторонам. Строительство зданий — строительство храмов, производственных сооружений, жилых домов, театров, картинных галерей и т. д. — это культура. Развитие техники, разработка искусственных конструкций, которые облегчают нашу жизнь, — самолеты, поезда, пароходы, бытовая техника — это культура. Организация нашей жизни, организация нашего быта — это культура. Все виды искусства — это культура. Научная деятельность — это культура. Наша вера в Бога, понимание нами наших нравственных обязанностей перед Богом и перед нашими ближними — это, несомненно, культура. Итак далее... Нет такой области человеческой жизни, которая не была бы самым существенным образом затронута культурой. Культура является необходимым, неотъемлемым свойством человечности. Можно сказать, что разработка культуры, созидание культурных ценностей — это выражение смысла существования людей. Однако все же возникает общий вопрос: что мы развиваем? Что мы приумножаем, когда мы развиваем и приумножаем культуру? Другими словами: в чем смысл и суть культуры? Думаю, что в качестве самого общего и предельно краткого ответа на этот вопрос можно сказать вот что: смысл и суть культуры состоят в гармонизации жизни нашего духа и в вынесении достигнутой нами внутренней гармонии нашего духа вовне, в мир. Иначе говоря, достижения культуры — это плоды, которые вырастают на дереве жизни нашего духа. Мы выращиваем эти плоды и свободно дарим их людям. Например, художник пишет замечательную картину. Эта картина — плод жизни духа данного художника. И этот плод он дарит людям, и они питают им свой дух... Композитор пишет музыку — и ею наслаждаются люди... Ученый делает открытие — и его плодами пользуются люди... И так далее... Таким образом, когда я говорю о культуре, я говорю о созидательной деятельности, о созидательной культуре — о гармонизации жизни нашего духа и о вынесении результатов этой гармонизации вовне — на духовную радость всем людям.

Иными словами, культура — это прежде всего и преимущественно все то, что вносит гармонию и чистую духовную радость в нашу жизнь. Поэтому все то, что вносит дисгармонию и разлад в нашу жизнь, не является культурой. Продукты человеческой деятельности, которые разрушают человеческую душу, психику, не являются культурными достижениями, даже если они и претендуют на то, чтобы быть ими. Например, некоторые произведения писателей, музыкантов, работы из области изобразительных искусств, на мой взгляд, ни в коем случае не могут быть отнесены к явлениям культуры. Наоборот, они могут быть отнесены исключительно к явлениям антикультуры. Таковы, скажем, многие произведения так называемой рок-музыки — «тяжелый рок» и т. п. Таковы же порнографические, развращающие людей литературные сочинения, кинокартины, произведения изобразительного искусства.

Культура — это свет, добро, красота и гармония — гармония жизни, радость жизни, и эта гармония, эта радость идет, в конечном счете, от Бога, от внимания к гласу Бога в нашей душе, ибо конечный источник света, добра, красоты, радости и гармонии в мире — это Бог. Антикультура — это мрак, зло, нравственное уродство и дисгармония. Эти мрак, зло, нравственное уродство и дисгармония имеют своим источником, в конечном счете, врага Бога, а также пораженность нашей воли первородным грехом. Высший источник культуры — это, конечно же, жизнь духа в нас, улавливание и усваивание нами, нашей душой голоса Бога.

Лишь человек, который прислушивается к голосу Бога, является творцом подлинных, великих культурных ценностей, создателем глубоких научных теорий,

организатором гармоничных взаимоотношений между людьми. Ясно поэтому, что духовная культура первична, а культура материальная, вещественная, то есть поезда, самолеты, усовершенствования быта и т. п., вторичны.

Итак, культура имеет своим высшим источником наши взаимоотношения с Богом. А что это за сфера нашей жизни — наши взаимоотношения с Богом? Как называется эта сфера? Эта сфера — религия. Источник культуры — это религия! А что такое религия в самом общем смысле слова?

Как известно, слово «религия» происходит от латинского слова, которое означает благочестие, святую и набожность. Любая религия, кроме буддизма, исповедует веру в тех или иных богов или единого Бога.

Обычно ученые выделяют три ступени, три этапа в развитии религии. Первая ступень получила название «естественной религии». На этом этапе развития религиозных верований люди обнаруживают многообразных «богов» в силах природы. Это — «многобожный», «политеистический», языческий этап. На второй ступени развития религиозных верований люди обретают веру во всемогущего Бога-Господина. Бог-Господин дает людям заповеди — повеления, правила поведения, которым люди должны беспрекословно следовать. Этот этап в развитии религиозных верований получил название «религия закона». Третий, высший этап связан с глубоким осознанием нашей греховности. Он получил название «религия искупления». Это — наша, христианская вера. Мы веруем в искупительный подвиг Иисуса Христа. Мы веруем в бесконечную милосердную любовь к нам Бога, Который искупил наши грехи, правда, при соблюдении с нашей стороны одного неременного условия: Бог прощает нам наши грехи, если мы искренне стремимся больше не грешить.

Любая религиозная вера обязательно включает в себя убеждение в том, что существует некоторая Высшая тайная сила, или Высшие силы. Эти силы заслуживают поклонения, почитания их. Они так или иначе участвуют в жизни людей: дают людям правила поведения, наказывают за проступки, поощряют и награждают за должное, достойное, нравственное поведение.

Самые разнообразные религиозные верования людей всегда были основой их созидательной, творческой деятельности, результатом которой являются высшие достижения человеческой культуры. Религиозные верования, религиозные ценности — это основа, фундамент человеческой культуры.

Несомненным фактом является то, что замечательные культурные достижения имеются не только в рамках нашей, христианской, культуры, но и в рамках культур, имеющих своим источником иные, нехристианские, религиозные традиции. Например, языческая древнегреческая религия способствовала появлению замечательных храмовых сооружений и не менее замечательных скульптур.

Как такое возможно? Почему оказывается возможным появление замечательных культурных достижений, замечательных произведений искусства, великолепных памятников культуры вне христианской культуры? Я думаю, что ответ на этот вопрос очень прост: все доброе, все хорошее в этом мире, в том числе и все великие культурные достижения, исходит от единого Бога. Поэтому все хорошее и истинно великое и в нехристианских культурах имеет своим конечным источником единого Бога, которому мы, христиане, поклоняемся в наибольшей полноте.

Я думаю, не будет преувеличением сказать, что буквально все великие культурные достижения людей являются христианскими по своей сути, по своему характеру. Даже когда люди не знают Библии, не исповедуют истинного Бога своими устами, они могут исповедовать Его своим сердцем. Слово Божье, истина о Боге с той или иной степенью полноты ее запечатления может жить и очень часто живет в душе и язычника, если он этот язычник живет по совести. Веления совести, веления подлинной человечности, которые звучат из глубины сердца человека, это, конечно же, подлинный голос Бога. И этот голос может звучать в сердце нехристианина ничуть не меньше, чем

в сердце христианина. И когда люди создают произведения искусства, когда они творят иные культурные ценности под влиянием внушений голоса Бога, который звучит в их душе, в их сердце, тогда они творят христианские по своему характеру, по своей сути культурные ценности, независимо от того, являются ли они сознательными христианами, исповедуют ли они христианство устами.

Русский религиозный философ Иван Ильин такими правильными словами выразил христианское отношение ко всему ценному, что в течение веков было создано нехристианами: «Все чистое, глубокое, благородное и прекрасное, что когда-либо появилось на земле или дошло до нас, воспринимается нами, христианами, как близкое, как родственное нам по духу, как подлинно веское и драгоценное, незримо навеянное силою нашего Господа, еще не открывшегося человеческому сознанию, но таинственно пронизавшего сердца людей».

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И ХРИСТИАНСТВО

Лев Николаевич Толстой — гениальный русский писатель. Его творчество характеризуется мучительными, напряженными поисками нравственного идеала, смысла жизни, поисками ответа на важнейшие для человека вопросы: В чем смысл жизни? как жить? существует ли достойная человека цель жизни? Ответы на эти вопросы он искал на путях приобщения к естественной жизни простого народа, на путях приобщения к природе. Мы знаем его как автора великих романов «Война и мир», «Анна Каренина» и многих других произведений.

В возрасте 46 — 47 лет Лев Николаевич переживает сильнейший духовный кризис, в буквальном смысле он переживает «ломку» своего мировоззрения, которое до того во многом было сходно с мировоззрением людей «то времени, его образования, его культурного круга. После кризиса наряду с художественными произведениями он пишет многочисленные философские, богословские и морально-назидательные сочинения. В них Толстой сурово обличает, как он их называет, российские и всемирные «неправды» — «неправды» государственные, общественные, церковные. Слово «неправды» в его устах означает то же, что мы обычно имеем в виду, когда произносим слово «зло». Он также подвергает беспощадной критике современную ему науку, популярную философию, искусство... Что он только не критикует? ! Можно сказать, что он беспощадно критикует культуру, сложившуюся к его времени. Объектами его критических нападок оказались и Шекспир, и Бетховен и многие другие великие деятели культуры. Мне кажется, очень многое в его критике совершенно справедливо и заслуживает внимания до сих пор. Много, но далеко не все!

В своей критике Толстой, в частности, приходит к сознательному исповеданию анархизма, то есть к утверждению, что государственная власть, как таковая, является злом, которое не имеет оправдания и с которым нужно бороться путем неподчинения этой власти. Более того, он приходит к мысли, что любая власть — это зло. В то же время он выступает против насильственного, революционного исправления положения дел в обществе. Он утверждает, что каждый человек должен прежде всего исправлять и улучшать себя, а не стремиться к «улучшению» жизни других людей, тем более насильственными средствами. Государство, говорит он, должно быть упразднено. Но это упразднение должно осуществиться лишь в результате мирного, ненасильственного отказа людей от исполнения государственных повинностей и обязанностей.

В основе этой критической, а порой даже разрушительной, работы Толстого лежит своеобразное перетолкование им христианства. Он стремился опереться на учение Христа, правда, понимал он его настолько своеобразно, что есть основания сомневаться в том, что он был христианином.

Толстой всю жизнь искал Бога и смысл жизни, особенно интенсивно эти поиски шли после кризиса. Но что двигало Львом Николаевичем в его поисках? Страх смерти! Именно страх смерти заставлял его искать Бога.

В августе 1869 г., когда Толстому шел 42-й год, он отправился в Пензенскую губернию покупать имение. Заночевал в городе Арзамасе. И ночью в гостинице с ним случился один из сильнейших припадков страха смерти. Вот как впоследствии он описал его: «Заснуть не было никакой возможности. Зачем я сюда заехал? Куда я везу себя? От чего, куда я убегаю?.. Я убегаю от чего-то страшного и не могу убежать. Я всегда с собою, и я-то И мучителен себе... Не пензенское и никакое имение ничего не прибавит и не убавит мне... Я надоел себе. Я несносен, мучителен себе... Но я не могу уйти от себя... Да что это за глупость, — сказал я себе, — чего я тоскую, чего боюсь?» «Меня, — неслышно отвечает голос смерти. — Я тут». Мороз подрал мне по коже. Да, смерти. Она придет, она — вот она, а ее не должно быть... Все "заслонил ужас за свою погибшую жизнь... *Ужас — красный, белый, квадратный.* (Обращаю внимание читателя а эту гениальную образную характеристику ужаса. очень напоминает «супрематистские» полотна Казимира Малевича — его черные, белые и красные квадраты! — В.К.) Рвется где-то и не разрывается. Мучительно, мучительно, сухо и злобно, ни капли доброты я в Себе не чувствовал, а только ровную спокойную злобу На себя и на то, что меня сделало».

Обратите внимание на последние слова: Толстой испытывает злобу «на то, что его сделало». Это означает, что он испытывает злобу на Бога. Его душа оказалась пленена силами зла. А что это за «силы»? Эти «силы» суть бесы. Душа Толстого в описанном эпизоде пленена бесами! Приведенный эпизод является замечательным художественным описанием бесоодержимости. Основным признаком бесоодержимости — это злоба на Бога, приводящая человека к отчаянию, а порой и к самоубийству... В подобных состояниях Толстой был близок к самоубийству. Об этом довольно часто он говорит в своих работах после кризиса. Толстой не верил в существование бесов. И это его неверие, несомненно, существенно облегчало усилия бесов, направленные на овладение его душой.

Ужас перед смертью преследовал Льва Николаевича до конца его жизни. Именно этот ужас толкал его на поиски Бога. Но этот ужас, эта оцепенелая завороченность Толстого смертью имеют нехристианский характер. Они диаметрально противоположны христианскому отношению к смерти, отношению, которое нашло яркое выражение в победном возгласе апостола Павла: «Смерть, где твое жало? Ад- где твоя победа?» (1 Кор. 15:55). Христианин не впадает в панику перед смертью, поскольку он твердо знает, что Иисус Христос победил смерть. И если мы умираем во Христе Иисусе, то умирает (временно!) лишь наша плоть. Душа же — самое ценное в нас! — не подлежит ни тлению, ни мукам, она отойдет к Богу.

Итак, духовными поисками Толстого «руководил» нехристианский ужас перед смертью. Но был у Льва Николаевича и второй «руководитель» — его гордость. Гордость — это тоже нехристианское чувство и отношение к жизни. Можно сказать, что гордость имеет антихристианскую природу.

Гордость же была доминирующей чертой характера Толстого. Об этом говорили многие его современники. Среди них его старший брат Сергей: «Наш Левочка горд. Он вечно проповедует смирение и непротивление, но сам горд, несмотря на это».

И что же мог произвести леденящий ужас перед смертью, помноженный на гордость? Какого «бога» найдет человек, движимый этими чувствами, этими «руководителями»? Да какого угодно, но только не . Христа! Поэтому совершенно неудивительно, что Лев Толстой, очень много толковавший об Иисусе Христе, так и не стал сознательным христианином, ибо он так и не уверовал во Христа как единородного Сына Божия.

Иисус Христос, по мнению Толстого, был всего лишь одним из учителей нравственности человечества, как Будда, Конфуций, Сократ, Магомет, как сам Толстой и многие другие философы и религиозные учителя человечества. Христос не Бог. Он не творил чудес. Он не воскресал. Он лишь учил людей добру. Он — человек, как и немы, но выдающийся человек, выдающийся учитель нравственности. Так считал Л.Н.Толстой.

Ну, а Бог? Какого же «бога» все-таки «нашел» Лев Николаевич? О своем понимании Бога он писал примерно так: Бог есть неограниченное Все, чего человек осознает себя ограниченной частью. Бог есть дух, обнимающий собой весь мир и совпадающий с миром. Человеческая душа является частью Бога.

По мнению Толстого, человек единосущен Богу. примерно так же о Боге говорят индусы. «Если у гордого интеллигента слагается религиозное мировоззрение, — справедливо писал исследователь Лодыженский, современник писателя, — если он, как Толстой, будет признавать Божество, то тут же будет признавать И себя единосущным Божеству, вразрез с христианским учением».

Не всякий мистический опыт, то есть опыт таинственного общения человека с Богом, Толстой категорически отрицал и высокомерно называл «вздором», потому что сам он не имел этого опыта. Его гордость стояла непреодолимой глухой стеной между ним и Богом, между ним и Иисусом Христом.

Толстой претендовал на создание «новой религии». И что же он, в конце концов, создал? Суть его «религиозного» учения можно выразить очень просто: живи аскетически, не делай зла; тогда после смерти достигнешь слияния с Богом — с «Универсальным Духом». Но в этих утверждениях Толстого нет абсолютно ничего нового. Об этом уже около трех тысяч лет говорят индусы. Так что Толстой в своих сознательно исповедуемых религиозных убеждениях был гораздо ближе к индуизму, чем ко Христу.

Надо сказать правду: как богослов, мыслитель и религиозный философ, Толстой был малоталантлив. Его религиозно-философские сочинения малоубедительны, скучны, занудны, многословны, полны логических неувязок и очень часто непонятны. Будучи искренним человеком, Лев Николаевич и сам это как-то подметил. Вот его собственные слова: «Иногда это (он имеет в виду свои религиозные взгляды. — *В.К.*) мне кажется верным, а иногда кажется чепухой».

Писатель же он — гениальный. Для меня он — самый гениальный писатель из тех, чьи произведения я читал. Его писательский дар не оставлял его до конца жизни. Всякий талант — это дар Божий. Бог очень многое говорит нам через писателей, художников, людей искусства, если они полностью отдаются своему, точнее Божьему, дарованию. Так было и с Толстым. Когда он забывал несообразности, которые он изрекал про Бога, и всецело отдавался своему художественному дару, он писал замечательные христианские рассказы, повести, сказки. В своем художественном творчестве он очень часто бывал подлинным христианином. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочитать хотя бы его рассказы: «Чем люди живы», «Где любовь, там и Бог», «Много ли человеку земли нужно?» и многие другие.

Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ КАК ХРИСТИАНСКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ. «ЛЕГЕНДА О ВЕЛИКОМ ИНКВИЗИТОРЕ»

Федор Михайлович Достоевский — великий русский писатель и выдающийся мыслитель. Автор гениальных романов «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Братья Карамазовы» и других, он был также одним из глубочайших философов. В центре его и художественного, и философского внимания всегда находится человек. Писатель убежден, что человек загадочен, соткан из противоречий и очень часто преступен, но он — абсолютная ценность. Какие же противоречия присущи нашей

натуре? о — противоречия между темными, «подпольными», злыми силами, движениями и тенденциями, с одной стороны, и светлыми, добрыми силами и тенденциями, с другой. И первые, и вторые силы присущи нашей душе в равной степени, считает Достоевский. «Бог с дьяволом борются, а поле битвы — сердца людей!» — говорит он об противоречиях устами одного из своих героев. Замечу, что очень часто темная сторона в человеке описывается Федором Михайловичем, к сожалению, гораздо убедительнее и художественнее, чем светлая, такова особенность его дарования. Именно поэтому его талант иногда называют «жестоким».

Достоевский, если можно так выразиться, рассматривает человека «изнутри», а не «снаружи». Если смотреть на человека «снаружи», то он предстает перед нами жестко включенным в порядок природы, то есть некая «вещь» среди других вещей, поведение (поступки) которой полностью определяются внешними обстоятельствами. В этом случае человек не свободен, а значит, и не несет никакой ответственности за свои поступки, он «невменяем», ему нельзя «вменить в вину» ни его проступки, ни даже его преступления. Его поведение точно так же определяется внешними природными законами, как траектория движения бильярдного шара, по которому бьют кием игроки.

Но если смотреть на человека «изнутри», то он предстает перед нами как независимая от природы, самобытная инстанция. Его линия поведения, с этой точки зрения, полностью зависит от него самого. Он свободен и потому ответствен, то есть «вменяем». Он не имеет никакого права объяснять и оправдывать свои поступки и проступки внешними, не зависящими от него обстоятельствами, жить по принципу: «моя хата с краю, я ничего не знаю», перекладывать свободу со своих плеч на плечи того или иного «начальника». Он не имеет никакого права заявлять словами одной из песен Высоцкого:

Не надо думать — с нами тот, Кто все за нас решит.

«Всегда в ответственных случаях надо думать... и решать... самому», — говорит Достоевский.

Подход к человеку «изнутри», а не «снаружи», является единственно верным, если мы хотим постичь духовную суть человека, его богоподобие.

Мы знаем, что человек — существо двуединое: и материальное (телесное), и нематериальное (духовное). Как телесное существо, каждый из нас, разумеется, включен в порядок природы и подчиняется ее законам. Достоевский, конечно же, не оспаривает этого факта. Он говорит о другом. Подлинная суть человека, то есть то, что отличает нас от других материальных объектов и составляет в нас образ Божий, — это наш дух, сущность и проявления которого нельзя объяснить, исходя из процессов, происходящих в нашем теле. Дух человеческий не зависит от природы!

В чем же проявляется деятельность духа в нас? Прежде всего, в нашей свободе. Сущность человека, духовное начало в нем и его свобода — это, по существу, одно и то же, убежден Достоевский. Жизнь духа в человеке проявляется прежде всего в том, что каждый из нас может свободно подчиняться Божьим заповедям, руководствоваться ими, свободно выбрать Бога, а не Его противника. В этом отношении высшими, подлинно человеческими, поступками являются подвиги святости, к которым призывает нас Бог. По мнению писателя, и аморальное, преступное поведение человека представляет собой проявление высшей жизни духа в нем, поскольку он свободно выбирает такое поведение! Преступление есть проявление высшей жизни духа?! Человек, мучающий и убивающий другого человека, совершает «духовный» поступок?! — вправе возмутиться читатель. «Да!» — ответил бы на этот вопрос Федор Михайлович. Именно так: поскольку и в преступлении проявляется свободный выбор человека. А там, где проявляется свобода, проявляется и духовная суть человека. Другое дело, что преступное проявление нашей свободы заслуживает и порицания, и наказания.

Итак, «ядро» человека, его подлинная сущность, самое дорогое для нас — это наша свобода, свобода выбора линии поведения, конкретного поступка в конкретной ситуации. Это — с одной стороны. С другой же стороны, свобода представляет собой тяжкое бремя, которое обламывает «плечи» нашей грешной души, ибо подлинная свобода неразрывно связана с сомнениями, колебаниями, страданиями. И что важнее всего, она связана с ответственностью перед Богом и людьми. Тяжко бремя ответственности! Каждый из нас хорошо знает это по собственной жизни: мы свободны, поэтому должны поступать по совести, не лукавить, быть прямодушными, честными, не бояться «губящих наше тело, души же не могущих убить». Так жить и вести себя нам заповедал Господь. И многим, очень многим из нас, выполнение этих заповедей кажется «бременами неудо-боносимыми». Почему? По одной очень простой причине — по недостатку веры Богу, веры в абсолютность Его заповедей. Чем меньше вера, тем тяжелее кажется бремя свободы, тем труднее выполнять Божьи заповеди. И тогда мы настойчиво ищем, кому бы подчиниться, под флаг какого «идола» встать, стараемся поскорее найти того, под чьим водительством «не надо думать», ибо он «все за нас решит». Об этом Достоевский пишет во многих своих произведениях, но особенно ярко и сильно — в «Легенде о Великом Инквизиторе», которая входит в роман «Братья Карамазовы».

Под видом Великого Инквизитора Достоевский вывел «древнего змея», искушающего род людской со времени наших прародителей. Великий Инквизитор — это зло под личиной добра. Сатана, когда он ведет свою душегубительную работу, всегда прячется под маску добра. Он всегда рядится под «ангела Света», благодетеля человечества. Нужно отметить, что он — «великий актер». Репертуар его ролей бесконечно разнообразен и очень увлекателен для душ, удобосклонных ко злу. Он, кстати, вполне может проповедовать «мир и спокойствие». Но его «мир и спокойствие», в конце концов, оказываются кладбищенским «миром и кладбищенским спокойствием», несущим смерть (погибель) человеческой душе, ибо он — отец погибели.

И наоборот, он может проповедовать мятеж, бунт, войну и называть это борьбой за свободу, за «волю». Повторяю: репертуар лукавого душегубителя разнообразен. Но какую бы роль он ни исполнял, цель его одна — совратить нас, погубить нашу душу, подчинить нас себе, отнять нас у Бога, лишить нас вечного спасения.

От неприкрытого зла душа человеческая в ужасе отшатывается, поэтому зло всегда вынуждено соблазнять людей видимостью добра и подобием истины. Именно так и поступает Великий Инквизитор в романе Достоевского. Он демагогически заявляет, что ему дороги все люди, в том числе и слабые, и порочные. А Христос, Который сделал людей свободными, своим даром свободы якобы рассчитывал лишь на сверхсильных людей, ибо только сверхсильные якобы могут вынести бремя свободы.

«Нет, нам дороги и слабые», — заявляет Великий Инквизитор. Поэтому в интересах слабых людей, которых подавляющее большинство, нужно лишить их свободы. Сильные люди, подобные Великому Инквизитору, должны свободу всех людей взять на себя. Сильные все права свободы должны присвоить себе. Они должны подчинить себе слабых. Они должны править слабыми. Великий Инквизитор говорит, что люди «порочны и бунтовщики, но под конец станут послушными. Они будут дивиться на нас и будут считать нас за богов за то, что мы, став во главе их, согласились выносить свободу, которой они испугались, и над ними господствовать, так ужасно им станет под конец быть свободными!»

Другими словами, зло, сатана представляет себя более милостивым к людям, чем Сам Творец. «Слишком многого от человечества потребовал» — так демагогически упрекает Великий Инквизитор Иисуса Христа. Сатана «жалеет» нас, но «жалость» его душегубительна. По поводу этой жалости вспоминается пословица: «Пожалел волк кобылу, оставил хвост да гриву».

«Жалостью» Великого Инквизитора, сатаны, «древнего змея» жалеют страждущее человечество все самозванные «благодетели», организующие свои диктатуры. Любая диктатура, которая стремится отобрать свободу у людей якобы для их же пользы, является орудием сатаны. Любой диктатор или партия, правительство или государство, которые совершают насилие над самым ценным, что есть у нас, — над нашей свободой и отбирают ее во имя «светлого будущего», вершат богопротивное, антихристианское дело. Именно об этом убедительно говорит Федор Михайлович Достоевский.

БЛЕЗ ПАСКАЛЬ

Есть старинная восточная притча, которую в своем произведении «Исповедь» Лев Толстой изложил такими словами: «Давно уже рассказана восточная басня про путника, застигнутого в степи разъяренным зверем. Спасаясь от зверя, путник вскакивает в безводный колодезь, но на дне колодца видит дракона, разинувшего пасть, чтобы пожрать его. И несчастный, не смея вылезть, чтобы не погибнуть от разъяренного зверя, не смея и прыгнуть на дно колодца, чтобы не быть пожранным драконом, ухватывается за ветви растущего в расщелинах колодца дикого куста и держится на нем. Руки его ослабевают, и он чувствует, что скоро должен будет отдаться погибели, с обеих сторон ждущей его; но он все держится, и пока он держится, он оглядывается и видит, что две мыши, одна черная, другая белая, равномерно обходя стволину куста, на котором он висит, подтачивают ее. Вот-вот сам собой обломится и оборвется куст, и он упадет в пасть дракону. Путник видит это и знает, что он неминуемо погибнет; но пока он висит, он ищет вокруг себя и находит на листьях куста капли меда, достает их языком и лижет их».

Эта притча про нашу обыденную жизнь, про людей, которые еще не обрели подлинного смысла своей жизни, не обрели Бога и радостной перспективы жизни в Боге.

Таким людям финал их жизни, конечно же, должен представляться в высшей степени жутким. Две мыши — белая и черная — это день и ночь, то есть сутки. Две мыши работают, они работают неустанно... Конечный, ограниченный отрезок времени, который нам суждено прожить в этом мире, неуклонно сокращается. Вода жизни вытекает по капле, и чуть раньше или чуть позже сосуд жизни опустеет, и мы умрем. Большинство людей ведет себя подобно путнику из притчи — тешат себя каплями меда призрачных удовольствий этого преходящего мира. Люди придумывают самые разнообразные «обманки» и «заглушки», с помощью которых они более или менее успешно отвлекают свой взор от лицемерия жуткой, но и самой важной правды о том, что все мы чуть раньше или чуть позже умрем.

Но не все люди ведут себя подобно путнику из притчи и закрывают глаза на основную правду жизни — любой физический объект рано или поздно разрушится. Не все паникуют перед неизбежностью смерти. Такими бесстрашными перед лицом смерти людьми являются подлинны христиане. Таким духовно бесстрашным человеком был великий француз, выдающийся ученый и мыслитель-философ, и прежде всего великий христианин, человек глубокой и живой веры — Блез Паскаль.

Жил он очень недолго — родился в 1623, а умер в 1662 г. Очень рано проявились его способности к занятиям точными науками — математикой, физикой. Впоследствии он стал одним из основателей математической теории вероятностей. Сделав ряд выдающихся открытий в разных областях физики и математики, Паскаль, будучи еще молодым человеком, разочаровался в науке, поскольку не нашел в точных (математизированных) науках ответов на волновавшие его вопросы нравственной жизни.

«Если я не знаю основ нравственности, — писал он, — то наука об окружающем мире не принесет мне утешения в тяжкие минуты жизни, а вот основы нравственности утешат и при незнании науки о предметах. Паскаль прожил совсем немного времени, но пережил, прочувствовал и передумал не столько умом, сколько сердцем очень и очень много.

Известно, что есть не только, так сказать, «ум ума», но и «ум сердца», который гораздо глубже первого. «Умом нашего ума» мы приспособляемся к этому физическому миру, к привычному для нас слою реальности. А «умом сердца» мы взыскуем Иного Мира, Иного Слоя Реальности... «Умом сердца» мы взыскуем и находим Бога или отворачиваемся от Бога, отказываемся от Него. Оба вида ума были даны Паскалю Богом в превосходной степени — он был и выдающимся ученым, и великим христианином.

Основным и наиболее прославленным философским и богословским трудом Паскаля является сборник его очень глубоких и более или менее развернутых мыслей — о мире, о Боге, о человеке, а также об отношении человека к миру и Богу. Этот сборник так и назван: «Мысли». Он несколько раз издавался и на русском языке.

В качестве примера приведу рассуждение, которое получило название «Пари Паскаля». Это рассуждение представляет собой некий мысленный эксперимент — некую мысленную «игру в кости», причем эта «игра» обращена к неверующим людям. Я приведу ее в свободном пересказе.

Паскаль убежден, что в Бога нужно верить, несмотря ни на что, в частности на то, что существование Бога невозможно логически доказать.

Замечу, что если бы существование Бога можно было доказать логическими средствами, то вера в Бога была бы логически принудительной. Но Господь создал нас свободными. Поэтому Он не принуждает нас верить в Себя. Если мы хотим спастись, то должны свободно выбрать Бога.

Итак, конечно же, нельзя логически доказать существование Бога. Но на Бога нужно делать ставку, то есть нужно, точнее полезно, вести себя так, как будто бы Бог существует.

Основной ход рассуждения Паскаля таков: Бог или существует, или не существует. На что нам «ставить»? Что выбрать? Существование Бога? Или Его несуществование? Что счесть более правдоподобным, более вероятным? Если слушаться только «ума ума», то есть формальной логики, то не нужно ставить ни на существование Бога, ни на Его несуществование, так как чистая логика не может предпочесть ни первого варианта, который говорит, что Бог существует, ни второго варианта, который говорит, что Бога не существует. Но мы не можем не играть, мы жизнью нашей втянуты в эту игру, мы не можем не выбирать, *мы должны выбирать*! Так давайте же взвесим наш возможный выигрыш или проигрыш в случае того или иного выбора.

Первый вариант: мы ставим на Бога. В данном случае, выиграв, мы обретаем все — с Богом мы сильны в высшей степени. Проиграв же, не теряем ничего, мы всего лишь не обрели дополнительной (с точки зрения неверующего человека) силы и благодати.

Второй вариант: мы ставим на то, что Бога нет. В этом варианте, выиграв, мы не приобретаем ничего, ибо и так не верим в Бога. Проиграв же (в случае, что Бог действительно существует), теряем все, ибо мы безвозвратно теряем преизобильную полноту бытия в Боге.

Подобное рассуждение, убежден Паскаль, говорит нам, что нужно, отбросив колебания, ставить на Бога.

Но существуют ли, кроме «холодного расчета», который Паскаль образно выразил в виде «Пари», другие основания для веры в Бога?.. Да, убежден Паскаль, такие основания существуют, и важнейшим из них является то, что наша душа тянется

к Богу, страстно взыскует «Пари Паскаля», обращено прежде всего к людям, которые еще не уверовали в Бога. Паскаль как бы призывает: «Друзья! Вы пока еще не верите в Бога, но, надеюсь, вы — разумные люди... Слушайте же меня...».

А.П. ЧЕХОВ — ХРИСТИАНСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

В советское время «официальные» исследователи творчества Чехова писали, что Антон Павлович был материалистом, то есть не верил ни в существование Бога, ни в существование и бессмертие человеческой души. Так ли это? Действительно ли Чехов был убежденным материалистом? Этот вопрос и поиск ответа на него не настолько просты и очевидны, каковыми они казались в изложении «официальных» исследователей. Верно, молодой Чехов иногда высказывал материалистические взгляды. Например, в письме к издателю А.С.Суворину от 7 мая 1889 г. (Антону Павловичу было около 29 лет) он пишет по поводу одного из романов французского писателя Бурже: «Роман интересен. Если говорить о его недостатках, то главный из них — это поход против материалистического направления. Подобных походов я, простите, не понимаю. Прежде всего, материалистическое направление — не школа и не направление; оно не есть нечто случайное, преходящее; оно необходимо и неизбежно и не во власти человека. Все, что живет на земле, материалистично по необходимости. Мыслящие люди — материалисты тоже по необходимости. Они ищут истину в материи, ибо искать ее больше им негде, так как видят, слышат и ощущают они одну только материю. По необходимости они могут искать истину только там, где пригодны их микроскопы, зонды, ножи. Воспретить человеку материалистическое направление равносильно запрещению искать истину. Вне материи нет ни опыта, ни знаний, значит, нет и истины».

Таким образом, молодой Чехов утверждает, что вне материи нет ни опыта, ни знаний, ни истины. Этими словами Чехов в высшей степени ясно характеризует себя как убежденного материалиста. Материалистические убеждения в XIX в. были широко распространены в среде российской интеллигенции, особенно среди людей, которые получили естественнонаучное и медицинское образование. Антон Павлович по образованию и по профессии, которой он, надо сказать, гордился, был врачом. Поэтому неудивительно, что молодой Чехов был материалистом. Но остался ли он материалистом?

Уже в 1894 г., то есть через 5 лет после исповедания материализма в письме к Суворину, он пишет свой замечательный рассказ «Студент». Об этом рассказе, кстати, сам Антон Павлович в конце своей жизни говорил как о самом любимом, наиболее «отделанном» своем рассказе.

«Студент» — это и по содержанию, и по глубокому чувству, выраженному в нем, христианский рассказ. Убежден, что нехристианин не смог бы написать его. А другие произведения Антона Павловича? «Архиерей», «Тоска», «Нищий», «Святая ночь» и многие, многие другие? Все это подлинно христианская проза.

Какой-нибудь материалистически мыслящий исследователь Чехова может сказать: «Чехов мог писать рассказы, которые вам кажутся христианскими, а мне, например, они не кажутся таковыми. В сфере же интеллектуального самоотчета, то есть отчета перед самим собой и перед другими людьми о своих философских убеждениях, Чехов мог оставаться материалистом».

Что я могу возразить на подобную реплику воображаемого оппонента? Прежде всего, я должен согласиться с тем, что художественные тексты Антона Павловича являются, конечно же, не более чем косвенными (не прямыми) свидетельствами в пользу нематериалистических, христианских убеждений позднейшего Чехова. Поэтому моя дополнительная задача — разыскать прямые свидетельства изменения убеждений Чехова. В качестве таких свидетельств может выступать лишь прямая речь Антона

Павловича, в которой он выражает свои изменившиеся убеждения. Чуть позже я предъявлю такие свидетельства. Но прежде приведу еще одну цитату из письма к Суворину: «Психические явления поразительно похожи на физические — не разберешь, где начинаются первые и кончаются вторые? Я думаю, что когда вскрываешь труп, даже у самого заядлого спиритуалиста (то есть человека, который убежден в существовании души. — *В.К.*) необходимо явится вопрос: где тут душа?». В этом отрывке Чехов высказывает материалистическое понимание деятельности нашей психики — понимание деятельности нашей души как некоей «функции» деятельности нашего мозга, как чего-то производного от деятельности мозга.

Считалось, а многие так думают и до сих пор, что состояния мозга — это причины состояний сознания и, соответственно, состояния нашего сознания — это не более чем следствия состояний нашего мозга. Поэтому, говорят сторонники такого мнения, когда перестает работать мозг, тогда прекращается и всякая психическая деятельность, прекращается всякая деятельность так называемой души. Короче говоря, никакой души, как чего-то независимого от конечного, смертного, бренного тела не существует. Так считали материалисты XIX в., так считают и современные материалисты. Точно так же в молодости считал и Чехов, который получил материалистическое медицинское образование.

И тем не менее, могу вполне уверенно заявить, что Антон Павлович впоследствии отказался от материалистического понимания деятельности нашей психики. Прямое свидетельство этого отказа в одной из его позднейших «Записных книжек». Антон Павлович пишет:

«В человеке умирает лишь то, что поддается нашим пяти чувствам. А то, что находится вне этих чувств, конечно же, остается жить. И это нечто в нас, что находится вне наших чувств и что остается жить после умирания нашей смертной части, вероятно, громадно и невообразимо высоко».

Это прямое свидетельство того, что наш великий писатель, в конце концов, поверил в существование души и в ее бессмертие!

В заключение скажу несколько слов об «убедительности» материалистической аргументации в пользу того, что, если вскрыешь труп, то никакой души в нем не обнаружишь. В этой связи припомнился фрагмент публичного диспута большевика, материалиста, наркома просвещения А.В.Луначарского с обновленческим епископом Введенским. Этот диспут проходил в 20-х годах XIX в. Луначарский говорил: «Душа не существует: это доказала наука, ибо если мы вскрыем человеческий мозг, то не обнаружим в нем никакой души!» В ответ ему Введенский же заявляет: «Мы все сегодня были очевидцами проявлений, несомненно, выдающегося ума моего глубокочтимого оппонента. Но если мы заглянем в черепную коробку Анатолия Васильевича, то мы там обнаружим лишь мозговое вещество и не обнаружим там никакого ума в собственном смысле слова. Так что же? на основе этого гипотетического эксперимента мы скажем, что у Анатолия Васильевича нет ума?! — Да ни в коем случае!».

Аргументация материалистов против существования души очень похожа на аргументацию Хрущева против существования Бога. «Бога нет, — сказал Хрущев, — ведь Гагарин в космосе летал и никакого Бога там не обнаружил».

ПУТЬ К БОГУ Н.И. ПИРОГОВА

Николай Иванович Пирогов (1810 — 1881) — выдающийся русский анатом, хирург, основатель военно-полевой хирургии. Он первым в 1847 г. произвел операцию под наркозом на поле боя, ввел неподвижную гипсовую повязку, разработал ряд новых хирургических операций, составил ставший всемирно знаменитым четырехтомный

атлас по топографической анатомии; участвовал в обороне Севастополя 1854-55 гг., во франко-прусской войне 1870-71 гг., а также в русско-турецкой войне 1877-78 гг.

Опубликовал несколько ярких статей на педагогические темы. Эти статьи имели огромный успех в русском образованном обществе, и Пирогова назначили Попечителем Одесского учебного округа, то есть главным начальником в области образования Одесской губернии. Но его независимый и прямой характер, а также либеральные взгляды быстро привели его к конфликтам с местной администрацией. Либерализм Пирогова проявлялся в том, что он боролся с сословными предрассудками в области образования и выступал за автономию университетов. Его перевели в Киев на такую же должность. Там история повторилась, и его под благовидным предлогом — «по расстроенному здоровью» — освободили от должности. Он уехал в имение (село Вишня на Украине), где и жил до своей кончины.

Пирогов не получил специального философского образования и философом себя не считал. Но он обладал сильным незаемным, то есть самостоятельным, умом, что привело его к формированию цельного, продуманного и очень интересного философского мировоззрения.

В молодости Пирогов был последовательным материалистом. Материализм того времени состоял в убежденности в том, что все движения человеческого духа сводимы к «брожению соков» в человеческом организме. Можно сказать, что медик вполне «естественно» был материалистом, поскольку медицинская наука предпринимала систематические усилия, направленные на обоснование именно материальных преобразований в человеческом организме. И очень многие умные и достойные люди того времени попадали под влияние этой в высшей степени необоснованной гипотезы, многие, но далеко не все. К числу выдающихся ученых, которые, подвергнув материалистическую гипотезу беспристрастному логическому анализу, в конце концов отказывались от материалистического объяснения жизни нашей души, относится и Николай Иванович. Пирогов пришел к выводу о неосновательности материализма, который безраздельно царил в науке его времени, и перешел на позицию, которую сам назвал «рациональным эмпиризмом».

Суть этой позиции можно выразить так. С эмпирическими, то есть опытными, наблюдаемыми, фактами, несомненно, нужно считаться. Но в то же время факты нужно стремиться понять, что они выражают, какая реальность стоит за ними! В этом стремлении не нужно бояться выдвигать и логически разрабатывать различные смелые, но хорошо обдуманые, умозрительные (философские) гипотезы, то есть предположения. И Пирогов стал выдвигать такие гипотезы. Прежде всего он осознал невозможность чисто материалистического объяснения жизни и пришел к выводу, что жизнь непродуцируема от материи (от вещества). Такое мировоззрение можно назвать биоцентрическим, в центре которого стоит понятие жизни. Исходный пункт этого мировоззрения — учение о мировом мышлении-жизни. Беспредельно текущий Океан жизни (Вселенская жизнь) вмещает в себя всю Вселенную, пронизывает собою все материальные элементы Вселенной — атомы, их конфигурации и т. д. Вселенская жизнь группирует и перегруппирует эти элементы в более сложные образования (структуры), которые приспособлены к ее различным целям. Океан жизни в то же время представляет собой Высший вселенский разум. Наш же, человеческий, разум — это не продукт взаимодействия материальных элементов, как считают материалисты, а частица мирового разума. Наш мозг — это «аппарат, искусно сработанный для определенной цели самой жизнью. Эта цель — обособление мирового ума», — писал Пирогов. Более того, он пришел к убеждению, что вечно изменяющийся мировой ум в качестве своего источника должен иметь нечто Неизменное и Абсолютное, которым может быть только Бог, только Творец мира. Николай Иванович писал, что надо признать «верховный разум и верховную волю Творца, проявляемые целесообразно посредством мирового ума и мировой жизни в веществе».

Пирогов не разделял характерное для науки его времени представление о том, что в мире «царствует случайность» — якобы «случайно» появился человек, у которого не менее «случайно» образовался разум и т. д., и т. п. (Случайность в то время понималась как «беспричинность».) Ученый был убежден, что Творец целесообразно организует Вселенную через посредство мирового ума. Именно это убеждение является основанием для критики «случая», ибо случайного, то есть беспричинного, не существует, поскольку Творец целесообразно организует Вселенную через посредство мирового ума. Отсюда Пирогов делал вывод о существовании предопределения, согласно которому будущее однозначно определяется прошлым — полностью содержится в прошлом. Не могу не заметить, что, с моей точки зрения, вывод Пирогова о существовании предопределения представляется далеко не бесспорным. Впрочем, где философия — там и спор.

Сам Николай Иванович пришел к Богу сначала чисто умозрительным, философским путем: наблюдаемые опытные данные легли в основу идеи о существовании непосредственно не наблюдаемого, то есть мирового ума-жизни, от которого решительно шагнул к идее Бога-Творца.

Этот путь, видимо, наиболее подходил Пирогову по складу его ума. Но он не отрицал и другого, обычного для людей пути к Богу — пути веры. Он говорил, что вера — это живое ощущение Бога, таинственной реальности Личности Иисуса Христа. И сам он в конце своей жизни пришел к этой вере — к живому ощущению таинственной, но несомненной реальности Личности Иисуса Христа. Можно сказать, что в конце философского пути Николая Ивановича к Богу его ждал и принял в Свои спасительные объятия Иисус Христос, как Он ждет и примет всех нас, кто сердцем примет Его.

«SILENTIUM!» ТЮТЧЕВА

Передо мной стихотворение Федора Ивановича Тютчева, которое он назвал по-латински «Silentium», что в переводе на русский язык означает «Молчание!».

*Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои —
Пусть в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи, —
Любуйся ими — и молчи.
Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?*

*Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи, —
Питайся ими — и молчи.*

*Лишь жить в себе самом умей —
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум;
Их оглушит наружный шум,*

*Дневные разгонят лучи, —
Внимай их пенью — и молчи!..*

Стихотворение говорит о нашем безысходном одиночестве, о трагической самозамкнутости в самом себе: и хотел бы излить свою душу кому-нибудь, рассказать о том, что глубоко волнует, а не могу. Оно говорит о том, что невозможна исповедь, точнее говоря, невозможна передача сути действительного содержания жизни и глубоких эмоциональных движений души от одного человека другому. Например, если бы я очень хотел поведать другому человеку то, чем я мучаюсь или чему я радуюсь, то в принципе я не смог бы точно передать ему содержание ни моей муки, ни моей радости.

Прав ли Тютчев? Думаю, что во многом прав, но прав не абсолютно, прав относительно многих, но далеко не всех ситуаций, которые бывают в нашей жизни. Мы все же можем преодолевать преграды между нашими душами, в определенных ситуациях и при наличии определенной душевной одаренности можем преодолевать барьеры между нами.

Но прежде чем рассказать о том, каким образом мы можем преодолевать преграды между нашими душами, хочу привести некоторые факты современной психологии.

Важно уяснить: прежде чем мы сможем, говоря словами Тютчева, «высказать себя», мы должны понять сами себя, содержание своей душевной жизни. Самопонимание — это обязательное предварительное условие «высказывания себя» другому человеку (необходимое, хотя и заведомо недостаточное условие).

Психология утверждает, что существуют серьезные трудности, которые более или менее регулярно встречаются на пути нашего самопонимания (самопознания). Эти трудности были описаны австрийским психиатром Зигмундом Фрейдом. Бесспорным вкладом Фрейда в современную психологию является описание и анализ, в частности, самозащитных механизмов нашей психики. Самозащитные механизмы нашей психики — это специфические приемы, которые психика применяет для поддержания своего равновесия, чтобы «не сломаться», и чтобы мы не впали в душевное недомогание или даже психическую болезнь. Принцип действия этих механизмов таков: равновесие нашей психики поддерживается путем исключения из нашего сознания и переработки неприемлемой для нас информации о мире и о нас самих, и прежде всего о нас самих. Мы очень часто подавляем и исключаем из нашего сознания тот или иной импульс, желание или воспоминание, — вызывающее в нас напряжение и мучительную тревогу. Так мы, точнее, наша «самозащищающаяся» психика, часто поступаем как с постыдными, то есть унижающими нас, желаниями, так и с постыдными воспоминаниями. Например, человек может «вполне честно и искренне» забыть, скажем, о своем некрасивом (недостойном) поступке.

Действие самозащитных механизмов нашей психики напоминает действие механизма, который поддерживает равновесие известной игрушки «Ванька-встанька».

Среди самозащитных механизмов есть прием, который называется рационализацией. Рационализация — это самообман, попытка рационально, то есть более или менее логично и разумно, обосновать абсурдный, нелепый, противоречащий требованиям нашей совести импульс нашей психики, или идею нашего сознания. Например, у несимпатичного нам человека без малейшего грода мы найдем уйму «недостатков», а у себя или у близких людей те же самые недостатки, так сказать, «в упор» не видим, а, наоборот, видим достоинства, которых, вполне возможно, и нет. Рационализация проявля-ется, в частности, в нашем самооправдании и в самовозвышении. Впрочем, иногда она может проявляться и в необоснованном самообвинении и самоуничижении, когда человек предстает перед собой в гораздо худшем виде, чем он является в действительности. Люди, нелишне заметить, довольно часто излишне суровы по отношению к самим себе. Кстати сказать, исповедь, о принципиальной возможности которой я говорю, очень часто и в значительной степени представляет

собой именно рационализацию, то есть некую «подгонку под ответ», который по той или иной причине желателен для нас, желателен для нашей психики.

Итак, попытки самопознания очень часто оборачиваются ложью рационализации, самооправдания, напрасного самообвинения или какой-либо другой ложью. Таким образом, получается, что рациональное самопознание, то есть познание нами нашей же душевной жизни средствами нашего же разума, едва ли возможно. Но подумаем вот о чем: не располагаем ли мы каким-либо внерациональным способом или приемом самопознания? Подумав, мы сравнительно легко получаем утвердительный ответ, и понимаем, что истинное содержание нашей душевной жизни время от времени усваивается нами непосредственно, интуитивно, внерациональными прозрениями вглубь себя.

Интуиция — это хотя и таинственная, но, несомненно, существующая способность нашей души, которая позволяет успешно преодолевать всевозможные «самозащитные» психические препятствия в ходе наших стремлений понять как движения нашей собственной души, так и глубины чужой души.

Далеко не всегда «чужая душа — потемки». Таким образом, и свою, и даже чужую душевную жизнь вполне можно воспринять и понять.

Но можно ли выразить это понимание? Я убежден, что можно — взглядом, движением руки, интонацией голоса... Я думаю также, что передать течение душевной жизни можно и словами, ломая, казалось бы, непреодолимые преграды, о которых Тютчев говорил: «Мысль изреченная есть ложь». Кстати сказать, замечательным примером преодоления этих преград является само стихотворение «Silentium»! Думаю, однако, что и в случае словесного выражения содержания душевной жизни важны не столько слова, сколько паузы, недомолвки, жесты, выражающие интонацию...

РИМСКИЙ ИМПЕРАТОР **МАРК АВРЕЛИЙ И ХРИСТИАНСТВО**

Римский император и философ Марк Аврелий (121 — 180) был разумным политиком, действовал в согласии с римским сенатом, но одновременно укреплял государственный аппарат империи и расширял его функции. Едва ли не единственный в мировой истории как глава государства еще при жизни он заслужил титул «философ на престоле». Занятия философией помогли ему терпеливо переносить всевозможные невзгоды и недуги. По словам современников, его «умение владеть собой было столь велико, что его лицо всегда оставалось спокойным — и в горе и в радости». По своим философским взглядам он принадлежал к знаменитой в древности школе стоиков. Согласно взглядам последователей этой школы, мир — это единое живое целое, руководимое единым высшим мировым (космическим) разумом. Этот мировой разум воспринимался ими как бог, который пронизывает собою всю реальность вплоть до ее мельчайших деталей. Подобные воззрения называются пантеизмом. (Греческое слово «пантеизм» буквально означает «всебожие», то есть бог есть все или бог совпадает со всем миром.) По существу пантеисты отождествляли бога с природой. Задачу человека стоики видели в достойной, нравственной и благочестивой жизни, отвечающей требованиям единого высшего космического разума, который является источником принципов нравственности.

Основным предметом философских интересов Марка Аврелия были принципы достойного, то есть нравственного, поведения человека. Как философ он прославился своим сочинением, которое в русском переводе известно под названиями: «Наедине с собой», «К самому себе», «Размышления». Это сочинение было написано им в 70-х гг. II в. во время затяжной войны на дунайской границе Римской империи и представляет собой несистематизированные афористические (краткие) дневниковые записи о том, как устроен мир и о принципах нравственного поведения человека.

Несистематизированность и интимный (личный) характер записей, на мой взгляд, скорее достоинство, чем недостаток его сочинения. Эти черты являются типичными для процесса размышления о важнейших жизненных вопросах любого человека и в любую историческую эпоху.

Присмотримся к самим себе: как мы размышляем о своей жизни и о жизни мира? Зачастую наша мысль движется с разной скоростью, иногда рывками, часто останавливается, застревает в каком-нибудь интеллектуальном или духовном тупике, возвращается назад, идет «по кругу», по спирали... ход мыслей порой напоминает беспорядочное движение в лабиринте с целью найти выход, выйти на свет истины. В «Размышлениях» Марка Аврелия мысль кружится, петляет, возвращается назад, самоуглубляется. Все это позволяет увидеть в его записях живого человека, предельно искреннего перед самим собой.

Судя по всему, записи не предназначались для опубликования, поэтому в них нет назидательности, литературской «рисовки» — Марк Аврелий, так сказать, «не работает на читающую публику». Он предельно искренне рассуждает о том, как и для чего ему нужно жить.

И когда читаешь эту книгу, то этот великий духом римский император становится близок и невольно думаешь: «И тогда жили люди, и думали о том же, о чем думаем и мы, и очень часто жить им было столь же нелегко, как и нам...» — и на сердце становится чуть теплее, и душе становится чуть легче, и жизнь становится чуть терпимее...

Предельная искренность Марка Аврелия перед самим собой и четкость отражения на страницах книги результатов его самоанализа имеют общечеловеческий и «всевременной» интерес. Книга Марка Аврелия — это один из самых выдающихся в мировой литературе документов исповедального философского характера.

В его книге можно найти высказывания, которые очень родственны христианству, христианскому пониманию нравственных обязанностей человека перед людьми, Богом, собой и вселенной.

Марк Аврелий жил во времена первоначального христианства и был главой империи, в пределах которой возникло и распространилось христианство. Как же он относился к христианам? Надо прямо сказать, что он был человеком своего времени, поэтому полностью разделял предубеждения против христиан, которые были распространены в высших слоях римской империи. Он не понял и не принял христианское учение. При нем были даже гонения на христиан, но несмотря на это, сами христиане, точнее их духовные руководители (вожди, отцы первоначальной Церкви), не причисляли его к своим врагам. А примерно двумя веками позже святой Иероним, который перевел Библию на латинский язык, прямо писал, что стоики, а значит, и Марк Аврелий, весьма во многом были согласны с христианским учением.

В заключение приведу некоторые высказывания, которые призывают нас несуетливо и вдумчиво относиться к жизни.

«Все на день: и кто помнит, и кого помнят»;

«Брось волчком вертеться»;

«Все следует делать, обо всем говорить и помышлять так, как будто каждое мгновение может оказаться для тебя последним»;

«Жизнь коротка; один плод земного существования — это праведный душевный склад и дела на общую пользу»;

«Самая продолжительная жизнь ничем не отличается от самой краткой. Ведь настоящее для всех равно, а следовательно, равны и потери — и сводятся они всегo-навсего к мгновению»;

«Не живи так, точно тебе предстоит еще десять тысяч лет жизни. Уже близок час. Пока живешь, пока есть возможность, старайся быть хорошим»;

«Ни с кем не случается ничего такого, чего он не в силах был бы вынести».

Эти и многие другие высказывания Марка Аврелия напоминают высказывания Библии, содержащиеся в Псалтири, в Книге Притчей Соломоновых, в Книге Екклезиаста и в других книгах Библии.

Книга Марка Аврелия заслуживает того, чтобы ее читали и перечитывали...

О РОМАНЕ М.БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА» С ХРИСТИАНСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Этот роман очень популярен в России. Связана эта популярность с двумя обстоятельствами. Во-первых, он великолепно написан — живой, яркий, образный язык, тонкий юмор, захватывающий сюжет — все это привлекает читателей, заставляет не только читать, но и перечитывать роман. Во-вторых, что тоже очень важно, в романе выведен образ Иисуса Христа под именем Иешуа га Ноцри, примерно так по арамейски звучит имя Иисус из Назарета. Некоторые читатели, заинтересовавшись образом булгаковского Иешуа, переходили затем к евангельскому Иисусу Христу и становились христианами. Эти люди, естественно, благодарны Булгакову. Подобные факты дают основание для мнения, что «Мастер и Маргарита» — это «христианский роман». Попробуем разобраться, насколько это мнение основательно.

Автор поставил перед собой задачу показать, как «на самом деле» происходили евангельские события после взятия Христа под стражу, то есть следствие, проведенное Понтием Пилатом, и последующая казнь. Булгакова, видимо, «не устраивало» традиционное библейское изложение евангельских событий, что само по себе уже настораживает. По существу он представил «новый» вариант Евангелия. Но от кого это «евангелие»? Может быть, от самого Булгакова? Ответ на этот вопрос не так уж прост, поскольку автор представляет себя лишь «передатчиком» сведений о евангельских событиях — «передатчиком» от... сатаны. Да, от сатаны, который выведен в романе под именем Воланда. Так что перед нами — «Евангелие от Сатаны!» Но, может быть, это всего лишь литературный прием, так сказать, «форма», а содержание романа не является антихристианским, сатанистским? Написал же, скажем, К.Льюис свои «Письма Баламута» — глубоко христианские по содержанию, а по форме — не что иное, как переписка двух чертей — необстрелянного «новобранца» с «ветераном» их паскудного «движения». Попробуем разобраться...

Булгаков своим романом по существу проповедует Мысль, что между добром и злом нет резкого разграничения. Более того, Воланд предстает перед читателями в виде хоть и сумрачного, но, в конечном счете, «положительного» героя — эдакого немного усталого от своей мудрости философа, наделенного сверхчеловеческими силами. А свита Сатаны-Воланда — адские силы — представляет собой вообще «компанию» обаятельнейших симпатяг. Достаточно вспомнить убийцу Азazelло, кота Бегемота, шукаря-регента, ведьму Геллу...

Интересно, как Булгаков сам для себя мотивировал представление адских сил в виде, так сказать, «положительных героев», «положительных величин»? Как мне кажется, заслуживающий внимания ответ на этот вопрос дал православный священник Георгий Кочетков в одной из своих статей.

О. Георгий определяет роман «Мастер и Маргарита» как произведение духовное и даже христианское. По его мнению, роман представляет собой попытку объяснения Булгаковым страшной реальности бытия в сталинские годы, попытку обнаружить смысл жизни в аду. Кроме того, роман показывает, что «все от Бога», даже действия адских сил. Священник Кочетков считает, что на фоне Сталина даже сатана выглядит едва ли не ангелом, посланником Бога, а, впрочем, и сам Сталин — «от Бога». Так Кочетков объясняет замысел Булгакова и считает его вполне христианским. Посмотрим, так ли это.

Булгаковский Сатана-Воланд, оправдывая себя и свое поведение, задает вопрос: «Что бы делало ... добро, если бы не существовало зла, и как бы выглядела земля, если бы с нее исчезли тени?». Ясно, что под видом вопроса сатана утверждает, что зло является необходимым дополнением добра, как тень — необходимое дополнение света. Кроме того, по мнению сатаны, действия сил зла так же неизбежны и «поощрительны», как и действия сил добра, Божьих сил. И Булгаков (как и о.Георгий) согласен с этой позицией.

Если бы булгаковский сатана, сам Булгаков и о. Георгий остановились на утверждении, что зло — это необходимое дополнение добра, то с ними вряд ли стоило бы спорить. И в Библии сказано об одном дереве познания добра и зла: вкусив один плод, мы познали и добро, и зло, то есть добро и зло тесно сопряжены. Это утверждение не противоречит христианству. Но ведь Михаил Булгаков и священник Кочетков не останавливаются на этом утверждении. Они делают дальнейший вывод — все от Бога, даже действия носителей зла(!) Может ли христианин согласиться с этим выводом? Убежден, что ни в коем случае! Зло есть зло, добро есть добро, и вместе им не сойтись! Только добро от Бога, зло же — от извращенной, испорченной воли тварей — падших ангелов и людей. Кстати, даже с чисто логической точки зрения из утверждения о тесной сопряженности добра и зла отнюдь не следует утверждение о том, что действия носителей зла имеют свой источник в Боге. Этот вывод не является результатом применения правил логики.

Мнение, что «все от Бога» по существу равносильно мнению, что — помимо «чистых», «беспримесных» добра и зла — существуют так называемые «доброе зло» и «злое добро». Адские силы в романе Булгакова — это и есть силы «доброе зло».

Кстати, мнение о том, что существуют «доброе зло» и «злое добро», не является изобретением ни Михаила Булгакова, ни о.Георгия. Этому мнению — тысячи лет... Оно бытует с тех самых пор, как существует сатана. Время от времени это мнение возрождается в истории человечества в различных религиях, в философии, в расхожей «житейской» идеологии. Видимо, важной психологической предпосылкой периодического возрождения мнения о существовании «доброе зло» является действие одного из «самозащитных» механизмов человеческой психики. Этот механизм действует примерно так: чтобы физически и психически выжить в ситуации кажущегося неуправляемым и победительным напора зла — тиранического зла, фашистского зла, коммунистического зла, террористического зла, — человек уговаривает себя «в той или иной мере» встать на сторону зла. Каким образом «уговаривает»? Путем «обнаружения» в зле, в действиях сил зла тех или иных «привлекательных», «человечных» моментов и сторон. Именно таким образом появляется представление о «доброе зло», о том, что «зло может быть добрым»...

Чтобы выжить телесно и психически, человек позволяет машине зла «частично» зацепить его. Но ухватив часть души, она постепенно втягивает в себя всю душу. «Коготок увязнет, всей птичке пропасть!» Желая спасти свою плоть и свою психику, человек губит свою душу, идентифицируется со злом и начинает ему верно служить. Вот к чему приводит представление о том, что зло может быть «доброе». Это антихристианское, сатанинское представление! Рассматриваемый нами роман Булгакова по существу представляет собой оправдание этого представления, оправдание, на мой взгляд, тем более опасное и душегубительное, что оно подается в яркой, литературно талантливой и привлекательной форме. Перед нами сатанистский роман! Кстати, сами сатанисты это прекрасно понимают, считая роман «своим». В этом сочинении, между прочим, даже «черная месса» описана в «положительном» плане — под видом «великого бала у Сатаны»...

А как же факты, о которых я упомянул раньше, факты «приведения ко Христу через чтение этого романа»? Думаю, что отношение к этим фактам должно быть примерно таким же, как отношение к фактам прихода ко Христу через изучение

окультистской, сатанистской литературы. Изучение подобной литературы может заинтересовать человека, направить его интерес в сторону иного — не земного — мира. А затем уже Господь дополнительным импульсом благодати может повернуть этот интерес к Себе, на Себя. Заслуги сатаны в этом деле нет! Наоборот, сатана оказывается посрамлен. Он — враг Бога, вдохновляет людей на создание сатанистских, философских, псевдобогословских и литературных произведений в своих интересах. Он выполняет свою задачу — украсть у Бога человеческие души, соблазнить и погубить их... Но Бог его посрамляет!

Но здесь возникает очень непростой вопрос: почему Бог далеко не всегда явным, зримым образом посрамляет лукавого? Почему далеко не всегда энергия изучения окультистской, сатанистской литературы эффективно используется Богом для приведения людей к Себе? Я не могу четко и однозначно ответить на этот вопрос... ибо здесь мы сталкиваемся с тайной человеческой свободы. Видимо, сатане удается «мертвой хваткой» зацепить человека на «крючок» вдохновленной им литературы в тех случаях, когда читатель уже в самом начале своего знакомства с подобной сатанистской литературой делает в глубине своей души однозначный и страшный выбор — выбор в пользу сатаны, в пользу сил зла, а не в пользу Бога.

ДА НЕ БУДЕТ ТАК С НАМИ!

ПРЕДАТЕЛЬСТВО ИУДЫ

Все знают, что Иуда предал Иисуса Христа. Имя «Иуда» даже стало синонимом слова «предатель». Поэтому, когда о ком-нибудь хотят сказать, что он — предатель, его вполне могут назвать «Иудой». О предательстве Иуды говорится во всех четырех Евангелиях. Например, у Марка (Мк. 14:10,43-46) написано так: «И пошел Иуда Искариот, один из двенадцати, к первосвященникам, чтобы предать Его им. ... (И через некоторое время — *В.К.*) приходит Иуда, один из двенадцати, и с ним множество народа с мечами и кольями, от первосвященников и книжников и старейшин. Предающий же Его дал им знак, сказав: Кого я поцелую, Тот и есть; возьмите Его и ведите осторожно. И пришел тотчас по дошел к Нему и говорит: Равви! Равви! И поцеловал Его. А они возложили на Него руки свои и взяли Его».

Существуют, однако, толкования этого события, в которых предпринимаются попытки «реабилитировать» Иуду, представить его не таким уж закоренелым злодеем. В качестве примера подобного толкования можно привести повесть русского писателя Леонида Андреева «Иуда Искариот».

В этой повести Иуда представлен как патриот еврейского народа, который верил, что Иисус, действительно, является мессией, но мессией в старом, еврейском ветхозаветном понимании, то есть вождем, первосвященником и пророком только еврейского народа, который должен избавить свой народ от угнетения чужеземцев и обеспечить ему процветание здесь, на этой земле. Кстати, из текста евангелий ясно видно, что и все другие апостолы вплоть до воскресения Иисуса Христа думали точно так же, то есть считали Иисуса мессией в традиционном, ветхозаветном смысле. Иуда у Леонида Андреева был горяч и нетерпелив, он искренне недоумевал, почему Иисус медлит с выступлением против римских оккупантов, особенно после Его триумфального въезда в Иерусалим, когда «множество ... народа постилали одежды свои по дороге, а другие резали ветви с дерев и постилали по дороге; народ же, предшествовавший и сопровождавший восклицал: осанна Сыну Давидову! Благословен Грядущий во имя Господне! Осанна в вышних!» (Мф. 21:8-9). «Как можно медлить с восстанием против римлян в ситуации, столь благоприятной для того, чтобы поднять народ на восстание? Сейчас народ готов на все ради Него. Но положение дел может измениться, и момент, благоприятный для восстания, для освобождения родины от ненавистных оккупантов, может быть безвозвратно упущен. Если Иисус — настоящий

патриот, то Он должен выступить сейчас, пока не поздно! Но Он неоправданно медлит. И вообще, какое Он имеет право на колебания?! Интересы народа — прежде всего!» — примерно такими мыслями Леонид Андреев наделяет своего героя — Иуду Искарюта. Иуда делает вывод: «Нужно спровоцировать Иисуса на выступление против римлян, нужно подтолкнуть Его на то, чтобы Он проявил всю Свою мессианскую мощь, чтобы Он призвал народ к восстанию. Но как спровоцировать? Что сделать, чтобы Иисус прекратил колебаться и решительно встал во главе народного восстания? А вот что: предать Его в руки незаконных, то есть в руки римлян. Когда они возьмут Его под стражу, Он вынужден будет проявить решительность».

Примерно таким же образом истолковал предательство Иуды известный русский православный философ, богослов и священник о.Сергий (Булгаков). Особенное внимание он обращает на слова Иуды, адресованные вооруженным людям, которые должны были взять Иисуса под стражу. Он просит, чтобы они, арестовав Иисуса, «вели» Его «осторожно», то есть, согласно Булгакову, бережно. В этих словах о.Сергий усмотрел заботливость Иуды об Иисусе, стремление не нанести Ему вреда.

Как нам относиться к подобным толкованиям предательств Иуды, к подобным попыткам его «реабилитации», «оправдания»? Я думаю, что к ним нужно относиться в высшей степени настороженно, тем более, что Сам Иисус вполне однозначно назвал Иуду предателем: "Сын Человеческий идет, как писано о Нем; но горе Тиму человеку, которым Сын Человеческий предается: лучше было бы этому человеку не родиться" (Мф. 26:24). Итак, Иисус говорит, что Иуде лучше было бы не родиться, чем совершить свое предательство. Таким образом, мы видим, что Сам Иисус, в отличие от Андреева и Булгакова, совершенно не склонен «реабилитировать» Иуду.

Зададимся вот каким вопросом: каково необходимое и достаточное условие совершения предательства? При каких обстоятельствах некий А предает некоего В? Я думаю, что необходимым и достаточным условием предательства является прекращение любви со стороны А к данному родному, еще раз подчеркиваю, — родному В. Когда, человек становится, например, предателем своих родителей, своей Родины, своей Церкви, предателем Бога? Он предает их тогда, когда перестает любить их, когда он нарушает естественный закон любви, естественный закон родства. Предают лишь родное, предают лишь родню. И, повторяю, необходимое и достаточное условие предательства — это прекращение любви, противоестественное прерывание глубокой, органичной, родственной связи, родственной солидарности.

А что может быть для нас более родным и близким, чем наш Творец, чем Иисус Христос? «Бог есть любовь, — сказал апостол Иоанн, — и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем» (1 Ин. 4:16). Таким образом, отказываясь от любви, мы отказываемся от Бога, предаем нашего Творца. Я убежден, что любое, так сказать, «частное» предательство, например предательство матери или отца, жены или мужа, предательство друга, Родины и т. д., — это, в конечном счете, предательство Бога, предательство Иисуса Христа.

Подлинно любящий неспособен на предательство. Он примет любое испытание, вплоть до смерти, но не отступит от любимого, не предаст его. Чтобы предать, нужно отвернуться от прежде любимого, нужно разлюбить его. Не любивший кого-то в принципе неспособен его предать. Поэтому, если, скажем, некто убивает кого-то, кого он заведомо считал своим смертельным врагом, он не предает его, ведь чтобы предать, нужно сначала любить, а потом разлюбить.

Предательство — это всегда измена. Иуда — предатель. Следовательно, он некоторое время подлинно любил Иисуса, а потом разлюбил Его: место Иисуса в его сердце занял сатана. Об этом написано в Евангелии от Луки такими словами: «Вошел же сатана в Иуду... И он пошел и говорил с первосвященниками и начальниками, как Его предать им» (Лк. 2:3-4). А Иоанн пишет, что сатана вошел и Иуду после того, как Иисус дал ему хлеб на тайной 11 вечере (Ин. 13:26-27). Я думаю, что сказанное

Иоанном вполне можно понимать как символическое выражение: Иисус накормил Иуду Хлебом Жизни, то есть Собой, а тот исторг этот Хлеб из себя — отказался от Него, продал Его. Иуда изгнал из своего сердца Иисуса, и опустевший трон сердца Иуды моментально занял сатана. Сатана стал «наместником Бога» в сердце Иуды предательство свершилось! Выбор в пользу предательства всегда совершается в глубине сердца человека! Поэтому предателям нет оправдания ни «внешнего», ни «внутреннего».

О ПИСЬМАХ

По роду своей работы я часто получаю письма от радиослушателей и очень рад этому. Хочется отметить, что пишут не только верующие люди, утвержденные во Христе, но и люди без определенных религиозных убеждений, люди сомневающиеся, иногда пишут и атеисты. Есть письма, в которых задаются острые вопросы, размышляя над которыми я не всегда могу легко найти ответ, который полностью устроил бы меня самого. Наиболее глубокие вопросы, как правило, задают верующие люди, которые систематически изучают Библию. Поступают также интересные вопросы и от маловерующих, сомневающихся людей, а также и от более или менее убежденных атеистов.

Недавно я получил очень интересное письмо от Бориса Ивановича Самсоненко из города Михайловского-5 Ставропольского края. По профессии Борис Иванович — горный инженер-геолог, всю свою трудовую жизнь занимался поиском и разведкой полезных ископаемых, а сейчас он на пенсии.

В этом письме нет вопросов, но имеются мысли, которые представляются весьма интересными Борис Иванович пишет:

«Много лет назад, будучи студентом, я изучал палеонтологию, науку сугубо эволюционную. Все учебники построены на теории эволюции, все преподаватели — убежденные эволюционисты. Но чем более я углублялся в изучение палеонтологии, исторической геологии, термодинамики и других наук, тем больше росла уверенность в том, что теория эволюции не является всеобъемлющей и всеобъясняющей. Она вообще не выдерживает критики, если рассмотреть ее с точки зрения методик, которые применяются при поисках и разведке. Позже, в процессе многолетней работы на природе, я пришел к убеждению о том, что акт творения является первичным, а эволюция вторична и является функцией акта творения, без которого она не имеет смысла. За все эти годы накопилось большое количество информации, которую некуда деть, У нас никогда не было доступа ни к печатному слову, ни к микрофону. В этом деле интересен тот факт, что к такому выводу пришел не философ, а прораб, то есть человек сугубо практичный и специально обученный добывать объективные факты и, устраняя все субъективизмы, находить единственно верное решение. Я не считаю себя толкователем Библии, но одно библейское изречение я хотел бы обсудить. Бог сотворил человека из глины. Но почему именно из глины? Он мог бы сотворить свое любимое детище из роскошного мрамора, из крепчайшего гранита, из идеального и прекрасного кристалла и никаких хлопот. А он выбрал глину. Я думаю, что здесь дело в следующем. Глина в своем составе содержит минералы монтмориллонита. Все минералы этой группы обладают высокой поглотительной и адсорбционной способностью и могут поглощать практически все загрязняющие вещества и микроорганизмы. Эти свойства монтмориллонитовых глин и известны людям с доисторических времен и применялись для очистки шерсти, шелка, меха и даже для борьбы со вшами. Таким образом, глина — это единственная горная порода на планете, способная к самоочищению и к очищению окружающего пространства, в том числе и от радиоактивности (все предусмотрено). Мне кажется, продолжает Борис: Иванович, — что в библейском изречении заложен философский, а не гончарный смысл. Человек,

подобно глине, способен к самоочищению от любой скверны (к сожалению, далеко не каждый). Возможно, - подводит итог наш корреспондент, - в библейском изречение зашифрован основополагающий диагностический признак человека, идеал, к которому он должен стремиться».

Соображения, высказанные Борисом Ивановичем, показались мне интересными проявление самостоятельных размышлений на библейские или, точнее, около библейские темы. Но эти размышления, я думаю, заслуживают некоторого комментария. Итак, письма пришел к выводу, что теория эволюции не выдерживает критики, что акт творения мира является первичным, эволюция вторична и является функцией акта творения. Я думаю, что под вторичностью ЭВОЛЮЦИИ БОРИС ИВАНОВИЧ ИМЕЕТ В ВИДУ ТО, ЧТО какие-то ограниченные эволюционные процессы могли происходить в нашем мире, но лишь после сотворения мира. Что ж, подобная точка зрения мне представляется вполне правдоподобной.

Теперь поразмышляем о том, из чего сотворил Бог человека. Борис Иванович считает, что Бог сотворил нас из глины. Но этой информации нет в Библии — в ней лишь говорится, что «создал Господь человека из праха земного» (Быт. 2:7). Конечно, земной прах мог бы быть глиной, но в данном месте Библии не говорится, что прах земной был именно глиной. Правда, дальше в Библии есть упоминания о глине в связи с созданием нас Богом. Например: «Ты, как глину, обделал меня», — обращается праведный Иов к Богу (Иов 10:9); или: «мы — глина, а Ты — образователь наш» (Ис. 64:8); или: «Не могу ли Я поступить с вами, дом Израилев, подобно горшечнику? — говорит Господь. — Вот, что глина — в руке горшечника, то вы — в Моей руке, дом Израилев» (Иер. 18:6).

Таким образом, в Библии есть упоминания о глине в связи с нами. Но думаю, что подобные упоминания нужно скорее понимать как метафоры, а не как прямые указания на материал, из которого мы созданы. В пользу этой трактовки также говорит следующий стих из книги Иова: «Не Ты ли вылил меня, как молоко, и, как творог, сгустил меня» (Иов 10:10). Глина, молоко и творог — это разные материалы. Значит, мы, скорее всего, не созданы ни из одного из них — ни из глины, ни из молока, ни из творога.

Библия не расшифровывает ни материала, из которого мы созданы, ни, так сказать, «технологии» создания нас Богом. Это и не требуется для нашего спасения. Вполне достаточно знать, что мы, несомненно, созданы Богом, нашим Господом, нашим Творцом, нашим небесным Отцом. Он — наш Господь, наш высший Господин, и Ему мы должны верить и служить и не спорить с Богом! Продолжу цитирование, так сказать, «глиняных» метафор Библии: «А ты кто, человек, что споришь с Богом? Изделие скажет ли сделавшему (его): "зачем ты меня сделал?" Не властен ли горшечник над глиною...?» (Рим 9:20-21).

И наконец, несколько слов о том, что человек, подобно глине, способен к самоочищению от любой скверны. Да, мы должны стремиться к самоочищению, к очищению себя от скверны. Но я не стал бы в данном случае слишком высоко оценивать наши силы и способности. Без Бога, без Его помощи, без Его очищающей и спасающей благодати мы ничего не можем, ни к чему неспособны. Только в ИБогe и только с Ним мы сильны.

